

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

АНДРЕАС ЭШБАХ

18+

УПРАВЛЕНИЕ

Андреас Эшбах

Управление

Серия «Звезды научной фантастики»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67820871
Андреас Эшбах Управление:
ISBN 978-5-17-120881-3

Аннотация

История XIX века изменилась, когда Чарльз Бэббидж создал аналитическую машину, запустив кибернетическую революцию, и к 1930-м годам в Европе уже появились компьютеры, интернет, электронная почта и активное сетевое общение. Веймар, 1942 год. Здесь находится Управление национальной безопасности, которое со времен Вильгельма II контролирует активность в глобальной сети и имеет доступ ко всем данным, которые когда-либо создавались гражданами Германского рейха, будь то банковские операции, встречи, электронные письма, дневниковые записи или выражения мнений на Немецком форуме. В нем работает программистка Хелена Боденкамп, дочь знаменитого на всю Германию хирурга и евгеника. Ее личная преданность режиму начинает рушиться под воздействием личных обстоятельств и одновременно она узнает, что начальник ее отдела, Ойген Леттке, сын героя Первой мировой войны, начинает использовать систему в собственных целях. Только

ни он, ни она еще не подозревают, на что способны новые технологии в исторических условиях Германии 1930—1940-х годов и насколько страшными могут быть технологии, кажущиеся такими привычными.

Содержание

1	8
2	56
3	82
4	86
5	101
6	121
7	131
8	141
9	150
10	154
11	164
12	169
13	179
14	196
15	205
16	223
17	235
Конец ознакомительного фрагмента.	237

Андреас Эшбах

Управление

Andreas Eschbach

NSA – NATIONALES SICHERHEITS-AMT

Перевод с немецкого: Алиса Ширшикова

В оформлении обложки использована иллюстрация Василия Половцева

Дизайн обложки: Юлия Межова

Серия «Звезды научной фантастики»

Copyright © 2018 by Andreas Eschbach

© 2018 by Bastei Lübbe AG, Köln

© Алиса Ширшикова, перевод, 2022

© Василий Половцев, иллюстрация, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

С тех пор, как лорду Чарльзу Бэббиджу в 1851 году удалось закончить свою «аналитическую машину», которая тогда еще работала при помощи парового двигателя и перфокарт, машинная обработка информации достигла быстрого прогресса, что, в свою очередь, значительно ускорило остальное техническое развитие. Еще в кайзеровской империи Вильгельма II была создана Немецкая сеть, предтеча глобальной сети, которая также сыграла важную роль в Мировой войне 1914–17 годов, но не смогла предотвратить ее неблагоприятный исход для Германии.

В Веймарской Республике стремительно распространяются портативные телефоны, разработанные еще во время войны, а также растет роль так называемых коллективных средств массовой информации, которые тоже способствовали становлению НСДАП. Когда Адольф Гитлер в 1933 году приходит к власти, его правительству помимо прочего достается Управление национальной безопасности НСА в Веймаре, которое с имперских времен контролирует активность в глобальной сети и имеет доступ ко всем данным, которые когда-либо создавались гражданами Гер-

манского рейха, будь то банковские операции, встречи, электронные письма, дневниковые записи или выражения мнений на Немецком форуме...

Черный телефон звонил восьмой раз за утро.

Мужчины, сидевшие в ожидании вокруг письменного стола, обменялись напряженными взглядами. Наконец они кивнули сидевшему перед аппаратом, самому юному среди них, со светло-коричневыми кудряшками и веснушками.

Он снял трубку.

– Управление национальной безопасности, Энгельбрехт у телефона. Что вам угодно?

Затем он сразу улыбнулся, оглядел присутствующих, внимательно слушая голос на другом конце, и успокаивающе покачал головой. Это означало *отбой тревоги*. Остальные вздохнули с облегчением.

– Да, без проблем, – произнес он и схватил карандаш. – Как это пишется? Л... и... п... Хм. Хм. – Он сосредоточенно делал записи, пока один из присутствовавших, пожилой человек в инвалидном кресле, не подал ему знак, постучав по наручным часам. – Хорошо. Получите в течение дня. Самое позднее завтра. Нет, быстрее не выйдет, к сожалению. Да. Хайль Гитлер. – И повесил трубку.

– Ну? – спросил мужчина в инвалидном кресле.

– Звонок из Восточной марки. – Он вырвал верхний лист записной книжки. – Управлению полиции Граца требуется информация о передвижениях некоего Ференца Липовича.

– Из Восточной марки? – поднял бровь мужчина в инвалидном кресле.

Молодой человек покраснел.

– Я, конечно же, хотел сказать – из рейхсгау Штирия.

– Мы настолько надоели Руди, что он предпочтет отправиться в лагерь, – иронично заметил другой мужчина с бычьей шеей и лысиной.

– Нет, я...

Мужчина в инвалидном кресле прервал перебранку:

– Пусть об этом позаботится Цинкайзен, – постановил он. – Густав, передашь?

Упомянутый, единственный из присутствовавших носивший очки, кивнул и протянул руку за листом бумаги.

– Я отнесу ей.

Он покинул кабинет. Остальные опустили на свои стулья и устались на телефон, словно желая загипнотизировать его.

Прошло десять минут, никто не проронил ни слова. Вернулся мужчина в очках и снова уселся на стул, на котором он сидел ранее, на старое темное сиденье с кожаной обивкой, затвердевшей за последние годы и издающей стоны, когда на нее садились.

Затем снова зазвонил телефон.

– Девять, – сказал тот, с лысиной.

Молодой человек положил руку на телефонную трубку, сделал глубокий вдох, снял ее.

– Управление национальной безопасности, Энгельбрехт у... – прервался он, прислушиваясь. – Да. Да, понимаю. Спасибо. Да. Хайль Гитлер.

Он положил трубку, окинул взглядом лица собравшихся, сглотнул.

– Это была его секретарша. Он в пути.

Мужчина в инвалидном кресле серьезно кивнул, сдвинулся назад и повернулся к двери.

– Ну что ж, – произнес он. – Значит, начинается.

* * *

Управление национальной безопасности располагалось в ничем не примечательном, кроме своих размеров, здании в центре Веймара, недалеко от Придворного театра, в котором в свое время заседало Германское национальное собрание, принявшее новую конституцию и учредившее в стране так называемую Веймарскую республику. И все же ведомство было основано задолго до того, еще при Вильгельме II, который, как только первые компьютеры были подключены к сети, понял, что это может создать опасность для государства, и поэтому ему потребовалась организация, которая осуществляла бы над этим контроль. Так возникло *Императорское ведомство по контролю за компьютерами*, и то, что это случилось в Веймаре, было в первую очередь обусловлено тем обстоятельством, что Веймар представлял собой

нечто вроде приблизительного географического центра Германской империи и, следовательно, все каналы связи могли наиболее оптимально стекаться именно сюда.

Осенью 1917 года, когда Мировая война закончилась поражением Германии, одной из многих санкций, наложенных державами-победительницами на империю, было аннулирование всех немецких патентов, разумеется, включая те, которые касались проектирования компьютеров или разработанной во время войны портативной телефонии. До того момента в остальном мире компьютеры считались своеобразным баловством, за исключением Англии, конечно, чьи высокоразвитые механические *Analytical Engines*¹, как известно, были первопроходцами этой технологии: немецкие вычислительные машины соответствовали английским по своему принципу, только работали от электрического тока. Но теперь и за пределами Германии добрались до компьютерной техники, в то время как Германия не могла ничего с этим поделать или получить выгоду, а благодаря тому, что телефонная сеть работала по всему миру единообразно, компьютерные сети различных стран в кратчайшие сроки срослись в единое целое, называемое *глобальной сетью*.

Не кто иной, как Филипп Шейдеман, первый премьер-министр Веймарской республики, заново упорядочил полномочия и обязанности ведомства. Он распорядился переименовать его в *Управление национальной безопасности – НСА* – и

¹ Аналитические машины (англ.).

вменить в обязанности, как и во времена кайзеровской империи, наблюдение за информационным потоком в компьютерной сети и за тем, не проявляется ли в ней опасность для Германии, потому что эта сеть теперь распространилась по всей цивилизованной части земного шара, а к ней добавилась сеть портативной телефонии.

Правительству Адольфа Гитлера НСА, о чьем существовании было совершенно неизвестно большинству немцев, досталось от Веймарской республики, и оно стало пользоваться услугами НСА с самого начала, по большей части не затрагивая его как учреждение. Учитывая прочие преобразовательные инициативы правительства рейха, руководитель НСА Август Ададек объяснял это поразительное обстоятельство, как он это называл, «магией букв». Очевидно, что те, кто знал о существовании НСА, просто предполагали, что буквы НС означают «национал-социалистический», и потому не видели необходимости в действиях.

Таким образом, сотрудникам НСА удалось избежать всех бурь реноваций, бушевавших по всей Германии, а также в значительной степени тягот, которые принесла с собой война. Не считая того, что из-за мобилизации ряды сотрудников НСА постепенно редели. В условиях полной секретности они выполняли свои обязанности и обеспечивали все государственные учреждения данными, списками и оценками, в которых нуждались эти службы. Они знали все, что происходит, но никто из них никогда не говорил об этом за преде-

лами ведомства.

Сегодня настал день, когда все это могло измениться.

Потому что война на востоке вступила в критическую фазу. Общественность об этом еще ничего не знала, несмотря на слухи, которые существовали всегда, но те, кто работал в НСА, бесспорно, имели представление обо всем, что происходило в рейхе, возможно даже большее, чем сам рейхсканцлер и фюрер. Руководящие члены правительства рейха выросли в те времена, когда компьютеры еще не были обычной частью повседневной жизни. Не их вина в том, что у них не было реального понимания возможностей, которые открывали компьютеры.

Но это не мешало им принимать решения. Задачей ведомства была забота о том, чтобы эти решения оказались правильными.

То, что они могли подготовить, было подготовлено. Теперь оставалось только надеяться, что все получится так, как они задумали.

* * *

Шло 5 октября 1942 года. Небо в это утро понедельника было настолько серым, словно кто-то поставил над землей огромный свинцовый колокол, а высокие узкие окна здания НСА в рассеянном свете выглядели как бойницы готовой к обороне крепости. Ничто не шелохнулось. Улицы го-

рода большей частью осиротели, не считая нескольких велосипедистов, которые быстро крутили педали, втянув головы в плечи. Вдоль стен домов виднелись уложенные перед подвальными окнами мешки с песком: простая мера предосторожности. До сих пор только один-единственный вражеский бомбардировщик добрался до Веймара, и он не сумел нанести большого ущерба.

Наконец три блестящих черных лимузина «Мерседес-Бенц-320» свернули на улицу и точным строем буквально подлетели к подъезду, чтобы остановиться перед порталом, над которым вяло свисал сырой флаг со свастикой. Вышли эсэсовцы в черных мундирах, огляделись по сторонам с невыразительными, властными лицами и хищными взглядами. Затем один из них молодцевато открыл дверь среднего автомобиля со стороны пассажира, и оттуда вышел мужчина, которого каждый безошибочно узнал бы благодаря одним только его круглым очкам: рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, самый влиятельный человек рейха после Адольфа Гитлера.

Гиммлер был в черном кожаном плаще и черных перчатках, которые он теперь снимал нетерпеливыми движениями, рассматривая здание перед собой и, главным образом, высеченный над порталом старинный латинский лозунг *SCIENTIA POTENTIA EST*², заставивший его недовольно наморщить лоб. Окружающая обстановка не удостоилась ни единого его взгляда.

² Знание – сила (лат.).

В это мгновение открылись обе створки портала, двери рамной конструкции высотой более четырех метров из темного дуба, и на улицу вышел заместитель руководителя управления, Хорст Добришовский, чтобы поприветствовать высокого гостя. Позади него ждали все сотрудники, которым не мешали срочные обязанности или иное, как в случае с Августом Адамеком, транспортировка инвалидного кресла которого доставила бы куда больше хлопот, чем было бы уместно.

– Хайль Гитлер, рейхсфюрер, – воскликнул Добришовский, поднимая руку в образцовой манере немецкого приветствия. – Приветствую вас от лица всего управления.

Правая рука Гиммлера лишь быстро и небрежно дернулась вверх. «Ладно, – беспристрастно подумал он, поднимаясь по трем ступеням лестницы. – У меня мало времени. Не будем тратить его впустую».

* * *

Хелена в сотый раз смахнула пылинку с одной из бакелитовых кнопок клавиатуры, расположенной перед ней на столе. Она любила эту клавиатуру, любила выразительный шум, возникавший при нажатии клавиш, любила легкость их движения и надежное ощущение, которое они передавали. Как тщательно выфрезерована каждая буква! Вопреки ежедневной эксплуатации, белая краска несколько не изно-

силась, притом что клавиатуре было определено больше десяти лет.

Такие клавиатуры теперь уже совсем перестали выпускать. Не только из-за войны, но и гораздо раньше.

Она выпрямилась, вздохнула, осмотрелась. Непривычно работать здесь, в зале, где обычно проводились рождественские праздники, кинопоказы или важные совещания, в которых принимали участие только мужчины. Все еще пахло многолетним сигаретным дымом, хотя на прошлой неделе они проветривали здесь каждый день, а также потом, пивом и жженой пылью. Стол, на котором стоял ее компьютер, был выше, чем она привыкла, а также стул со своими подлокотниками был неудобен.

Она неловко заерзала, расправляя свое платье. Она надела свое лучшее платье, как ей посоветовали, и чувствовала себя неуместно, поскольку носила его только по воскресеньям или в торжественных случаях. Но даже герр Ададек, начальник управления, который обычно носил исключительно трикотажный жилет поверх рубашки, сегодня втиснулся в костюм, так что дело было действительно серьезное.

Кто-то открыл дверь. Хелена развернулась, но это был только Энгельбрехт, вошедший прихрамывая.

Он кивнул ей головой.

– Здравствуй, фройляйн Хелена. Всё в порядке?

Она смущенно кивнула.

– Полагаю, что да.

– Все будет хорошо, – беззаботно произнес он, удостоверившись, что латунный штекер плотно сидит в разъеме ее компьютера для вывода изображения.

Толстый, обтянутый тканью кабель простирался на несколько метров по потертому линолеуму прямоком к проектору, который в полной готовности стоял на другом столе, расположенном напротив проекционного экрана. Вентилятор жужжал уже долгое время. Энгельбрехт открыл боковой клапан, позади которого сидели в своих патронах угли дуговой лампы.

– Он уже там? – спросила Хелена.

Энгельбрехт кивнул, проверяя прочность крепления углей и легкость хода автоматического слежения.

– Хорст как раз показывает ему запоминающее устройство для хранения данных. Обычный тур, только слегка сокращенный. У рейхсфюрера не так много времени.

– Хорошо, – произнесла Хелена.

Тогда, по крайней мере, все скоро закончится. Прошлой ночью она едва сомкнула глаза из-за беспокойства.

Если бы она хотя бы имела представление, в чем заключается суть дела! Но мужчины постоянно из всего делают тайну. Женщины не должны думать вместе с ними, они должны просто программировать то, что им поручают.

Энгельбрехт удовлетворенно закрыл клапан и снова вышел. Хелена со вздохом опустилась в кресло. Побystрее бы закончился этот день!

Снова открылась дверь. Сначала она подумала, что это Энгельбрехт что-то забыл, но это был не он, а фрау Фелькерс, ее начальница.

Час от часу не легче.

Розмари Фелькерс была худощавой маленькой женщиной почти шестидесяти лет, самой старой сотрудницей управления, и у нее была привычка семенить ногами при ходьбе, при этом Хелена постоянно представляла себе паука, который приближается к запутавшейся в его паутине жертве. Говорили, она была членом НСДАП с самого основания движения, с еще пятизначным членским номером, и с момента захвата власти ее никто ни разу не видел без «конфетки», партийного значка НСДАП, на лацкане.

– Фройляйн Боденкамп, – подойдя вплотную, произнесла она, как всегда ядовито, – я только хотела сказать вам, я очень надеюсь, что ваши программы сегодня оправдают доверие, которое оказал вам герр Адамек.

Хелена уставилась на курсор, единственное, что до сих пор было видно на экране. Что можно было ответить на подобное замечание?

– Я проверила все программы, – заверила она. – Я уверена, все они работают корректно.

– Хорошо. Надеюсь, мне не нужно объяснять, что, если ваши программы ничего не найдут, это будет иметь для вас серьезные последствия.

«Нет, – подумала Хелена. – Я и так это знаю, старая ведь-

ма».

– Программы, – произнесла она со всем спокойствием, которое только сумела выразить, – могут что-то найти только тогда, когда есть что найти.

Фелькерс пренебрежительно фыркнула.

– Не утруждайте себя поиском оправданий уже сейчас, – посоветовала она. – Я не приму ни одного.

С этими словами она повернулась, засеменила ногами и снова покинула зал. Хелена сделала глубокий вдох и выдох, наклонилась вперед и еще раз нервно провела рукой по старым черным бакелитовым кнопкам.

* * *

Хорст Добришовский принял на себя ответственность показать рейхсфюреру тайные залы, фактически сердце НСА. Ко всеобщему удивлению, Гиммлер спросил, насколько это необходимо, на что заместитель начальника управления находчиво заверил его, что это, разумеется, *может* быть необязательным для понимания того, что они намеревались ему представить, но, безусловно, будет полезным.

– Ну, хорошо, – согласился Гиммлер, и они отправились в путь: Добришовский, Гиммлер и один из его адъютантов, мужчина с резкими чертами лица и водянисто-серыми глазами, которые казались мертвыми.

Для чего изначально служил первый зал перед тем, как

НСА переехало в здание, никто точно не знал. Высказывались предположения, что во времена кайзеровской империи здесь был танцевальный зал. Об этом свидетельствовали витиеватые арочные проемы и потолок с лепниной, которые много десятилетий назад наверняка были белыми.

С течением времени его несколько раз расширяли, при этом пристройки, разумеется, не украшали лепными потолками, а возводили пресные утилитарные сооружения, в которых, как и в самом зале, стояли строем бесчисленные тонкие вертикальные цилиндры, словно армия солдат медного цвета. Обычно они не сверкали так, как сегодня – для безупречной работы не имеет значения, потускнела медь гильзы или нет, – но, учитывая заранее объявленный визит рейхсфюрера, уборщицы за последние недели потратили много мышечной силы и сигаретного пепла для того, чтобы отполировать оборудование до зеркального блеска.

– Лучшие в мире хранилища данных, – объяснил Добришовский непрерывное приглушенное гудение и потрескивание, наполнявшее зал и звучащее так, словно приближается стая голодных кузнечиков. Он положил руку рядом с фирменным знаком «Сименс», красовавшимся на каждом цилиндре.

– «Сименс ДС-100». В десять тысяч раз быстрее, чем устройства до Мировой войны, и в тысячу раз компактнее.

Во время обычной экскурсии на этом месте Добришовский привел бы несколько забавных сравнений того, сколь-

ко миллиардов единиц информации может вместить в себя одно такое хранилище, сколько получилось бы заполненных папок фирмы «Лейтц», если распечатать всю хранящуюся в зале информацию, сколько потребовалось бы для них полок и какой, в свою очередь, была бы площадь размещения стеллажей: вообще-то таким образом можно заполнить каждый дом в Веймаре, и еще осталась бы куча папок.

Но рейхсфюрер выглядел настолько незаинтересованным, что у Добришовского возникло отчетливое чувство, что эту часть экскурсии ему лучше пропустить.

Поэтому он сказал только:

– Вы видите здесь практически всю Германию, зафиксированную и отображенную в виде данных. К тому же для оценки у нас есть непосредственный доступ к центральным служебным компьютерам глобальной сети, которые, как известно, по-прежнему стоят в... – Он кашлянул. Чуть было не произнес «в прежнем Императорском институте обработки информации». Сила привычки. – Которые находятся в университете в Берлине.

Гиммлер сделал несколько шагов, заложив руки за спину.

– Только Германии? – спросил он.

Добришовский откашлялся.

– Имеется в виду, конечно, весь рейх. В его нынешних границах. – Он поднял руку, указывая налево. – Пройдемте, я могу показать вам, как именно это выглядит.

Он направил высокого гостя и его сопровождающего в со-

седнее помещение, их новую пристройку. Они пожертвовали ради нее гаражом, который больше не использовался в связи с сокращением личного состава после начала войны. Здесь уже ничто не напоминало медного цвета симметрию других залов в духе имперского партийного съезда. Вместо этого рядом друг с другом стояло множество серых колоссов, которые выглядели как чугунные масляные цистерны и грохотали как неравномерно работающие реактивные двигатели. Каждая из машин была подключена к внутренней сети особым образом, который не только выглядел, но и был непростым: клубок из серых, обтянутых тканью кабелей, самодельные соединительные части и временно покрытые перфорированными листами переключательные схемы, которые они также разработали самостоятельно. Для некоторых из нихгодились старые трубы, чей красноватый отблеск таинственным образом освещал блоки.

– Это, например, хранилища данных, доставленные после оккупации Польши, – пояснил Добришовский. – В них содержится вся информация польской телефонной сети, а также все записи Польского форума до вывода его из эксплуатации.

На самом деле хранилища данных были произведены в Англии в те времена, когда англичане только начали строить электронные компьютеры вместо своих *Analytical Engines* на паровой тяге. Электронная промышленность Польши к началу войны была все еще полностью занята снабжением

страны радиоприемниками и телевизорами. Кроме того, было нелегко конкурировать с английскими бросовыми ценами на компьютеры.

— Вся информация... — повторил Гиммлер, и его лицо сразу озарила улыбка. — Так, значит, это были вы? Вы отправили нам отчеты о том, где мы найдем сопротивленцев?

— Да, — ответил Добришовский. — Большинство людей не понимают, что благодаря их телефонам можно в любое время отследить их местонахождение.

Гиммлер усмехнулся, глянул на своего адъютанта. Тот произнес с надменной улыбкой:

— Паразиты из польского Сопротивления в какой-то момент об этом догадались. Но было уже слишком поздно.

Они оба засмеялись. Добришовский ограничился улыбкой, улыбкой облегчения. Казалось, настроение рейхсфюрера улучшилось, а это, надо надеяться, было хорошим знаком. Во всяком случае, он, казалось, начал постепенно понимать, что они способны сделать для Отечества.

Впервые за этот день Добришовский почувствовал что-то вроде уверенности в том, что их план увенчается успехом.

* * *

Ойген Леттке находился в туалете в полном одиночестве, в этом слишком большом, слишком высоком, неудобно холодном, выложенном белыми кафельными плитками по-

мещении, в котором дурно пахло дезинфицирующим средством и мочой, а каждый звук разносился ужасно громким эхом: не только смыв унитаза, звучание которого представлялось ему Ниагарским водопадом, не только запираание туалетной двери, наводившей на мысли о захлопывающейся тюремной решетке, нет, но и каждый совершаемый шаг был слишком громким, так же как и шорох спускаемых брюк или всего лишь расстегивание ширинки. Не говоря уже о звуках, связанных с совершаемыми «делами».

Ладно еще, если удавалось оказаться в туалете в полном одиночестве.

В данный момент скрипел только кран, произведенный еще в прошлом столетии. Здесь было три раковины, слишком много для числа мужчин, все еще работающих в НСА. Из крана самой левой раковины без остановки капала вода, и так было всегда с тех пор, как он начал здесь работать. Никто не считал себя ответственным за это; и он тоже.

Ойген Леттке не спешил. Он разглядывал себя в зеркале, пока усердно умирал на голове несколько непокорных прядей, смоченных холодной водой. Также и кончики его тонких усиков могли бы стать еще немного острее.

Он изучал черты своего лица – привычка, почти что одержимость, всякий раз, когда он стоял перед зеркалом, – вспоминал, как он выглядел, будучи ребенком или подростком, и пытался понять, что же такое ему свойственно, из-за чего ни одна девушка, в которую он влюблялся, не хотела иметь

с ним ничего общего. Этого он никогда не понимал. Он не уродлив, конечно нет, и раньше тоже не был. Другие выглядели уродливее, и тем не менее у них были подружки, даже у того парня с заячьей губой из соседнего дома!

Раньше он страдал от этого. Пока не обнаружил большую, поглощающую, свою настоящую страсть. С тех пор размышлять об этом превратилось в привычку.

Кроме того, в данный момент его проблема заключалась не в том, как его лицо когда-то выглядело, а в том, как оно выглядит сегодня. Взглянув в зеркало, он увидел перед собой светловолосого, голубоглазого мужчину, арийца, каких изображают в школьных учебниках. Такие мужчины, как он, в эти дни не задерживались на безопасной родине, а командовали танковыми подразделениями на Восточном фронте, там, где череда немецких побед подошла к концу. Такие мужчины, как он, стреляли или становились расстрелянными, и Ойген Леттке не испытывал ни малейшего желания быть ни тем ни другим. Обеспечить немецкому народу жизненное пространство на востоке было чем-то, что его несколько не интересовало. Если другие были готовы ради этого подставить свои шеи, то ожидать того же от него они могут до тех пор, пока не оставят его в покое.

К сожалению, ему было чересчур ясно, что они не оставят его в покое.

До сих пор две вещи защищали его от призыва: сначала тот факт, что он был единственным сыном вдовы участника

войны, а его отец к тому же был героем войны, удостоенным высоких наград. Затем, когда дело приняло серьезный оборот и многие с подобной биографией были лишены брони от призыва, положение, что любая разведывательная деятельность автоматически считается важной для войны.

Но в настоящий момент даже это ничего не гарантировало. Не в период, когда даже рабочих с оборонных заводов отправляли на фронт и заменяли на рабочих местах женщинами или даже военнопленными!

Дело в том, что он читал электронную почту начальника. Что, разумеется, было строго запрещено, но, в конце концов, они занимались делами, связанными с разведкой секретов, и при этом строго запрещенных, разве нет? Как бы там ни было, он незаметно наблюдал за пальцами Адамека до тех пор, пока не выяснил его пароль, и с тех пор следил за его перепиской. Вот почему он знал, что Гиммлер был здесь сегодня не для того, чтобы проконтролировать, достаточно ли у них симпатичных кабинетов, а для того, чтобы решить, действительно ли то, чем они занимаются, важно в военном отношении. Если рейхсфюрер придет к выводу, что для рейха будет лучше расформировать НСА и присоединить к Главному управлению имперской безопасности в качестве одного из подразделений, то именно это и произойдет. В конце концов, там тоже велась разведка, только классическим способом, но, несомненно, нашлось бы организационно подходящее местечко.

Кроме того, Ададек был проинформирован о том, что в таком случае численность персонала будет еще раз сокращена, в особенности это коснется сотрудников-мужчин, поскольку каждый годный к военной службе мужчина в это трудное время требуется на фронте в борьбе за окончательную победу.

Не нужно быть прорицателем, чтобы понять, кого это затронет. В любом случае не шефа, который сидит в инвалидном кресле. Мальца из телефонной службы, хромого Руди Энгельбрехта, – тоже нет. Что касается Винфрида Кирста, этого тощего чудака, и Густава Мёллера с его толстыми очками, то были аргументы и за, и против; вероятно, одному из них удастся отделаться. Но Добришовский и он попадут под раздачу. Если НСА расформируют, они с винтовкой в руках пойдут маршировать против русских, это так же очевидно, как «Гитлер» после «хайль». И, в отличие от всех остальных солдат на Восточном фронте, они-то уж точно знают, насколько паршиво там обстоят дела.

Вот почему сегодня все *должно* сработать. Вот почему они должны были сделать так, чтобы у Гиммлера от удивления глаза вылезли из орбит.

Ойген Леттке в последний раз подкрутил кончики усов, затем вновь завинтил кран. Тот запищал так же громко и неблагозвучно, как он привык слышать.

И как же ему хотелось остаться. Он не хотел идти на войну и кого-то убивать. Но это не значит, что он не знал, как

воевать!

* * *

Зал был затемнен. Проектор передавал на экран резко очерченное воспроизведение того, что было изображено на экране перед Хеленой Боденкамп, вентилятор жужжал, дуговая лампа распространяла свой неподдельный запах жженой пыли и накалированного угля. Некоторые мужчины боролись с ним с помощью табачного дыма.

Но при этом – ни один из эсэсовцев. Они держались на заднем плане, неподвижные словно статуи.

– Наша работа, – начал Август Ададек мягким проникновенным голосом, – разворачивается на двух уровнях. Принцип действия на первом уровне достаточно прост для понимания: у нас есть доступ ко всем данным, которые формируются в рейхе, и мы можем использовать этот доступ самыми разными способами. Мы можем прочитать каждый текст, который кто-либо напишет, равно как и любое электронное письмо, отправленное и полученное в пределах рейха. Мы можем запросить баланс любого счета, определить местонахождение любого телефона, мы можем разузнать, кто и какие теле- и радиопередачи просмотрел или прослушал, и сделать из этого выводы. Безусловно, мы можем также прочитать любую дискуссию, которая ведется на Немецком форуме, в том числе среди закрытого круга участников, и таким образом

идентифицировать людей, которые когда-либо так или иначе высказывались о фюрере, партии или национал-социализме, и, если это целесообразно, привлечь внимание соответствующих инстанций.

Всеобщий кивок. Даже Гиммлер кивнул.

– В то же время мы сталкиваемся с двумя препятствиями, – продолжал Ададек. – Первое заключается в огромной массе данных. Хоть мы и можем прочитать *каждый* документ, но мы не можем читать *все* документы – этого мы не смогли бы сделать даже в том случае, если бы у нас было в тысячу раз больше сотрудников, чем есть сейчас.

Прежде чем Гиммлер мог бы прийти к мысли, что Ададек просто требует большее количество сотрудников – пожелание, которое в связи с военной обстановкой было совершенно невыполнимым, – он продолжил:

– Нашим оружием против этого препятствия являются наши компьютеры. Мы поручаем им обследовать массив данных по определенным изменническим ключевым словам, задаем функцию поиска, которую мы к тому же постоянно улучшаем, чтобы они выдавали нам наиболее релевантные результаты.

Гиммлер кивнул еще раз, но, казалось, снова заскучал.

– Второе препятствие заключается в распространившихся за это время слухах о том, что на Немецком форуме следует следить за тем, что пишешь. Скажем, враги нашего народа уже не проявляют себя так бесцеремонно, как они это

делали еще несколько лет назад и уж тем более до захвата власти. Собственно, записи на форуме, датируемые до 1933 года, являются самыми полезными в политическом отношении. Но с тех пор подросло новое поколение, и возникает вопрос, как найти паршивую овцу среди молодежи.

– А, – произнес Гиммлер. – Полагаю, теперь в игру вступил теневой форум.

– Вот именно, – кивнул Ададек, и это опасным образом произвело впечатление, будто он возомнил себя учителем, а рейхсфюрера СС школьником, удостоившимся похвалы. – Мы создали форум, к которому можно присоединиться без ввода персонального гражданского номера и пароля, то есть на первый взгляд анонимно. Мы заполнили его некоторыми враждебными к рейху выражениями, взяв за образец недовольные высказывания из Немецкого форума, а затем стали выжидать.

Он кивнул Добришовскому, который очень рьяно разъяснил:

– По техническим причинам в глобальной сети нет настоящей анонимности. О каждой отдельной букве всегда точно известно, когда и с какого устройства ввода она попала в систему. Устройством ввода может быть компьютер, а он поддается идентификации и, как правило, кому-то принадлежит. Что касается общедоступных компьютеров – в школах, библиотеках, почтовых отделениях или тому подобное, – то данные ввода обычно можно сопоставить с местонахождением

ем телефона и выявить человека. Если устройством ввода является телефон, значит, установление личности и так уже состоялось.

– А нам вы предоставляете возможность придумать правдоподобную причину, почему мы занялись людьми, о которых вы нам сообщили, – пожаловался Гиммлер.

Ададек склонил голову.

– Если бы появились всего лишь слухи о том, что высказывания на теневом форуме на самом деле не анонимны, все это было бы напрасно. Организовать это второй раз не получится.

– Да, да, я понимаю, – благосклонно-покровительственно произнес Гиммлер. – Полагаю, это второй уровень вашей работы, о котором вы упомянули?

Ададек взглянул на него и с осторожной улыбкой покачал головой.

– Нет, – кротно произнес он. – К этому я сейчас перейду.

Он подтолкнул свое инвалидное кресло, поехал непосредственно под яркий прямоугольник проекционного экрана и остановился.

– Все, о чем мы говорили, не вникало в суть дела, – пояснил он. – Подлинная сила заключается в возможности связывать при помощи компьютера, казалось бы, безобидные данные таким образом, чтобы это приводило к невообразимым результатам. *Это* второй уровень нашей работы, и мы им владеем лучше, чем кто-либо в мире. Мы, что касается по-

добного рода оценок, представляем собой сплоченную группу, в которой авторы концептов и наборщицы работают рука об руку. Один из подходов, который мы разработали, мы и хотим вам сегодня продемонстрировать.

Гиммлер откинулся на спинку стула и сложил руки домиком.

– Ладно, – произнес он. – Тогда демонстрируйте.

Ададек не позволил сбить себя с толку очевидному скептицизму в голосе рейхсфюрера. Это не удивило никого, кто его знал; позволить сбить себя с толку было попросту не в его характере. По этой причине он сидел в инвалидном кресле. Из-за несчастного случая на лыжной трассе. Все предупреждали его, что трасса опасна, но он не позволил сбить себя с толку.

– Наш подход обязан своей эффективностью решению фюрера, которое, с нашей точки зрения, было по-настоящему гениальным, – начал Ададек. – Я говорю о решении ликвидировать наличные деньги. С момента изъятия из обращения всех банкнот и монет к 1 июля 1933 года во всем рейхе стало возможным расплачиваться только денежными картами, а после распространения Народного телефона с 1934 года – все чаще непосредственно с его помощью, из-за куда большего удобства.

– Эта мера в первую очередь была направлена на то, чтобы освободить нас от кабалы крупного еврейского капитала, – поправил Гиммлер. – И, кроме того, чтобы в максимально

возможной степени лишить фундамента сделки на черном рынке, коррупцию и преступления в общем смысле.

Адамек вежливо кивнул.

– Это, несомненно, были мотивы фюрера, но дело не в них, а в том *эффekte*, который произвело его решение. Эффект заключается именно в том, что в результате мы точно знаем, что каждый в отдельности человек, который живет в пределах Германской империи, купил за последние девять лет, а также когда он это купил, где он это купил и сколько он заплатил за это. Вы согласны со мной до этого момента?

По едва уловимому сигналу Хелена Боденкамп открыла подготовленную таблицу, которая теперь появилась на экране: несколько столбцов, каждый из которых содержал много длинных номеров, а за ними следовали дата, время, указание количества и сумма в рейхсмарках.

– На практике речь идет о чрезвычайно большой, но очень незатейливой таблице. Здесь мы видим ее фрагмент, а именно все покупки, которые совершил я сам. Номер в первом столбце, который, как видите, везде один и тот же, – это мой персональный гражданский номер. Второй столбец содержит персональный номер лица или регистрационный номер фирмы, получившей деньги. Третий столбец, в случае простой покупки, содержит артикульный номер, присваиваемый каждому имеющему хождение товару в Германии, или номер договора, если это платеж по договору – соответствующий пример можно увидеть во второй строке, это оплата месяч-

ной арендной платы за мою квартиру, – или номер основания, если речь идет о прочих выплатах. На седьмой строчке стоит код 101, который означает подарок в денежной форме среди родственников: это было на день рождения моего племянника Германа, которому я подарил двадцать марок. В последнем столбце перед суммой в случае необходимости указываются количественные данные.

Еще один знак наборщице программ. Таблица сжалась, а затем заполнилась снизу.

– Теперь мы наложили на этот список фильтр, который показывает только мои покупки продовольственных товаров на основании артикульных номеров, – пояснил Адабек.

Гиммлер скептически наморщил лоб.

– Как это узнать? – поинтересовался он. – Какой артикул обозначает продовольственные товары? Все номера выглядят совершенно по-разному, за исключением кода артикула в начале.

– Вы не увидите этого по артикульному номеру, номера распределяются по порядку, – отозвался Адабек. – Но при выдаче артикула вносится вся необходимая информация, приведенная в *другой* таблице. Фройляйн Боденкамп, покажите-ка запись в таблице артикулов к одной из строк, скажем, к первой.

Изображение исчезло, уступив место перечню. Было видно артикульный номер, под ним стояло: *Картофель Глория*
Категория: Продовольственные товары

Установлена норма выдачи: *нет*

Ссылка в таблице материалов: *1004007*

– Здесь мы отобразили категорию. Речь идет о продовольственном товаре, поэтому, если мы хотим запросить дополнительные характеристики товара, нам необходимо перейти к таблице продовольственных товаров. Фройляйн Боденкамп?

Она ввела на клавиатуре несколько команд, после чего появился новый перечень:

Номер материала: *1004007*

Описание: *Картофель обычный*

Энергетическая ценность: *77 калорий*

Единица: *100 г*

И так далее, список записей о содержащихся витаминах и тому подобном, длиннее, чем могло быть отображено на экране.

– Мы видим, что картофель, который я купил в субботу две недели назад, имеет энергетическую ценность 77 калорий на 100 грамм. Купил я два килограмма...

– Могу я спросить, как вы это делаете? – перебил его Гиммлер. – На инвалидном кресле?

Ададек наклонил голову.

– Ну, конечно, я покупаюсь не самостоятельно. У меня есть молодой помощник, который делает это за меня. Я отдаю ему список и свою денежную карту и предоставляю ему все остальное.

Гиммлер лаконично кивнул:

– Понимаю. Продолжайте.

Ададек развернул инвалидное кресло и изучил отображаемое изображение, пока не восстановил нить разговора.

– Как я уже сказал, я купил два килограмма картофеля, то есть приобрел энергетическую ценность в 1540 калорий. Теперь мы можем произвести такой перевод купленных продовольственных товаров в энергетическую ценность автоматически при помощи программы.

Снова кивок в сторону наборщицы программ, снова смена изображения. Опять появилась таблица приобретенных продовольственных товаров, но на этот раз только с указанием персонального гражданского номера, даты и количества калорий.

– И все это, – продолжал Ададек, – конечно же, можно легко суммировать ежемесячно. Фройляйн Боденкамп, могу я вас попросить?

Появился новый список.

Заголовок гласил: **Август Ададек, родился 05.05.1889, проживает по адресу: Веймар, Юнкерштрассе, 2**

Далее перечислялось:

Сентябрь 1942 – 73 500 калорий.

Август 1942 – 72 100 калорий.

Июль 1942 – 68 400 калорий.

Июнь 1942 – 78 300 калорий.

– Это энергетическая ценность, которую я купил за по-

следние месяцы и впоследствии потребил, — пояснил Ада-мек. — Приблизительно две с половиной тысячи калорий в сутки. — Он отъехал немного в сторону. — Теперь добавим еще один последний шаг, чтобы анализ стал более содержа-тельным, а именно — объединим таблицу с данными орга-на записи актов гражданского состояния. Таким образом мы получим общее количество калорий на всех домохозяев. Ес-ли мы поделим это число на количество членов семьи — отец, мать, дети, бабушки, дедушки и так далее, — мы получим список, в котором перечислены все домохозяева и то, сколько в среднем калорий потребляют члены данной семьи в месяц.

Глаза рейхсфюрера казались неестественно большими за его круглыми очками. Он кивнул, очень, очень медленно, но кивнул. Казалось, он понял, к чему все это клонится.

— В моем случае результат остается прежним, поскольку я живу один, — продолжил Адамек. — В других случаях резуль-тат будет меньше двух с половиной тысяч калорий, напри-мер, если в семье есть новорожденные или малыши, кото-рые, естественно, едят меньше, чем взрослые. Но если сред-нее значение существенно больше... — Он приостановился, оглядел присутствующих, затем снова пристально посмот-рел на рейхсфюрера СС. — Мы, разумеется, должны при-нимать во внимание определенный диапазон колебаний. У мужчин, занимающихся тяжелым физическим трудом, будет куда большая энергетическая потребность. Но если среднее потребление калорий домохозяевами превышает определен-

ную верхнюю границу... и это в то время, когда на некоторые продовольственные товары установлена норма выдачи... подобное отклонение может быть верным признаком того, что в соответствующем домохозяйстве проживает больше людей, чем зарегистрировано. Например, – добавил он, – люди, скрывающиеся от закона.

Гиммлер сложил руки и степенно потер их.

– Звучит неплохо, – одобрительно произнес он. – Звучит *очень* неплохо. – Он недоверчиво прищурился. – Однако же мне бы хотелось увидеть все это продемонстрированным на практике.

Ададек улыбнулся. Его коллеги тоже улыбнулись. К этому они, конечно, были готовы.

– С превеликим удовольствием, – произнес Ададек. – Назовите город, и мы составим список подозрительных домохозяйств. Здесь. Сейчас. На ваших глазах.

– Любой город? – спросил рейхсфюрер.

– Любой город, – подтвердил Ададек.

Гиммлер ненадолго задумался. Затем произнес:

– Амстердам.

С лиц мужчин мгновенно пропали улыбки.

– Амстердам? – удостоверился Ададек.

– Разве это проблема? – поинтересовался Гиммлер.

Хелена сидела в оцепенении перед своей клавиатурой. Всего этого она не знала. Она составляла программы по предписаниям, которые обычно получала от герра Адамека, герра Леттке и герра Добришовского, а также от остальных. И, как обычно, она не спрашивала, для чего предназначались эти показатели: наборщицы программ не имеют права задавать подобные вопросы.

Конечно, она предавалась собственным размышлениям. Но ведь речь шла всего лишь о продовольственных товарах, о количестве калорий – что тут можно было заподозрить, если речь идет о продовольственном положении народа? О том, чтобы исследовать состояние снабжения, выявить, где людям было достаточно еды, а где нет?

Но теперь... Казалось, ее руки весят тонну. В ее животе неприятно заныло. Ей хотелось убежать и спрятаться в туалете, но если она на это решится, то впоследствии Фелькерс оторвет ей голову.

Возможно, ей удастся не капитулировать.

Дискуссию, разгоревшуюся между мужчинами, она слушала краем уха. Введена ли в Амстердаме безналичная оплата? Да, гласил ответ, в той или иной степени с момента оккупации Нидерландов. Гульдены были изъяты, все наличные деньги ликвидированы и введены безналичные рейхс-

марки, как в Германии. Имеются ли в нашем распоряжении все необходимые таблицы?

– Фройляйн Боденкамп? – Голос Адамека. – Хелена?

– Да? – очнулась она.

– Есть ли у нас все необходимые таблицы, относящиеся к Амстердаму?

– Да.

Тем временем они были перечислены перед ней на экране. Должно быть, ее руки сделали все необходимое без ее ведома.

– Тогда запустите, пожалуйста, расчеты.

– Да, – услышала Хелена Боденкамп собственный голос, послушный, как и подобает немецкой женщине, а потом посмотрела на свои руки, вводящие необходимые команды.

И наконец нажала кнопку «Выполнить».

Почему именно сейчас она подумала о Рут, своей подруге детства? Рут Мельцер, которая в один прекрасный день должна была пересечь в самый дальний конец классной комнаты и не делать нацистское приветствие, которым все остальные встречали учителя. Рут Мельцер, которая вскоре уехала с родителями в Америку, навсегда, и о которой она больше никогда ничего не слышала.

В то время, когда производились расчеты, а процент выполнения постепенно увеличивался, – ей казалось, словно она слышит, как прямо сейчас в нижних помещениях грохотали и тархтели хранилища данных и запускались вентиля-

торы компьютера, поскольку вычислительный блок работал на полную мощность, – в то время, пока кругом стоял безостановочный жуткий шум, – Гиммлер прокомментировал, почему он выбрал Амстердам.

– Когда вермахт оккупировал Нидерланды и у нас появилась возможность взглянуть на документы, обнаружилось, что администрация города Амстердама давно ведет учет того, к какой религии принадлежат граждане, проживающие в городе. У всего этого были налоговые основания, но для нас это стало просто подарком providения. В отличие от старого доброго рейха, где Управлению по вопросам расы необходимо проводить трудоемкие генеалогические исследования, чтобы определить, кто является евреем, у нас в одночасье появился полный список в отношении Амстердама. Что, конечно же, значительно упростило необходимые мероприятия.

– Да, это действительно удачная находка, – согласился Адамек.

– Мы начали депортации в начале лета, – продолжал Гиммлер, – но, поскольку у нас есть этот список, нам известно, что мы поймали не всех евреев. О некоторых говорят, что они уехали за границу, но, если свериться с документами пограничных органов, мы обнаружили, что это не может быть правдой. Иными словами, если только они не переплыли через Северное море, то они все еще там, где-то в городе, в надежде, что когда-нибудь мы снова исчезнем. – Он сжал

кулак, жест внезапно вспыхнувшей ярости. – Но мы уже не исчезнем. Мы пришли, чтобы остаться на тысячи лет.

После этой внезапной вспышки рейхсфюрера воцарилось немое молчание. Никто не шевелился, никто не говорил. Все не отрываясь следили за количеством процентов на экране, которое медленно приближалось к 100.

Затем все исчезло и появился список.

Две первые строчки гласили:

Гис – 6710 калорий в сутки на человека.

Ван Вейк – 5870 калорий в сутки на человека.

– В яблочко, – сказал в тишине Леттке.

Гиммлер встал.

– Что это значит?

– Эти люди покупают почти в три раза больше продовольственных товаров, чем могут потребить самостоятельно, – пояснил Адамек. – Фройляйн Боденкамп, записи из таблицы домохозяек, пожалуйста.

Хелена почувствовала, как на нее навалился какой-то чудовищный, невидимый груз, настолько тяжкий, что она едва могла дышать. Но ее руки, эти предатели, продолжали работать, набирая необходимые команды с неутихающей ловкостью, и изображение на проекционном экране расширилось, чтобы отобразить информацию о лицах, скрывавшихся под этими фамилиями.

В первой строке упоминалась бездетная пара, Ян Гис и Мип Гис-Зантрушитц. Даты рождения, места рождения –

жена была родом из Австрии, – место жительства, место работы.

За второй строкой тоже скрывалась семейная пара, Кор ван Вейк и Элизабет ван Вейк-Фоскейл. Тоже без детей.

– Четыре человека, которые в общей сложности употребляют более 25 000 калорий в сутки, – резюмировал Ададек, обладавший легендарными умственными способностями. – Это соответствует потреблению пищи десятирыми или более людьми.

– Обе женщины работают в одной компании, – обнаружил Добришовский.

– Что это за компания? – спросил Ададек, обращаясь к Хелене.

Пальцы снова заплясали по клавиатуре. Компания называлась «Опекта», располагалась по адресу Принсенграхт, 263, занималась торговлей пряностями и принадлежала Йоханнесу Клейману и Виктору Куглеру.

– Прежде всего, у нее сменился владелец в декабре 41-го, то есть после оккупации, – вставил Леттке. – Это может указывать на притворную сделку. Кто был предыдущим владельцем?

Руки Хелены запросили соответствующие данные.

– Отто Франк.

Добришовский покачал головой.

– Это голландское имя?

Дальше, дальше, дальше. Ее руки танцевали по кнопкам,

все дальше выхватывая данные из хранилищ. Отто Франк, гласили они, на самом деле был не голландцем, а немецким евреем, эмигрировавшим в Нидерланды в феврале 1934 года.

– Типичный еврей, – высказал свое мнение Гиммлер. – Приезжает никем в чужую страну, а уже через несколько лет он богат и заставляет местных жителей работать на себя.

Отто Франк, гласили дальнейшие данные, жил со своей семьей на Мерведеплейн, 37, но его видели там в последний раз 5 июля 1942 года. В отчете спецотряда по депортации было отмечено, что семья, согласно слухам, бежала в Швейцарию.

– Или нет, – произнес Гиммлер и вытащил из кармана свой телефон.

Хелена невольно вздрогнула, заметив это движение. Ею овладело смутное замешательство, ведь проносить портативные телефоны в служебные помещения было строго запрещено.

Но, разумеется, никому бы не пришло в голову приказать рейхсфюреру СС сдать его телефон на хранение при входе, хотя это было обязательной процедурой для всех остальных.

– Шульц? – резко произнес Гиммлер. – Мы здесь только что обнаружили данные о евреях, скрывающихся в Амстердаме. Отправьте поисковый отряд по адресу Принсенграхт, 263, и обыщите здание сверху донизу. Да, 263. Кроме того, направьте поисковые отряды по следующим адресам, запи-

сывайте. — Он зачитал мужчине из Амстердама адреса супружеских пар Гис и ван Вейк и адреса Йоханнеса Клеймана и Виктора Куглера. — Выполняйте немедленно, как можно скорее. И незамедлительно доложите мне.

Он отнял телефон от уха и произнес:

— Теперь остается ждать.

Его телефон, заметила Хелена, отливал золотом и мог складываться, так что это определенно был не «Фолькстелефон». Вероятно, это была одна из люксовых моделей, которые выпустил «Сименс» незадолго до начала войны.

И так они ждали. Сидели, смотрели в пустоту, а время все текло. Кирст зажег одну из своих сигарет «Оверштольц». Адамек покусывал костяшку большого пальца правой руки. Леттке подкручивал кончик своих несурзных усов. Гиммлер удалился со своим адъютантом в заднюю часть зала и тихо отдал ему несколько распоряжений. Пока машинально действующий эсэсовец ускользал из зала, Гиммлер вернулся к своему стулу и шумно уселся обратно.

Наконец, сотню лет спустя, как показалось Хелене, зазвонил телефон рейхсфюрера.

— Да? — нетерпеливо прорычал он, прислушался. Затем произнес: — По адресу ван Вейков результат отрицательный.

— А как они объяснили свои покупки продуктовых товаров? — спросил Адамек.

Гиммлер уставился на него исподлобья.

— Вы были невнимательны? Об этом я не сообщил своим

людям, так почему же они должны были их об этом спрашивать?

– Вы правы, – тотчас согласился Ададек. – Прошу прощения, рейхсфюрер.

– Если это работает, – сказал Гиммлер, – черта с два я кому-нибудь разглашу, как мы находим залегших на дно.

Ададек кивнул:

– Это, безусловно, целесообразно.

Гиммлер бросил свирепый взгляд в пустоту.

– Да как это вообще возможно, чтобы кто-то на оккупированной территории мог купить столько продуктов! Наверное, нам следует на *всё* установить норму выдачи. Тогда никто не сможет тайно кормить всяких евреев, не умерев голодной смертью...

Снова зазвонил его телефон. На этот раз речь шла об обыске в доме Куглера, также оказавшемся безрезультатным.

Так продолжалось и далее, один адрес за другим. В последнюю очередь с ним связался поисковый отряд, проводивший обыск по адресу Принсенграхт, 263.

– Они обыскали здание сверху донизу, – сообщил Гиммлер, прижимая телефон к груди.

– И? – спросил Ададек.

– Ничего, – мрачно произнес рейхсфюрер СС. – Они ничего не обнаружили. Абсолютно ничего.

Хелена увидела, как мужчины от ужаса вытаращили глаза.

Наверняка никто не заметил, что она, напротив, вздохнула с облегчением.

* * *

– Минуточку, – произнес Леттке в испуганной тишине. Его самого удивило то, как четко и решительно звучал его голос. – Подождите, пожалуйста, минутку.

Затем он повернулся к программистке и спросил:

– Я полагаю, у нас также имеются данные территориальной поземельной книги Амстердама?

Девушка кивнула с широко раскрытыми глазами.

– Да. Разумеется.

– Покажите нам горизонтальную проекцию этого здания.

Он увидел, как Ададек одобрительно кивнул, и услышал, как тот произнес «хорошая идея». Он увидел, как Добришовский одернул воротник своей рубашки, увидел, как Кирст нервно вытащил очередную сигарету из своего серебряного футляра, увидел, как Мёллер втянул голову в плечи.

И он увидел взгляд Гиммлера, холодный как лед. Если и сейчас все пойдет коту под хвост, то его уже больше ничто не спасет.

Горизонтальная проекция здания появилась на экране. Это было многоэтажное здание и, что типично для Амстердама, где когда-то здания облагались налогами в зависимости от ширины фасада, очень узкое, но при этом вытянутое.

– Могу ли я лично поговорить с вашим штурмбаннфюрером? – спросил Леттке, опешив от собственной дерзости.

Гиммлер в нерешительности взвесил телефон в руке и казался не особенно благосклонным.

– Я могу подключить громкоговоритель, – предложил Добришовский. – Тогда мы все вместе сможем услышать разговор. Это дело нетрудное.

– Что ж, хорошо, – сказал Гиммлер.

Добришовский вытащил громоздкий кабель и подключил его к усилителю. В то время как старый ящик, потрескивая, заработал, он подсоединил другой конец к телефону рейхсфюрера.

– Вы нас слышите, штурмбаннфюрер? – прокричал он.

– Громко и отчетливо, – донеслось из скрытых в деревянной обшивке динамиков.

– Говорит Ойген Леттке, – крикнул Леттке. – Штурмбаннфюрер, опишите, пожалуйста, помещения, которые вы обнаружили на Принсенграхт, 263.

Человек на другом конце провода откашлялся, затем описал схему дома в той последовательности, в которой они его обыскивали. Все, что он говорил о первом этаже, совпадало с горизонтальной проекцией здания.

Теперь Леттке тоже бросило в жар, и он с большим усилием подавил порыв ослабить воротник своей рубашки.

– Поднявшись по лестнице, мы попали на второй этаж, – продолжал энергичный мужской голос. – По правую руку

дверь, ведущая в складское помещение с уличной стороны, по диагонали от меня крутая лестница, ведет на второй этаж, прямо передо мной узкий коридор. Справа еще одна дверь, ведет в другое складское помещение, в конце коридора дверь, за которой расположена небольшая комнатка, в правой части этой комнатки есть два окна во двор, и, очевидно, она служит библиотекой. Я разворачиваюсь, чтобы отправиться на второй этаж.

– Стоп! – Леттке почувствовал, как его сердце бешено заколотилось. – Вернитесь еще раз в маленькую комнату. Что *именно* вы там видите?

– Большой книжный шкаф. Всякая всячина. Что-то вроде кладовки.

– И нет никакой двери, которая ведет дальше?

– Нет.

Они все это видели: на горизонтальной проекции первого этажа позади маленькой комнаты были изображены другие помещения.

Сработало. Невероятно. От эйфории, охватившей Леттке, у него почти перехватило дыхание.

– Штурмбаннфюрер, – закричал он, – опишите, где именно располагается книжный шкаф.

– У стены напротив двери.

– Проверьте, не скрывается ли за ним проход.

– Мы уже проверяли. Он плотно привинчен к стене.

– Исходите из предположения, что это отвлекающий ма-

невр, и проверьте его еще раз.

– Хм, – протянул эсэсовец. – Ну, хорошо.

Было слышно, как на заднем плане он выкрикивает имена и отдает приказы, затем все стихло настолько, что были слышны только неясные шорохи.

Наконец он снова с шумом взял трубку.

– Вы оказались правы, – с явным недоумением произнес эсэсовец. – Шкаф вращается, а задвижка хорошо спрятана. И за всем этим действительно скрывается проход.

На заднем плане были слышны крики.

– Там скрывается несколько человек, – сообщил эсэсовец.

– Арестуйте всех, – приказал Гиммлер дребезжащим голосом. – Установите их личности.

– Слушаюсь, рейхсфюрер.

В течение некоторого времени доносились повелительный рев, рыдания женщин, плач детей, откуда-то издалека, едва уловимо. Затем штурмбаннфюрер доложил снова:

– Мы обнаружили в потайных помещениях в общей сложности восемь человек, все евреи. По предварительным сведениям, это Отто Франк, его жена Эдит Франк и двое детей Марго и Анна Франк, а также Герман ван Пелс, его жена Августа ван Пелс и сын Петер ван Пелс и некто Фриц Пффеффер.

Восемь евреев. Леттке позволил себе торжествующую улыбку. Тем самым, должно быть, они в достаточной степени доказали полезность НСА. И он внес существенный вклад! Если это не поможет продлить его бронь от призыва, то боль-

ше уже ничто не поможет.

– У одной из девочек, – продолжал эсэсовец, – мы изъяли дневник. Нам следует передать его на обработку?

Гиммлер с отвращением скривил лицо.

– Нет. Уничтожьте его. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он попал в руки наших врагов и был использован для пропаганды против нас.

– Так точно, рейхсфюрер.

Было слышно, как он крикнул в сторону:

– Шульц? Сожги это. Да, немедленно.

– Схваченных евреев незамедлительно отправить в Аушвиц, – отдал приказ Гиммлер. – И арестовать всех, кто замешан в заговоре и помогал им скрываться.

– Так точно, рейхсфюрер.

Гиммлер кивнул Добришовскому, указывая на кабель.

– Этого достаточно. Все остальное и без нас пойдет своим чередом.

Пока Добришовский отсоединял его телефон, Гиммлер беспокойно ходил взад-вперед, очевидно все еще находясь под впечатлением от того, что они все только что пережили. Никто не произносил ни слова. Без сомнения, не следовало прерывать ход мыслей рейхсфюрера.

– То, что наша отчизна, – наконец начал Гиммлер, – так позорно проиграла в конце той злополучной войны 1914–1917 годов, было связано, как мы теперь знаем, не с тем, что немецкие солдаты потерпели неудачу, это не так. Нет, вой-

на была проиграна, потому что вооруженным силам Германии был нанесен удар с тыла – предательскими элементами на родине, подстрекаемыми и управляемыми мировым еврейством. Немецкий народ, в сущности, оказался бы непобедим, если бы не совершил ошибки, слишком долго терпя вредителей, коварно высасывающих из него всю силу и моральный дух: евреев. Евреи прекрасно знают, что между ними и арийским народом существует естественная неприязнь, неприязнь, которую неизбежно следует искоренить в бою, который сможет пережить только один из двух народов. Этот бой, господа, происходит прямо сейчас, в эту минуту! И ариец не должен проиграть его, иначе это было бы равносильно гибели всего человечества, носителем культуры которого он является.

Он остановился перед столом, на котором лежал его телефон, взял его в руку.

– Мы находимся в опасной ситуации на востоке – вам это известно. Наша судьба находится на острие ножа. Но было бы неверно полагать, что это определяется только количеством имеющихся в нашем распоряжении танковых дивизий. Это всего лишь внешняя сторона нашей борьбы. Но у этой войны также есть внутренний фронт, и он не менее важный, не менее решающий, чем Восточный фронт, и этот фронт распространяется на наше освобождение от евреев. Нам необходимо добиться полного и всецелого освобождения немецкого народа от евреев и их губительного, тлетвор-

ного, выжимающего все соки влияния. Только когда нам это удастся, в конце концов мы и победим.

Он спрятал телефон в карман, поочередно посмотрел на каждого из них.

– Признаюсь, я приехал сюда с предубеждением, – произнес он. – Я ожидал обнаружить бесполезный пережиток жалкой республики, которая добилась бы окончательной гибели немецкого народа, если бы в решающий момент не появился фюрер. Но, господа, вам удалось меня убедить. Теперь я вижу, что вы тоже сражаетесь на фронте, который по значимости не уступает тому, что развернулся на поле брани. Да, мне кажется, жесткость и острота данных гораздо превосходит стальную. То, что я увидел здесь сегодня, дает мне уверенность в том, что отныне никто не сумеет скрыться от нас, никто и нигде. Господа, вы вносите свой вклад в создание Рейха, в котором отклоняющиеся, вредоносные формы мышления попросту перестанут существовать. Наша власть станет абсолютной в невиданном ранее смысле.

Казалось, все были под сильным впечатлением. Тем не менее Леттке рассматривал Гиммлера и задавался вопросом, который он уже задавал себе, когда впервые увидел его лицо по телевизору, а именно: откуда этот очкастый гном набрался наглости говорить за арийский народ? Кто вообще из руководителей, кроме, может быть, Гейдриха, начальника Главного управления имперской безопасности, был арийцем? Никто, даже сам Гитлер.

Собственно говоря, все это даже смешно.

Но теперь они были у власти, и оставалось только наблюдать, как они справляются.

Удивительно, что такой человек большого ума, как Адамек, казалось, даже никогда не задумывался обо всем этом. Он сидел в своем заржавевшем инвалидном кресле и обещал рейхсфюреру *незамедлительно* составить досье на всех остальных подозрительных лиц в Амстердаме и предоставить ему по электронной почте.

– Или в распечатанном виде, – добавил он. – Как пожелаете.

Гиммлер покачал головой.

– Уточните это у спецотряда по депортации, – произнес он. – Гораздо важнее, чтобы вы незамедлительно приступили к проведению аналогичного поиска в отношении всех немецких городов. Именно сейчас, когда судьба немецкого народа находится на острие ножа, жизненно важно полностью освободить нас от тлетворного еврейского яда.

– Разумеется, рейхсфюрер, – произнес Адамек.

Леттке опустился на стул, внезапно наполненный глубочайшей усталостью. Выпутался. Ему снова удалось выпутаться.

* * *

Они сопровождали рейхсфюрера и его окружение обрат-

но к машинам, все, кроме Адамека, и наблюдали за тем, как черные автомобили плавно удалялись. Как только они исчезли, наполнявшее всех напряжение сменилось смехом и похлопываниями по плечу. Они сделали это, сделали, сделали! Их план сработал! НСА останется таким же, каким оно и было!

Хелена тоже получила свою долю похвалы: как хорошо она все сделала, и так быстро, без проволочек и без единой ошибки! Даже Фелькерс решилась на что-то вроде слов признательности, но даже их Хелена едва ли расслышала. Она только кивала, чувствуя, как на ее лице появляется улыбка, которую все ожидали увидеть, воспринимала похвалу подобающим образом. Но: разве все они не причастны к произошедшему?

Все, что она делала, она совершала автоматически, даже не задумываясь, ведь хорошее воспитание позволяло ей точно знать, что сказать и что сделать. Все было бы точно так же, да, даже если бы она могла задуматься над происходящим, но все, о чем она сейчас думала, было то, что именно она поспособствовала тому, чтобы обречь на верную смерть человека, которого любила больше всего на свете.

Сколько лет было Хелене, когда она впервые увидела компьютер? Лет восемь? Девять? Она уже не помнила это точно, помнила только, это произошло у дяди Зигмунда. Конечно, у дяди Зигмунда. Этого она никогда не забудет.

Они навестили его после того, как он вернулся из очередного путешествия. На этот раз – из Южной Америки. Он показывал им изображения умопомрачительных гор, это были Анды, пушистых лам, которые с любопытством заглядывали в камеру, перуанцев в забавных шляпах и пестрых нарядах. Он побывал в джунглях и в древнем заброшенном городе высоко в горах, построенном невероятно давно, но никто не знал, кем или даже как – как они подняли все эти огромные камни на такую высоту? И, наконец, он побывал в Рио-де-Жанейро. Это название очаровало Хелену. Звонкое «ж», с которого начиналось последнее слово, звучало так сказочно многообещающе. Еще он сделал фотографии на пляже, фотографии красивых женщин в купальниках, с бронзовым загаром, длинными черными кудрявыми волосами и темными глазами под длинными ресницами, которые соблазнительно смотрели и смеялись в камеру, и таких снимков он показывал довольно много, пока мама с негодованием не заметила, что уже достаточно.

Об этой поездке он тоже напишет репортаж, как всегда.

От также сообщил, что этот репортаж должен появиться везде, но названия журналов ни о чем не говорили Хелене.

Она любила посещать дядю Зигмунда. Ей нравилось находиться в его затхлом маленьком домике, таинственно темном и сумрачном, пахнущем табаком и Востоком. На каждой стене висели памятные вещи со всего мира, по которому дядя бесстрашно разъезжал, – резные маски из черного дерева, привезенные из Африки и изображавшие жуткие лица, устрашающе длинные ножи и копья, привезенные дядей Зигмундом с далеких островов, изящно расписанная фарфоровая посуда из Японии, роскошные красно-золотые китайские веера из рисовой соломки или шкуры животных, от которых исходили посторонние запахи: запах крови, смерти и опасности. Весь дом был – нет, не музеем, чем-то больше, словно, передвигаясь по комнатам, можно было одновременно проделать путь по воспоминаниям дяди Зигмунда о его путешествиях.

Ее брат Армин не пошел вместе с ними. У него нет желания слушать, что происходило с *другими* людьми во время их путешествий, сказал он; и вообще, он бы предпочел сам когда-нибудь отправиться в путешествие по миру. Правда, Армин все равно терпеть не мог дядю Зигмунда, а Хелена не знала почему.

Так или иначе, но именно в тот день, показав им за кофе и ореховым пирогом фотографии из своего путешествия и рассказав о приключениях в далекой Южной Америке, дядя

Зигмунд добавил:

– А еще я должен кое-что вам показать. В первую очередь это заинтересует тебя, Йоханн.

– Меня? – удивился отец Хелены. – Это почему же?

На что дядя Зигмунд заложил большие пальцы за крохотные карманы своего жилета и оглушительно засмеялся в свойственной ему манере.

– Я инвестировал часть своего гонорара в будущее. Пройдите и взгляните!

Затем все они встали и проследовали за ним в кабинет, в его святая святых, комнату с эркером на втором этаже, откуда открывался вид на весь город. И отец остановился в дверях и воскликнул:

– Компьютер! Ты купил себе компьютер!

– Точно, – произнес дядя Зигмунд. – Старая печатная машинка окончательно отслужила свой срок. На этом устройстве я могу писать свои тексты, перерабатывать и изменять их столько раз, сколько потребуется, и, только когда они готовы к печати, я их распечатываю. А многим редакторам даже этого не требуется, потому что многие газеты и журналы уже имеют компьютеры и подключены к глобальной сети. Я просто отправляю им текст по электронной почте.

«Устройство», о котором шла речь, представляло собой огромный предмет мебели из древесины дуба. Оно стояло у стены и выглядело как секретер, но не тот изящный секретер с узкими ножками, за которым мать Хелены отвечала

на письма, а неуклюжий, угловатый предмет, весивший, казалось, тонну. Дядя Зигмунд открыл две деревянные дверные створки, за которыми появился экран, затем сдвинул назад часть столешницы: под ней находилась клавиатура, выглядывшая почти так же, как печатная машинка ее отца, с которой Хелене время от времени разрешалось играть. Когда дядя щелкнул потайной переключатель, за продолговатыми вентиляционными решетками на боковой части аппарата началось мощное жужжание и гудение. Хелена внимательно осмотрела предмет и обнаружила сбоку две украшенные резьбой секции: в одной лежала стопка белой бумаги, в другой – один листок с несколькими строчками текста.

– Печатное устройство, – пояснил дядя Зигмунд, обращаясь к отцу Хелены. – Причем, если бы мне пришлось сделать выбор еще раз, я бы предпочел модель с отдельным печатным устройством. Правда, в таком случае вокруг стола будет разбросан кабель и потребуется на одну розетку больше, но рядом с принтером постоянно что-нибудь находится, и каждый раз мне приходится все это отсюда вытаскивать, чтобы добраться до задней заслонки.

– Типичные мужчины, – произнесла мама. – Вечно должны обладать самыми новейшими игрушками.

– Напротив, дорогая сестра, – возразил дядя Зигмунд с напускной улыбкой. – Это не игрушка, это будущее. Через несколько лет компьютеры станут абсолютно привычными и будут повсюду в современном мире.

– Я даже и не знаю, для чего обычному человеку может понадобиться такое устройство.

– Например, чтобы попрактиковаться и расширить свои знания иностранного языка. В настоящее время почти в каждой западной стране существует так называемый *форум*, на котором можно обсудить с другими всевозможные темы с помощью компьютера. Таким образом, можно вступать в контакт с людьми по всему миру, а, учитывая то, что мы пережили, это только к лучшему. Только взаимопонимание между народами, причем на всех возможных уровнях, может обеспечить мир и предотвратить повторение столь ужасной войны.

Мама неодобрительно наблюдала за тем, как отец опустился на колени и через заслонку на боковой стороне устройства обследовал его внутренности.

– Это все хорошо, но мне не верится, что эти устройства войдут в обиход.

– О, это ведь несомненно, – возразил дядя Зигмунд. – Подумай о том, как быстро вошли в обиход портативные телефоны. И это притом, что необходимая технология была впервые разработана во время войны. Компьютеры существуют уже несколько десятилетий, но эта новая технология скоро сделает их доступными для всех.

Мама поморщилась. Хелена не любила это ее выражение лица, потому что так она выглядела некрасиво.

– Во-первых, я нахожу эти портативные телефоны ужас-

ными, – возразила мама, – а во-вторых, они распространяются по всему миру так быстро только потому, что державы-победительницы украли после войны все наши патенты и теперь каждый может производить все, что изобрели немецкие техники.

Дядя Зигмунд невозмутимо пожал плечами.

– Возможно, но именно это и сделало их такими дешевыми. Это рыночная экономика. Почитай Адама Смита.

– Ты, конечно, снова заступаешься за американцев.

– Не за американцев. За здравый смысл.

Отец поднялся после осмотра, отряхнул пыль с колен и произнес:

– Я не ошибся? У тебя есть собственный накопитель данных на устройстве?

– Да. Самый большой из имеющихся в наличии.

– Разве подключение к хранилищу данных не значительно лучше? Безопаснее, прежде всего?

Дядя Зигмунд потеребил свою бороду.

– Честно говоря, я не доверяю этим службам. Да, возможно, они обеспечивают большую безопасность от потери данных. Но только то, что я храню в своем доме, *принадлежит* мне, и, кроме всего прочего, никто другой не сможет туда заглянуть. Не известно же, кто там все читает, в этом центре хранилища данных.

– Я даже и не знал, что ты склонен к мании преследования, – возразил отец. – Судя по тому, что я прочитал, пре-

имущество службы хранилища...

– Йоханн! – прервала его мама. – Надеюсь, ты не собираешься обзаводиться такой ужасной машиной! Я не допущу появления подобного монстра в нашем доме – это я тебе сразу говорю.

Отец провел рукой по гладко зачесанным назад волосам.

– Ну, он стоял бы в моем кабинете, а не в жилой комнате...

Дальше Хелена не следила за дискуссией. Время от времени ей разрешали играть с пишущей машинкой отца, она даже печатала на ней письма своей бабушке. Сначала это была многочасовая работа, всегда в поисках нужной кнопки, но это доставляло ей какое-то удовольствие.

Но такой компьютер – он выглядел *еще* прекрасней! Теперь, когда у нее появилась возможность присмотреться к клавиатуре, она увидела, что на ней есть множество клавиш, о которых она и понятия не имела, для чего они предназначались. Ей очень хотелось нажать на них, но она не осмеливалась, поскольку дядя Зигмунд только недавно купил устройство и его можно было легко сломать.

К сожалению, мама добилась своего, и отец не обзавелся компьютером, даже в своем кабинете. К чему это, думала мама, в конце концов, у него есть фрау Винтербах, секретарша, выполнявшая в течение многих лет все, что нужно было сделать в кабинете хирурга.

Все свое детство Хелена слышала, что дела у всех плохи, но она так и не поняла, что же это значит, ведь у них, насколько она могла судить, всё в порядке? Они жили в большом красивом доме, окруженном великолепным садом, где цвело множество цветов и пели птицы, и у них был садовник, герр Хайнрих, который обо всем заботился и пил пиво всякий раз, когда ему казалось, что за ним никто не следит. Но Хелена очень хорошо его видела. У них была кухарка, Йоханна, которая изо дня в день хлопотала на кухне, вечно в своем синем фартуке в цветочек, и у нее всегда было что поесть, даже если голод настиг между приемами пищи. И у них была горничная, Берта, с широкими плечами и носом картошкой, немногословная, но она всегда держала все в чистоте и порядке. С ней внимательность подводила Хелену: она никогда не могла уследить, как и когда Берта делала то, что делала, именно поэтому Хелене представлялось настоящим чудом то, что квартира постоянно оставалась чистой, хоть и двигалась Берта медленно. Кроме того, никто никогда не знал, где ее встретит. Куда бы вы ни направлялись в доме, в любой момент могло случиться так, что Берта неожиданно выйдет из тени и загадочно взглянет на вас, неторопливо ступая своей дорогой.

Короче говоря, она наводила на Хелену ужас. Но больше

не было ничего особенного, на что ей можно было бы пожаловаться.

Отец иногда жаловался на свою работу в клинике и на своего начальника, профессора доктора Фройденбергера, который иногда критиковал его работу. Однажды Хелена услышала, как отец сказал матери: «Теперь Фройденбергер назначил моим руководителем Ландау, хотя была моя очередь продвижения по службе. Если дело касается выгоды, жи́ды всегда держатся вместе».

Но даже если отец порой раздражался и иногда жаловался, тем не менее дела у него были не так уж и плохи.

Впрочем, уж кому на самом деле было плохо, так это его пациентам. И притом им было плохо не просто потому, что они были больны, а потому, что они часто не могли заплатить за свое лечение. Хелена не понимала всех подробностей, но, так или иначе, у отца часто возникали трудности с получением денег, причитающихся ему за работу, и тогда она нередко слышала, как он говорил, что наступили тяжелые времена. Иногда он говорил, что совершенно несправедливо Германия теперь является самой бедной страной в мире, и только потому, что проиграла в крупной войне. В конце концов, остальные так же виноваты, что война вообще *разразилась*.

Мать часто бранилась из-за того, что отец все-таки лечил больных, соглашаясь на уплату в рассрочку, бартерные сделки и прочее, а порой и вообще отказывался от гонорара. По словам матери, это стоит ему не только рабочего времени,

но также и материалов, необходимых для проведения операций, и уж эти затраты в любом случае ложились на них. А они не могут решить проблемы Германии в одиночку.

Когда Хелена спросила отца, зачем он это делает и лечит больных бесплатно, он объяснил ей клятву Гиппократата, которую должен дать каждый врач, прежде чем ему разрешат практиковать, и что его долг – облегчить страдания, когда это в его власти, и эти слова внушили Хелене большое уважение.

Вскоре после этого Хелена нашла в саду птицу со сломанным крылом, дрозда, и, подумав о клятве Гиппократата, она взяла птицу и понесла ее в дом, потому что знала, что в противном случае ее съест очередная кошка, которой птица попадется на пути. Это было в воскресенье, отец как раз был дома и помог ей наложить на сломанное крыло шину, чтобы оно срасталось как следует. Затем они взяли из книжного шкафа «Жизнь животных» Брема и проверили, чем следует кормить животное, пока оно находится на попечении Хелены. Когда они рассказывали об этом за ужином, отец произнес:

– Быть может, наша Хелена станет ветеринаром, кто знает? – и было видно, что эта мысль не казалась ему плохой.

Мама, которая во второй половине дня была приглашена на чашку кофе к одной из своих многочисленных подруг и потому не была свидетелем последних волнительных часов, кисло улыбнулась, когда отец сказал это, и по ней было вид-

но, что эта идея ей *не* понравилась.

Хелена нарекла птицу именем Чип, потому как ей показалось, что правильнее выбрать имя, которое птица могла бы произнести сама. Чип действительно выздоровел и через несколько недель был выпущен на свободу. Но он не обратился в бегство, а долгое время оставался поблизости, то и дело появлялся перед окном Хелены и что-то щебетал ей, и Хелена была убеждена, что таким образом он хочет выразить ей свою благодарность за то, что она для него сделала. Но со временем эти визиты случались все реже, а в какой-то момент и вовсе прекратились. Наверное, сказала она себе, просто пришло время Чипу двигаться дальше.

Некоторое время спустя Хелена нашла в саду другое раненое животное, на сей раз это был кролик. У него были серьезные раны от укуса на спине, отсутствовала часть меха, и он даже не пытался убежать, когда Хелена подняла его с земли, чтобы отнести в дом.

Но на этот раз дома была мама, и она твердо сказала:

– Нет, об этом не может быть и речи. Это не ветеринарная клиника, и ты ее здесь не откроешь. Отнеси его туда же, где ты его нашла.

– Но тогда он умрет! – запротестовала Хелена.

– Так бывает в природе, – невозмутимо возразила мама.

Хелена снова подняла дрожащий окровавленный комок меха, но не понесла его обратно в сад, а прокралась на чердак и спрятала его в ящике, набитом старыми тряпками. Она по-

ставила перед животным крышку, полную воды, чтобы оно могло пить оттуда без особых усилий, а затем убежала к Рут, своей лучшей подруге.

Они с Рут Мельцер дружили с первого школьного дня, а также сидели за одной партой, хотя учителям не нравилось, когда подруги сидели вместе. Рут, конечно, тоже была знакома с Чипом, но причина, по которой Хелена побежала к ней, заключалась в том, что отцу Рут принадлежала придворная аптека в городе, представлявшаяся Хелене единственной надеждой получить необходимые для лечения кролика дезинфицирующие средства.

Рут мгновенно заинтересовалась, когда Хелена рассказала ей о кролике, его серебристо-сером мехе и больших, наполненных страхом глазах, которыми зверек смотрел на нее. Вместе они спустились в завораживающие, пахнущие химией комнаты, где располагались полки со стеклянными бутылками, наполненными таинственными жидкостями, и выпросили у отца Рут, худощавого мужчины с жидкими волосами, маленький флакон с дезинфицирующим средством и несколько бинтов.

– У них была повреждена упаковка, я все равно не смогу их продать, – сказал он. – Но для кролика они могут пригодиться.

Когда они со своей добычей добрались до чердака, кролик уже выпил всю воду и больше не дрожал. Дезинфекция ран, несомненно, причинила ему боль, хорошо, что Рут была ря-

дом и удерживала животное, пока Хелена вытирала кровь, устраняла налипшую на рану грязь, дезинфицировала ее и, наконец, перевязывала. После этого кролик был настолько измотан, что заснул.

– Как ты его назовешь? – спросила Рут, пока они вместе смотрели на спящее, тяжело дышащее животное.

– Я не знаю, – ответила Хелена. Она еще не задумывалась над этим.

– Как по мне, так он выглядит как майстер Лампе, – сказала Рут. – Так называли зайцев в старых немецких стихотворениях. И у Гёте тоже.

Это было типично для нее. Рут была маленькой и коренастой, ее темные волосы были заплетены в две толстые косички, она больше походила на крестьянскую девочку, но на самом деле никогда не уезжала из города и любила стихотворения. Она их не только любила, она могла прочесть наизусть кучу стихов и знала все о поэтах, которые их написали. Ее любимым поэтом был Рильке, но Гете, как она говорила, был «тоже довольно хорош». Кроме того, у нее был самый красивый почерк в классе, и всякий раз, когда нужно было что-нибудь красиво написать – например, плакат, – это поручали Рут.

– Но ведь на самом деле это не заяц, – отметила Хелена, – а кролик.

– Тогда назови его *Лампик*.

Поскольку Гете вряд ли мог возразить, да и, с другой сто-

роны, это был вовсе не заяц, то с тех пор кролика звали Лампик, а они обе прокрадывались к нему всякий раз, когда им это удавалось.

Однажды брат Хелены разузнал, чем они занимаются, и начал насмехаться над ними.

– Было бы лучше, если бы вы оставили его умирать, – считал он. – Слабый должен умереть, чтобы выжил сильнейший. Таков закон природы. Только сила дает право на жизнь.

– Хелена проявила сострадание, – произнесла Рут, пока Хелена была слишком напугана, чтобы сразу ответить.

Он донесет обо всем маме – это Хелена знала точно. Они с Армином с раннего детства были как кошка с собакой и ссорились по любому поводу, и всякий раз это заканчивалось тем, что Хелена чувствовала себя маленькой и глупой.

– Сострадание! – презрительно повторил Армин. – Сострадание – это тоже слабость.

У Хелены промелькнула спасительная мысль.

– Если ты расскажешь маме о кролике, – решительно заявила она, – то я сообщу ей, что ты втихаря куришь.

Армин испугался.

– Ты этого не сделаешь! – рассердился он. Ему было известно, что отец был против того, чтобы его дети курили, так как считал курение вредным для здоровья. Отец очень красочно рассказывал обо всех почерневших легких, которые ему приходилось видеть в своей жизни.

Хелена стойко выдержала яростный взгляд своего брата.

– Хочешь поспорить?

– Она тебе не поверит.

– Я знаю, где ты прячешь свои сигареты.

– Я легко спрячу их в другом месте.

– Мне также известно, где ты их покупаешь, – возразила Хелена. – И герр Пфеффер наверняка не станет врать, выго-
раживая тебя, когда она его спросит.

На это Армин ничего не ответил. Потом, поразмышляв какое-то время, он заявил:

– Мне плевать на вашего тупого кролика. Делайте, что хотите.

Затем он исчез.

Он не выдал ее тайну, но мама все равно узнала и сильно рассердилась из-за того, что Хелена не повиновалась ее указаниям.

– Я просто хочу, чтобы было кого любить! – запротестовала Хелена.

– Но не *животное* же! – воскликнула мама.

В конце концов мама согласилась на сделку: Хелене разрешили держать животное дома и ухаживать за ним еще четыре недели, но после этого его увезут в лес без всякой дополнительной отсрочки.

Но этого не случилось. Лампик умер еще до конца второй недели, и никто не знал почему, ведь казалось, что он постепенно выздоравливает. Почему-то Хелена была уверена, что он бы выжил, если бы остался необнаруженным, и она роп-

тала на судьбу, потому что у нее не было дома, где она могла бы делать всё, что захочется.

* * *

Потом началась напряженная пора вступительных экзаменов в гимназию. Напряженной она была в меньшей степени из-за Хелены, которая постоянно получала хорошие оценки в школе, не прилагая особых усилий, так что никто не сомневался в ее пригодности к гимназии, а скорее из-за Рут, испытывавшей при всех своих прочих талантах ужасные сложности в арифметике. Но ей удалось сдать соответствующий экзамен с горем пополам, и так вышло, что в мае 1931 года обе девочки впервые поднимались вместе по старинной лестнице Луизеншуле, единственной женской гимназии в Веймаре.

Но *старинная* не значит *старомодная*, отметила Хелена, когда они обратились в секретариат, чтоб зарегистрироваться, и увидели, что там используют компьютер. Это было более изящно и современно выглядящее устройство, чем то, которое она в свое время видела у дяди Зигмунда. Но, как бы там ни было, устройство знало их имена и семейные данные и одним нажатием кнопки выплюнуло их ученические удостоверения.

Как и следовало ожидать, Рут в кратчайший срок стала любимой ученицей их учителя немецкого языка, профессора Вольтерса, мужчины с седой эспаньолкой и внушитель-

ным брюшком, который всегда казался несколько погруженным в свои мысли, но, если предоставить ему правильные реплики, мог забыться в декламации стихов или даже целых отрывков из пьес. В такие моменты он казался актером, ошибившимся сценой, и то, что все школьницы смеялись над ним, от него ускользало.

При этом Рут никогда не смеялась. Она боготворила профессора Вольтерса так же, как и он ее, и, ко всеобщему веселью, защищала его от насмешек класса.

И если она была обречена на одни пятерки по немецкому, то математика стала для нее ежедневным кошмаром, ведь теперь уже одной арифметики было недостаточно и нужно было понимать и разбираться в более сложных взаимосвязях. Что касается математики, Рут целиком и полностью зависела от помощи Хелены, от того, чтобы списывать у нее домашние задания, получать необходимые разъяснения и в чрезвычайной ситуации, то есть на экзаменах, получать от Хелены подсказки с правильными ответами. Несмотря на все старания подруг, оценки Рут по математике оставались настоящей катастрофой. Отец Рут регулярно заламывал руки над головой. Как же она сможет перенять аптеку, если она не освоила даже исчисление процентов?

– Мне придется выйти замуж за математика, – поделилась Рут, единственный ребенок своих родителей, с Хеленой одной идеей о том, как разрешить эту дилемму.

Возможно, высказала свое мнение Хелена, стало бы луч-

ше, если бы у них в следующем году появился другой учитель. По ее мнению, большая часть страданий Рут была связана с тем, что профессор Касперский, говоривший с русским акцентом и смотревший пронизывающим взглядом, просто не умел хорошо объяснять предмет. Он быстро терял терпение, если кто-то переспрашивал, и, казалось, совершенно забыл, каково это — чего-то *не* знать.

И это произошло. После первого учебного года Рут с горем пополам перешла во второй класс, и у них появилась новая учительница по математике, фрау Перльман, которая умела спокойно и наглядно объяснять, и оценки Рут стали лучше, впрочем, это еще долго не означало, что они стали хорошими.

Во время пасхальных каникул Хелена снова нашла нуждающееся в помощи животное: подброшенного котенка, которому было всего несколько дней от роду. Она сразу же принесла его к Рут, ведь ее мама не возражала против их попыток позаботиться о нем вместе. На этот раз им это удалось: котенок выжил и остался в доме Мельцеров, красивый, ласковый зверек с элегантной бело-серой тигриной окраской, отзывавшийся на кличку Найденыш.

Хелена боялась язвительных замечаний брата по поводу ее перевода в гимназию. Сам он провалил экзамен, а впоследствии заявил, что не хочет ходить в школу дольше, чем это необходимо в обязательном порядке. Но когда она принесла домой табель успеваемости, он, к ее удивлению, по-

здравил ее и со всей серьезностью заявил, что гордится ею.

– Может быть, ты и в самом деле станешь ветеринаром, – сказал он. – Папа, во всяком случае, был бы в восторге, я думаю.

Его собственные амбиции были сосредоточены исключительно на спорте. Он плавал, присоединился к гандбольной команде, ездил на велосипеде и только что начал стрелять из лука. Со своей командой по гандболу он занял второе место на соревновании, принес домой серебряную медаль и рассказывал о желании стать профессиональным спортсменом – намерении, встретившем ожесточенное сопротивление со стороны родителей.

Для Хелены и Рут даже спустя год гимназия все еще оставалась миром, в котором они недостаточно хорошо разбирались. Старшие говорили о вещах, которых они не понимали, да и вообще не общались с теми, кто еще не перешел хотя бы в четвертый класс, по крайней мере серьезно.

Однажды из старого громкоговорителя, пищавшего и свистевшего хуже, чем на вокзале, по гимназии раздалось сообщение ректора, согласно которому ученицам гимназии «запрещались любые политические высказывания под угрозой отчисления».

Что бы это могло значить, спросила Хелена свою подругу.

– Речь идет о краснорубашечниках против коричневорубашечников.

– А *это* что значит? – переспросила Хелена.

Но Рут знала так же мало, как и она, и они не нашли никого, кто разъяснил бы им это.

* * *

Однажды, когда Хелена вернулась из школы домой, у них в гостях был дядя Зигмунд, он сидел вместе с отцом и матерью в столовой.

– И что это значит – Немецкий форум? – спрашивала мама как раз в тот момент, когда Хелена вошла в дом.

– Это форум для дискуссий в глобальной сети, – пояснил отец. – Стать участником может каждый, кто обладает гражданством Германии. Необходимо по почте подать заявку на доступ, затем получить персональный гражданский номер и пароль для доступа, а потом можно написать всё, что захочешь, или прокомментировать то, что уже написали другие. Дискуссия, но в письменной форме. Это называется *коллективное средство массовой информации*.

– Причем теперь это можно назвать еще и электронной стеной общественного туалета, – посетовал дядя Зигмунд. – Раньше для доступа требовался компьютер, а компьютеры были в университетах или библиотеках или же стоили кучу денег, и это обеспечивало предварительный отбор собеседников. Но с тех пор, как доступ к форуму стал открыт с любого телефона, то присоединиться может любой идиот, и не только может, но и делает это. Многим безработным, похо-

же, больше нечем заняться, кроме как в кратчайшие сроки опустить любую длительную дискуссию до уровня полупьяной застольной болтовни или еще ниже.

– Но, – спросила мама с тревогой, такой нетипичной для нее, как показалось Хелене, – как они могут причинить тебе вред?

Хелена тихо сняла свой школьный портфель и тихо подошла к двери столовой, сомневаясь, следует ли ей сообщать о своем возвращении: вдруг тем самым она прервет важный разговор взрослых?

– Там есть некоторые, кто регулярно объединяется против каждого, чьи взгляды их не устраивают, – объяснил дядя Зигмунд. – Таких называют БНЧ, «бойцы за немецкую честь», иронично, разумеется. Ничто не чуждо этим типам настолько, как честь. Но они договариваются, пишут сотнями моему редактору и очерняют меня дичайшими обвинениями, которые только можно придумать. Звонит мне вчера редактор «Берлинской иллюстрированной газеты» и со всей серьезностью спрашивает, не потому ли я так часто ездил в Африку, что поддерживал там отношения с негритянками!

– Вот это да, – услышала Хелена, как возмущенно воскликнул отец.

Пожалуй, это был не самый подходящий момент, чтобы поприветствовать дядю.

Но и просто уйти она сейчас тоже не могла.

– Возмутительно, что он тебя вообще об этом *спрашивает*.

ет, — сказала мама.

— *Audacter calumniare, semper aliquid haeret* — это знали еще древние римляне, — произнес дядя Зигмунд. Хелена знала, что это значит: «Клеветщи смело, всегда что-нибудь да останется». — Где те времена, в которые Вольтер говорил: «Мне ненавистны ваши убеждения, но я готов отдать жизнь за ваше право высказывать их»? В настоящее время свобода выражения мнений, по-видимому, означает свободу преследовать каждого, кто придерживается другого мнения. Для такого рода кампаний есть название: *смыть кого-то в унитаз*. Как раз это они пытаются проверить со мной.

— Но зачем? — хотела узнать мама.

— Итак, представь себе дискуссию, в которой речь идет о будущем Германии, содержательную, интересную, оживленную дискуссию с самыми разными точками зрения. И вдруг появляется некто и самым примитивным образом нападает на евреев, да попросту поливает всех антисемитскими помоями. Все, что я сделал, так это задержался на его высказывании, а именно, что евреи виноваты в том, что Германия проиграла войну. Я привел несколько цифр о том, сколько немецких евреев были солдатами на войне, сколько из них пало, сколько было награждено орденами и так далее, — словом, доказал, что в таких утверждениях нет ни единой искорки правды. Н-да, и затем они накинулись на меня. «Симпатизирующий евреям» — вот как они меня прозвали, нет, вы только представьте! Таким образом стало ясно, откуда ветер

дует: это была банда нацистов в глобальной сети. Их больше, чем штурмовых отрядов по пути в Берлин.

Возникла пауза, во время которой никто ничего не говорил, но казалось, что настроение в доме каким-то образом изменилось.

Наконец мама произнесла совершенно изменившимся голосом:

– Не кажется ли тебе несколько опрометчивым обвинять Гитлера в поведении каждого отдельного члена его движения? – Эти слова прозвучали так, словно она с отвращением поморщилась в отношении чего-то, что вызывало недовольство.

Хелена услышала вздох дяди Зигмунда, этот глубочайший вздох, при котором невольно становится страшно, что его дородное тело сдуется как воздушный шар, из которого спустили воздух.

– Ну, заступись еще за него, – произнес он, – за этого ефрейтора с усами Чарли Чаплина.

– Возможно, – возразил отец, – тебе стоит спросить себя, каким образом ты сам помог навлечь на себя столько негодования. Ничего против твоего мнения, на которое, конечно, ты имеешь полное право, но ты весьма неуважительно относишься к политику, который все-таки представляет значительную часть населения и в то же время выступает только за благосостояние Германии.

Грохот, донесшийся из столовой, заставил вздрогнуть Хе-

лену снаружи, в коридоре. Что это было? Кто-то опрокинул стул? Как бы то ни было, она услышала, как дядя Зигмунд крикнул:

– Я не могу поверить, что вы оба действительно попались на этот крючок! Адольф Гитлер – кто это? Человек появляется ниоткуда! Он уже находился в заключении за попытку государственного переворота – путча против того самого государства, в правительство которого он сейчас хочет попасть! Да это неслыханно!

Кто-то, предположительно ее отец, невнятно пробормотал что-то, чего Хелена не расслышала. Затем она услышала, как дядя возразил:

– Это только потому, что Гитлер – первый политик, который догадался использовать телевидение для своей пропаганды. То есть вообще-то это придумал Геббельс, он в этом отношении ни перед чем не остановится.

– Может быть, это и так, – сказал отец, – но именно поэтому он прав во многом, что говорит. Я имею в виду, что состояние в империи на самом деле катастрофическое. Одна только безработица... в Германии, которая когда-то была мировой державой, лидером в области науки и техники! А сегодня весь мир жалостливо смотрит на нас свысока. Так просто *не может* продолжаться. Сколько еще Германия должна ползать на брюхе перед остальным миром только потому, что проиграла войну, в которой другие были так же виноваты? Германия *нуждается* в обновлении – для меня это очевид-

но, и если Гитлер – единственный, кто совершит эти обновления, то он получит мой голос.

Дядя Зигмунд фыркнул. Хелена могла представить его хорошенько: лицо покраснело, глаза блестят, ноздри яростно раздуваются. Его редко можно было увидеть таким, но, увидев, забыть было уже невозможно.

– А ты, Гертруда? – спросил он.

– Я думаю так же, как Йоханн.

– Моя родная сестра! – Снова это фырканье, но уже несколько сдержанное. – Неужели вы не читали его книгу? «Моя борьба»? В ней он совершенно ясно говорит, чего он хочет: войну. Ужасно скучное чтение, но он в мельчайших подробностях описывает то, что задумал. И ничто из этого мне не нравится.

– Перед выборами политики всегда говорят одно, а потом делают что-то другое, – высказал свое мнение отец. – Таков ход вещей при демократии. В отличие от короля избранные правители должны нравиться простому народу.

Возникла долгая пауза, затем дядя Зигмунд устало произнес:

– Да. Возможно, так оно и есть. Возможно, это я недостаточно простой.

– Ну что ж, Зигмунд... – начала мама.

– Но несмотря на все это я не позволю затыкать мне рот, – воскликнул дядя. – В том числе на Немецком форуме. Даже если бабенки оттуда, которые волочатся за этим Гитлером,

забросают меня дерьмом.

– Теперь ты говоришь, что я...

– Нет, не ты, сестренка. Но некоторые... впрочем, не важно. Знаешь, что касается форума, то я просто не могу позволить себе *не* появляться там. Сейчас это попросту ярмарка мнений и важная пропаганда. Чем больше людей прочитает и оценит мои статьи, тем лучше, потому что редакторы газет, конечно же, это учитывают. Того, кто спросил меня про Африку, я проигнорирую. Вместо него я легко найду двух других, которые что-нибудь напечатают из моего.

Шум заставил Хелену развернуться. Позади нее стояла Берта, словно по мановению волшебной палочки, и смотрела на нее без выражения. Кто знает, как долго она так просто-яла. Она ничего не говорила, и Хелена тоже ничего не сказала, а просто ушла, прошла в свою комнату и попыталась понять смысл услышанного.

«Ты – сын *героя войны*» – таково было дословное название молитвы, которую мать Ойгена Леттке не уставала повторять все его детство.

Это была фраза, часто совпадающая с требованиями «ты не должен с этим мириться» или даже «тебе *нельзя* с этим мириться», фраза, которая порождала иногда особые права, иногда особые обязанности, в первую очередь долг соответствовать своему невидимому, сверхчеловеческому отцу, тому лейтенанту Хайнцу Леттке, который во время Мировой войны сбил 32 французских бомбардировщика, прежде чем его постигла судьба героя, тому лейтенанту Хайнцу Леттке, чей портрет висел дома в рамке на стене рядом со всеми его орденами, к тому же это был цветной фотоснимок из тех времен, когда цветные фотографии были не в порядке вещей, а чем-то особенным.

«Ты – сын героя войны» – эта фраза была одновременно подбадриванием и защитным заклинанием, к тому же фразой, в которой заключался почти такой же контраст, как в утверждении: «У меня остался только ты. Ты теперь единственный мужчина в доме».

С этой ношей, которая, как он думал позднее, была слишком тяжелая для плеч ребенка, никогда не видевшего своего отца, он и вырос. Они жили в Берлине в районе Шарлот-

тенбург, в маленькой квартире посреди достаточно больших, населенных настоящими семьями, в то время как у них дома на стене висела только фотография его отца. Он никогда не видел свою мать иначе чем в черном платье, потому что она никогда не предпринимала попыток аннулировать свою пенсию вдовы участника войны, назначенную еще императором, повторным замужеством.

Самыми ранними воспоминаниями Ойгена Леттке были воспоминания о заднем дворе, где стояли два по большей степени голых, но удобных для того, чтобы взбираться на них, дерева. Все соседские дети играли здесь. Девочки безудстанно устраивали свои диковинные игры в классики, во время которых нужно было перепрыгивать из одной сложной фигуры, нарисованной мелом на асфальте, в другую и при этом толкать перед собой камень, всегда из одного поля в другое и преимущественно на одной ноге. Мальчики боролись или играли в футбол или в догонялки, а иногда кто-нибудь приносил оловянных солдатиков или деревянный корабль, и тогда они играли в войну или в пиратов. Некоторые дети говорили на иностранных языках, в основном на английском, и нужно было быстро соображать, чтобы изъясняться с ними, но тогда это не было проблемой.

И в этой обстановке однажды случилось так, что Ойген нашел кольцо, дешевое маленькое кольцо, достаточно большое для пальца маленькой девочки, но с блестящим красивым бирюзовым камнем в форме сердца, причем название

цвета он узнал много позже, но всегда ассоциировал с этим камнем.

Это кольцо он носил с собой на протяжении десяти дней, потому что оно было очень красивым кольцом, настоящей ценной находкой, как он говорил себе. Причина, по которой он так долго носил его с собой, была не в том, что он не знал, что с ним делать: напротив, это-то он знал совершенно точно.

Но он не мог осмелиться.

Через десять дней он набрался смелости и подошел к одной девочке, совершенно определенной девочке, которую, насколько он знал, звали Эльза, у нее были длинные светлые косички и ангельское личико, самая красивая девочка, которую он когда-либо встречал. Он протянул ей найденное кольцо и произнес: «Дарю его тебе».

С его стороны это был акт чистейшей любви. Эльза очаровала его с того самого момента, когда он увидел ее в самый первый раз, и с тех самых пор он вновь и вновь поглядывал в ее сторону, но, разумеется, только тогда, когда был уверен, что ни один другой мальчик не сможет его в этом уличить.

В любом случае, она ему нравилась, и на этом всё. Больше он ничего от нее не хотел, он еще даже и не знал, чего может хотеть мальчик от девочки. Он был не из тех, кого называют «осведомленным». Девочки были для него представительницами таинственного чуждого вида, не имевшего ничего общего с мальчиками и даже не подходившего им.

Тем не менее ему хотелось, чтобы это прекрасное кольцо принадлежало ей, просто потому, что он не представлял себе для него никакого другого применения.

Но Эльза отпрянула назад. Она внимательно посмотрела на кольцо, затем на него и произнесла: «Оставь меня в покое».

Для Ойгена эти слова были как пощечина и удар в живот одновременно. Он даже и не мог вообразить себе подобной реакции, и, пока сказанное медленно просачивалось в его сознание, а мир вокруг него рушился, он все еще протягивал ей кольцо. Ему было понятно, что она не принимает его как личность, но при чем здесь кольцо? Как уже было сказано, он не смог придумать ничего другого, кроме как отдать его ей, и то, что она отказалась от кольца, ввергло его в замешательство.

Но она не взяла кольцо. Она отвернулась, оставила Ойгена одного и ушла.

Ойген наконец покинул двор и по пути домой швырнул кольцо в мусорный бак. Он не заплакал, он даже и виду не подал.

В конце концов, он был сыном *героя войны*.

А сыну героя войны не пристало позволять себе такое.

Вскоре после наступления нового, 1933 года воцарилось всеобщее беспокойство. Взрослые неустанно говорили о политике и о том, что имперское правительство должно быть переформировано. Что же в этом такого волнующего, Хелена не понимала: разве это не случается постоянно? Но ей было только двенадцать лет, и она не надеялась это понять и потому слушала вполуха, когда родители обсуждали, должен ли фон Шлейхер уйти в отставку, что сказал фон Папен и на что решится Гинденбург.

Разумеется, имя Адольфа Гитлера звучало снова и снова. Этот человек в некотором смысле нравился ее родителям, и тем временем Хелена тоже к этому привыкла.

Но затем произошло нечто досадное. В понедельник 30 января вечером по телевизору должны были показать художественный фильм «Победитель» с Хансом Альберсом, которого *Хелена* считала потрясающим. Поскольку ей обычно не разрешалось смотреть телевизор по вечерам, она просила разрешения до тех пор, пока ее мама не уступила и не произнесла: «Ну хорошо, но только в порядке исключения!»

Но именно в тот вечер, которого Хелена с нетерпением ожидала всю неделю, появилась новость, что это случилось: Гинденбург дал согласие на реорганизацию правительства и собирается назначить Гитлера новым рейхсканцлером. По

словам диктора, запланированная на вечернее время трансляция художественного фильма отменена в пользу внеочередной трансляции о текущей ситуации в Берлине.

— Это *безобразно!* — заревела Хелена. — Этот *дурацкий* Гитлер!

— Дитя! — строго произнесла мать. — Это что еще за тон?

— А теперь помолчи, плакса, — грубо сказал ее брат Армин. — И так ничего не понятно.

Обиженно нахмурившись, Хелена забилась в дальний угол дивана, в то время как остальные взволнованно слушали доклад репортера, который сообщал о событиях, связанных с рейхсканцелярией. Мало что было видно, преимущественно только толпу людей на едва освещенной фонарями улице. Снова и снова показывали высокое окно, за которым угадывались неопределенные движения, но дальше ничего не происходило.

Дурацкий Гитлер! Что могло быть в нем такого важного, раз из-за него пришлось отменить показ фильма, о котором в школе каждый, кто уже посмотрел его в кинотеатре, отзывался с величайшей похвалой?

Наконец открылось окно. Маленький человек с боковым пробором и усами под носом выглянул наружу, поднял руку в знак приветствия, и в ответ толпа стала приветствовать его ликующими возгласами.

— Итак, наконец произошло то, что давно уже должно было случиться, — сказал репортер. — Национальные партии

протянули друг другу руки для совместной работы по восстановлению немецкого Отечества, а Адольф Гитлер был назначен новым рейхсканцлером.

– Превосходно, – произнес Армин. Это было его новое любимое словечко для всего, что ему нравилось.

– Теперь, надеюсь, наконец что-то да тронется с места, – сказал отец. – Было ошибкой просто-напросто игнорировать такое мощное движение. Не удивительно, что ничего не продвигалось вперед.

Затем в Берлине началось крупное факельное шествие. Под окнами рейхсканцелярии прошли торжественным маршем приверженцы партии: факелы в одной руке, другая – под углом вытянута вверх. Все они шли нога в ногу, словно они были армией. Возможно, они ею и были.

Репортер, вещавший с места событий, время от времени приглашал к камере других политиков, при этом дискуссии велись на фоне шума и то и дело раздражающегося ликования. Не было ли это рискованно – выбрать председателя радикальной партии на высшую правительственную должность, хотел он узнать у бородатого мужчины, которого Хелена не знала.

– В конце концов, – заметил репортер, – десять лет назад Гитлер предпринял попытку государственного переворота. Не боитесь ли вы, что теперь он может попробовать совершить изнутри то, что тогда ему не удалось осуществить извне?

– Я понимаю подобные опасения, – ответил другой со снисходительной улыбкой, – но я их не разделяю. Видите ли, помимо Гитлера в новом правительстве есть только два других представителя НСДАП. Все остальные посты занимают хорошо зарекомендовавшие себя представители политического центра. Мы, так сказать, ограничиваем Гитлера и его партию. Он может и должен принести в политику свежий ветер, но, за счет того, что он окружен сдерживающими силами, дела гарантированно не выйдут из-под контроля.

– Большое спасибо за такую оценку, – произнес репортер и приложил руку к правому уху, в котором находился узкий наушник. – Я только что услышал, что новый рейхсканцлер собирается сделать первое заявление. Мы переходим в пресс-центр рейхсканцелярии.

Картинка сменилась, показывая зал, в котором было установлено множество флагов: черно-красно-золотые, старые черно-бело-красные флаги с имперским орлом, а также одинокий флаг со свастикой. Вошел Адольф Гитлер, окруженный другими мужчинами, которые выглядели так, словно внимательно следили за каждым его шагом.

Репортеры выхватили свои камеры и защелкали, на свежеиспеченного канцлера обрушилось большое количество вспышек. Гитлер явно нервничал, беспрестанно вертел и переворачивал лист бумаги, на котором, вероятно, было написано то, что он собирался зачитать. Он не обращал внимания ни на репортеров с фотоаппаратами, ни на тех, кто держал

в руках только блокноты и ручки; его взгляд все время был неотрывно устремлен на телекамеру.

Наконец он подошел к трибуне с микрофонами и произнес:

– Прошло более 14 лет с того злополучного дня, когда введенный в заблуждение внутренними и внешними обещаниями немецкий народ забыл о высших благах нашего прошлого, империи, своей чести и своей свободе, потеряв при этом все. С тех дней предательства Всемогущий лишил наш народ своего благословения. Раздор и ненависть торжественно вступили в свои права.

Было необычно видеть его говорящим. До сих пор Хелена видела только его фотографии, но никогда не слышала его речь. Он говорил причудливо картавя, и она не понимала почти ничего из сказанного, но ей все время казалось, что жесткий взгляд его глаз пронзает ее насквозь, словно он говорит с ней лично, с ней одной, и она почти пожалела, что ничего не понимает.

Но только совсем ненадолго. Как бы то ни было, она определенно предпочла бы увидеть Ханса Альберса.

– Это хорошо для Германии, – позднее высказал свое мнение отец. – Гитлер выступает за то, что немецкий народ желает вновь обрести себя. Вполне естественно, что народ хочет заявить о себе, это выражение его воли к жизни. Каждый врач знает, что воля к жизни – это самое важное и решающее в процессе выздоровления. Если воля к жизни отсутствует,

ни один врач в мире не сможет поспособствовать исцелению. Но если есть воля к жизни и она сильна, иногда почти не имеет значения, что делает врач, а пациент выздоравливает. У немецкого народа больна душа, но он должен поправиться – речь об этом. Политика сама по себе не может на это повлиять; необходимо что-то большее.

Это показалось Хелене убедительным, несмотря на то, что она все еще оплакивала упущенную возможность увидеть художественный фильм. Каким-то образом для папы было характерно рассматривать все в медицинских категориях!

* * *

Некоторое время спустя у них было занятие по немецкому языку, связанное с газетами. Домашнее задание заключалось в том, чтобы вырезать заголовки из ежедневных газет, которые читали дома, наклеить на каждый лист в тетради и написать своими словами, о чем идет речь в соответствующей статье. Те, чьи родители обладали компьютерами, были подключены к глобальной сети и получали новости по электронной почте, должны были распечатывать их и в остальном делать то же самое. На уроке они обсуждали, что такое заголовок, для чего он нужен, что представляет собой сообщение и что такое комментарий, и чем различаются эти два типа текста.

Как по заказу профессора Вольтерса, именно в эту неде-

лю произошло невероятно много событий. Горел Рейхстаг, в Берлине царили настоящие волнения, был задержан мужчина, подозреваемый в совершении поджога.

– Управление национальной безопасности, – услышала Хелена сообщение взволнованного радиодиктора, – вычислило данные о перемещении злоумышленника и затем безошибочно установило, что в решающий момент он находился в здании Рейхстага.

Это был первый раз, когда Хелена услышала о существовании Управления национальной безопасности. Не подозревая о том, что на протяжении длительного времени она о нем больше ни разу не услышит, она спросила у своего отца, что это такое – Управление национальной безопасности?

– Понятия не имею, я о нем тоже впервые слышу, – признался он после недолгих размышлений. – Судя по названию, это некое учреждение, которое заботится о нашей безопасности. Приятно слышать, что такое учреждение существует.

Теперь, когда она уже начала читать газеты и происходили крайне драматичные события, Хелена не прекратила следить за ними даже после того, как профессор Вольтерс обратился к другим темам. В течение нескольких недель после поджога Рейхстага Гитлер велел арестовать многих коммунистов, в том числе тех, кто заседал в Рейхстаге.

Отец считал, что это хорошо.

– Все они враги государства. Хотели бы установить ком-

мунистическую диктатуру чем скорее, тем лучше. Эту партию давно надо было запретить.

И даже принятый вскоре закон «О предоставлении чрезвычайных полномочий» получил его одобрение:

– Это похоже на то, как если бы на моем операционном столе оказалась жертва несчастного случая с бесчисленными кровоточащими ранами. Тогда нет времени на дискуссии, и прежде всего необходимо остановить кровотечение. В противном случае пациент просто-напросто умрет. Точно так же и здесь. Наше Отечество находится в кризисе, и в таком кризисе должен быть один – и *только* один, – кто скажет, что делать. Потому что в условиях кризиса у вас нет времени долго обсуждать каждый свой шаг. К слову, так же поступали древние римляне, вы еще будете изучать это в школе.

Хелена не сказала ему, что они уже почти прошли историю Римской империи. И это они действительно изучали: когда Рим оказывался в опасной ситуации, римляне выбирали того, кому они на полгода передавали абсолютные командные полномочия, чтобы он вывел их из кризиса. И такого человека они называли *диктатором*.

* * *

В школе тоже все изменилось: над входом развевались флаги со свастикой, а в каждом классе развесили фотографии фюрера и рейхсканцлера Адольфа Гитлера в рамке.

Вскоре у них появилась новая учительница по немецкому языку, высокая, пышнотелая, мускулистая блондинка, она напомнила Хелене метательницу копья, которую как раз недавно показывали по телевизору, только та не носила очков. Она сообщила, что ее зовут Эмма Линдауэр и отныне она будет вести уроки немецкого языка. Потому что профессор Вольтерс был отправлен в отставку.

– Кроме того, с сегодняшнего дня действуют несколько новых правил, – продолжила она и достала список из папки, с которой вошла в класс. – По распоряжению Министерства образования впредь еврейские школьницы должны сидеть в конце класса, отдельно от остальных. Помимо всего прочего, с завтрашнего дня становится обязательным приветствовать учителя при входе в класс жестом немецкого приветствия. Еврейским ученицам, напротив, запрещается использовать это приветствие.

– Что такое немецкое приветствие? – спросила Брунхильда Мюллер, которая всегда все схватывала последней.

Фрау Линдауэр посмотрела на нее с поднятыми бровями, взяла список в левую руку, подняла правую руку под углом вверх, щелкнула каблуками своих туфель и отрывисто произнесла: «Хайль Гитлер!» Затем она снова опустила руку и добавила:

– *Это* немецкое приветствие.

– Ах вот оно что, – сказала Брунхильда.

Фрау Линдауэр сделала глубокий вдох, затем подняла

свой список и произнесла:

– Сейчас я зачитаю имена тех, к кому это относится, и мы соответствующим образом изменим рассадку в классе. Этот новый порядок рассадки необходимо сохранять и на всех других школьных предметах без исключения.

Хелена уставилась на женщину, исполненная ужаса, о котором она и сама не смогла бы сказать, откуда он взялся. Отделить еврейских девочек от остальных? Это звучало как злая шутка. Отец всегда говорил, что не следует серьезно относиться к тому, что кто-то из правительства плохо отзывается о евреях, это всего лишь своего рода предвыборная кампания. Сейчас среди населения существуют определенные антисемитские тенденции, и многие партии так или иначе пытаются преобразовать их в избирательные голоса.

– Эстер Коэн, – зачитала она вслух, и Эстер, худощавая маленькая девочка с пышными черными кудрями, со вздохом собрала свои вещи и послушно поплелась к задней стене.

– Леа Финкельшайн, – продолжила она. – Сара Леви. Рут Мельцер...

– Что? – подскочила Рут. – Почему я?

Фрау Линдауэр окинула ее взглядом поверх очков.

– Это ты? Рут Мельцер?

– Да, – ответила Рут. – Но я евангелического вероисповедания!

– Это, – холодно произнесла фрау Линдауэр, – в данном

случае не имеет значения. Ты еврейского *происхождения* – вот ключевой момент. Так что давай пересаживайся назад.

Рут повиновалась, начала собирать свои вещи движениями, похожими на движения лунатика. В ее глазах были слезы.

– Этого не может быть, – заступилась за подругу Хелена. – Тут, должно быть, какая-то ошибка.

– Я так не думаю, – произнесла фрау Линдауэр. – А если и так, пусть ее отец придет в канцелярию ректора и представит необходимые документы, чтобы можно было исправить ошибку. Но пока ее имя в этом списке, она должна сидеть сзади.

– Оставь, – тихо произнесла Рут и закрыла свою сумку. – Я уже ухожу.

На занятиях не допускались разговоры с еврейскими девочками, но во время большой перемены можно было поговорить с кем угодно, по крайней мере пока.

– Но ты же евангелистка! – заявила Хелена, все еще шокированная тем, что произошло сегодня утром. – Мы обе записаны на подготовительные занятия к конфирмации, мы уже бывали вместе в церкви...

– Я тоже не понимаю, – высказалась Рут. – Может быть, это из-за моего имени. Рут, или Руфь, – это имя из Ветхого Завета. Так зовут многих еврейских женщин.

– Но это не может быть причиной!

Рут вздохнула.

– Я скажу своему папе. Он должен знать, что делать.

Когда на следующее утро они встретились перед зданием школы, Рут выглядела так, словно у нее на шее повис невидимый груз.

– Мы действительно евреи, – тихо сообщила она Хелене. – Просто я этого не знала. Но мы асси... ассилли... *ассимилированные* евреи. Папа рассказал, что его отец, то есть мой дедушка, принял решение отказаться от иудейской веры и стать настоящим немцем.

У Хелены словно гора упала с плеч. Ну, или по крайней мере – *камешек*.

– Это должно быть где-то записано, – произнесла она. – Я имею в виду, твой отец тоже ведь воевал.

– Да, – сказала Рут. – Он хочет в ближайшее время пойти к ректору и позаботиться о том, чтобы там исправили ошибку.

– А до тех пор ты должна сидеть сзади.

Рут пожала плечами:

– Бывает и хуже.

В этом она оказалась права. Потому что ее отец после обстоятельного наведения справок вовсе не пошел к ректору, а предпринял совершенно иные меры.

– Мы уезжаем, – поведала своей подруге Рут с покрасневшими глазами от всех слез, выплаканных в предыдущие дни.

– Что? – Эта новость огорошила Хелену. – С какой это стати?

– Папа говорит, что если так начинается, то и продолжит-

ся, а если продолжится, то будет становиться только хуже. По всей вероятности, евреи здесь уже не будут в безопасности на протяжении всей своей жизни. И в таком случае, говорит он, лучше уехать, причем как можно раньше.

Хелена почувствовала, как подступают слезы.

– Но... но куда вы хотите уехать?

– В Америку, – сказала Рут. – У нас есть родственники в Нью-Йорке, которые примут нас на первое время. А там посмотрим, говорит папа.

– А как же ваша аптека?

– Он ее продает.

Давящий комок поднялся к горлу Хелены.

– Ты же не можешь просто уехать! И что мне без тебя делать?

Рут смущенно посмотрела в сторону и тихо произнесла:

– Для тебя будет лучше не иметь еврейку в подругах.

– Для меня это не имеет никакого значения...

– Но не для остальных, – сказала Рут своим точным, убедительным голосом. – Для них это имеет значение.

И тут, к сожалению, Рут была права: в последние дни иногда на Хелену косо смотрели, спрашивали, почему она возится с «этой».

– Евреи – враги нашего народа, – сказала ей одна девочка из седьмого класса, когда она, как обычно, поднималась по лестнице после длинной перемены.

Хелена остановилась и напустилась на нее со словами:

– Это моя *подруга*!

Но та всего лишь произнесла: «Будь осторожна» – и невозмутимо пошла дальше.

Разлука произошла быстрее, чем ожидалось, потому что уже на следующий день Рут больше не пришла на занятия. Но ведь Рут не уехала бы не попрощавшись, не так ли? Наверняка она всего лишь заболела. После обеда Хелена позвонила Мельцерам, но никто не подошел к телефону. Недолго думая, Хелена запрыгнула на велосипед и поехала в город, но, когда она добралась до аптеки, на двери висела табличка: «*Закррито на неопределенный срок. Обратитесь, пожалуйста, в Львиную аптеку на Карлсплац*». И на окнах квартиры больше не висели занавески.

Хелена стояла там, согнувшись над рулем своего велосипеда, не в силах поверить в то, что она видела. Уехали. Они уехали.

Из-за угла появилась полосатая кошка и остановилась, как только увидела Хелену. У нее была черно-серая шерсть с красивыми тигровыми полосками.

– Подкидыш! – закричала Хелена и на одно безумное мгновение ей показалось, что кошка расскажет ей о том, что произошло.

Но Подкидыш, который еще неделю назад доверчиво залезал к ней на колени, когда она приходила в гости к Рут, всего лишь непостижимо присматривался к ней, словно даже с упреком. Во всяком случае, так показалось Хелене.

– Что же мне теперь делать? – беспомощно спросила она.

Подкидыш, казалось, задумался над этим вопросом, но, разумеется, так и не придумал ответа, а развернулся и скрылся.

Хелена довольно долго простояла, глядя пристально на пустой дом и пытаясь понять, что же произошло.

Несомненно, что-то плохое.

И это еще не конец.

Благодаря достаточно хорошим оценкам и дополнительному преимуществу для единственных сыновей вдов участников войны Ойгена приняли в гимназию, и таким образом у него больше не оставалось времени для игр на заднем дворе. В школе ему досталось место рядом с мальчиком по имени Феликс – выходцем из пользующегося дурной репутацией округа Шпандау.

Они быстро подружились, и Феликс отвел Ойгена с собой в окрестности, которые он называл своим «участком». Там он знал великое множество окольных путей и укрытий, что было очень полезно, если кто-то вроде Феликса время от времени похищает бумажники у мужчин или дамские сумочки и потому вынужден быстро исчезнуть из поля зрения. Также он знал людей, у которых можно было реализовать похищенные вещи, такие, как украшения, часы или кожаные кошельки. С деньгами в кармане, в свою очередь, даже школьнику становились доступными многие занимательные вещи, например курение сигарет, распитие алкоголя или просмотр в кинотеатрах фильмов, для которых они были еще слишком юны.

Ойген был смышленным учеником. Он научился у Феликса, как попрошайничать (лучшим способом было попросить у прохожих пару монет на трамвай, сославшись на потерю

денег и отсутствия возможности вернуться домой; если произвести достаточно отчаянное впечатление, то многие давали денег на полную стоимость проезда), как кого-то обчистить на пару (один врывается в человека, другой в тот же момент вытаскивает у него кошелек из брюк) и как получить сигареты без вопросов о возрасте (собственно говоря, из автоматов, установленных на нижних этажах хороших отелей).

Однако кража кошельков была слишком нервной для Ойгена и, учитывая прибыль, не стоила усилий и риска. От алкоголя ему становилось плохо, от сигарет – нет, хотя Феликс утверждал, что от этого всем поначалу становится плохо, пока не привыкнешь. А попрошайничество... честно говоря, это было прибыльно, и можно было узнать много нового о людях и о том, как заставить их сделать то, чего хочешь. И все же это было, скажем так, *унизительно*. Не то, что подходит сыну героя войны.

Постепенно Ойген знакомился с кликой, к которой принадлежал Феликс. Другие мальчики не выдали ему своих настоящих имен, а отзывались на такие клички, как *Короб*, *Дятел* или *Биток*, но в конце концов взяли его с собой, когда речь зашла о том, чтобы незаметно обчистить квартиру, которая, насколько им было известно, в течение дня оставалась пустой.

Это событие показалось Ойгену предельно увлекательным, причем его интересовала не столько сама добыча, а опыт проникновения в чужую квартиру, а вместе с тем и в

жизнь другого человека, возможность обшарить все его владения и раскрыть все его маленькие секреты: какого фасона трусы он носит, кому и о чем пишет письма, сколько у него денег на счету и так далее. Именно этот акт проникновения волновал Ойгена в высшей степени, а также тот факт, что этот человек понятия не имеет о том, что он прямо сейчас роется в самом сокровенном его имуществе. Пока Феликс и остальные искали деньги, оборачивали тряпками и распахивали по своим курткам столовое серебро или загребали драгоценности, Ойген изучал лекарства в ванной, содержимое ящика прикроватной тумбочки и фотографии в деревянной шкатулке.

Все случилось слишком быстро. Со словами «Если ты ничего не понесешь, то и не получишь доли добычи» Феликс сунул ему в руки два тяжелых свертка, которые Ойген послушно запихнул в карманы своей куртки, и затем они скрылись. Не прошло и часа, как они вышли из лавки скупщика и у каждого из них в кармане было по тридцать рейхсмарок!

Это было неплохо, и, в конце концов, деньги вполне могли ему понадобиться, ведь он был единственным мужчиной в доме. Ему оставалось только придумать хорошую историю о том, откуда у него появились деньги, но это не составило для него труда. («Мужчина в меховой шубе поднялся из-за стола уличного кафе и забыл на соседнем стуле свой портфель. Я взял его и догнал мужчину, а он дал мне тридцать марок в качестве вознаграждения, потому что в портфеле были очень

важные документы».)

Он не мог дожидаться момента, чтобы повторить это дело. Остальные тоже, разузнал он, но проблема заключалась в том, чтобы подыскать квартиры, в которых можно было бы быть уверенным, что им ничто не помешает.

Ойген не понимал, в чем тут заключается проблема. Поэтому он сам начал смотреть во все глаза, и в кратчайшие сроки превратился в эксперта. Кто обратит внимание на грязного белобрысого мальчугана в дешевой одежде, слоняющегося на обочине? Ойген бродил кругами, подслушивал разговоры, следил за людьми, чтобы узнать, где они работают или каковы их привычки, и вскоре у него в голове возникла точная картина каждого квартала: он знал, кто где живет, когда уходит из дома, куда и к какому часу направляется и в какое время возвращается. Взрослые, обнаружил он, удивительно часто жили настолько упорядоченной жизнью, что, глядя на них, можно было сверять часы. В одно и то же время они ходили не только на работу, но и обедать в недорогие рестораны или на встречи за чашкой кофе. У них были регулярные записи к врачу, они шли развлекаться в одни и те же вечера недели или совершали прогулки в определенное время дня.

Когда грабительские налеты, совершенные на основании раздобытой Ойгеном информации, попали на заголовок ежедневной газеты, которую его мать получила от соседа, как только тот ее прочитал («Серия краж со взломом в Шарлот-

тенбурге – полиция подозревает цыган»), Ойген считал благо-разумным выйти из дела. Тем временем он научился у Короба взламывать большинство обычных замков, не оставляя следов, и больше не зависел от клики Феликса. Он переместил свою шпионскую деятельность в другие, лучшие районы города, потому что квартиры, которые достаточно долго оставались пустыми, чтобы все там спокойно осмотреть, были повсюду.

Короб был недоволен тем, что Ойген больше не высматривает адреса, но, побурчав, в конце концов смирился с этим. Остальные полагали, что, возможно, будет лучше хотя бы ненадолго затаиться.

Ойген больше ничего не крал, а если такое и случалось, то только мелочи, пропажу которых хозяева, вероятно, зачастую вообще не замечали. Ему было достаточно просто проникать в квартиру, в жизнь незнакомого мужчины или незнакомой женщины, и рыться там в выдвижных ящиках, перебирать корреспонденцию и банковские выписки, обследовать шкафы, полки и кладовки. Некоторые люди, замечал он, вели себя как бедные, но были втайне богаты, другие казались богатыми, но в действительности у них были одни сплошные долги.

У некоторых женщин было огромное количество нижнего белья, тончайшие предметы одежды со шнуровкой и иной раз отверстиями в причудливых местах. Многие мужчины держали в ящиках своих прикроватных тумбочек потрепан-

ные брошюрки, полные фотографий, на которых голые женщины делали странные вещи с голыми мужчинами, фотографии, которые Ойген находил столь же странными, сколь и захватывающими, и каждую из которых он изучал чрезвычайно внимательно. Забрать их он не осмеливался, ведь что было бы, если бы его мать обнаружила их у него?

В квартире одного мужчины, который работал официантом в кафе «Кранцлер», Ойген нашел внушительную коллекцию тяжелых кофейников из чистого серебра. Когда он однажды с небольшого расстояния наблюдал за кафе, когда кто-то заказал кофе на террасе, он увидел, что здесь используются точно такие же кофейники.

Ойген подкараулил мужчину в темном месте, когда тот направлялся домой, и сказал:

– Я видел, как вы украли в кафе серебряный кофейник. И не один раз.

Мужчина, производивший впечатление чахоточного субъекта с невыразительными волосами, вздрогнул.

– Что? – воскликнул он. – Откуда ты знаешь?

Затем он осознал, что тем самым уже выдал себя, и спросил:

– Что тебе надо?

– Сто марок, – смело сказал Ойген. – В противном случае я расскажу об этом вашему начальнику.

На самом деле он бы не осмелился, потому что тот обязательно позвонил бы в полицию, а они захотели бы точно

знать, как он узнал об этом, когда и где он заметил, как мужчина крадет, и все это было слишком рискованно. Но мужчина этого не знал.

– Сто марок? – повторил мужчина. – Так много у меня нет. – Он пошарил по карманам, извлек купюры. – Вот. Могу дать тебе пятьдесят.

– Ладно, – произнес Ойген и выхватил деньги. Затем он посоветовал горемыке: – Идите с таким кофейником к Зеллигману на железнодорожной станции Шпандау. Он хорошо заплатит.

– Что?

Мужчина озадаченно взглянул на него, и, поскольку Ойгену не хотелось, чтобы тот внимательно его рассмотрел, он решил оставить все, как есть, развернулся и убежал.

Пятьдесят рейхсмарок! Знание, понял он, – это сила.

* * *

Однажды Феликс рассказал ему, что с недавних пор клика время от времени собирается с группой девушек-сверстниц для игры в «покер на раздевание», как назвал это Феликс: они играют в карты, и тот, кто проиграл кон, должен снять предмет одежды.

– Так игра становится увлекательнее, если речь заходит о подобных вещах, – заявил он. – И играть с девчонками на деньги было бы глупо.

– И девочки принимают в этом участие? – скептически спросил Ойген.

– Еще как, – отвечал Феликс. – Они от такого без ума.

Ойген, которому понравилась возможность увидеть настоящих девушек более или менее раздетыми, хотел узнать, может ли он сыграть вместе с ними.

Феликс поморщился.

– Хм, – многозначительно хмыкнул он. – Сначала мне нужно спросить у остальных.

Он несколько недель держал Ойгена в напряжении, а затем наконец взял его с собой. Он взял с него священные клятвы сохранить в тайне место встречи и строго внушил ему, что не разрешается уходить до окончания игры.

– А когда она заканчивается? – спросил Ойген.

– Это же ясно: когда кому-то станет уже нечего снимать, – пояснил Феликс и ухмыльнулся.

Местом встречи был чердак с кучей разложенных старых ковров в шестиэтажном многоквартирном жилом доме. Через окно на крыше проникал яркий солнечный свет, в котором плясали пылинки, и они расселись вокруг этого пятна света: вместе с ним – пять парней и четыре девушки. Дятел начал раздавать карты, и Ойген проиграл первый же кон. Он снял куртку и списал проигрыш на то, что ему достались довольно скверные карты.

Теперь раздачей занялась одна из девушек. Этот кон Ойген тоже проиграл. Он пожертвовал ботинок.

Дальше шло все так же. Другой ботинок. Носок. Еще один носок. Наконец проиграла одна девушка и под одобрительные возгласы должна была сбросить свою курточку, но затем снова проиграл Ойген: настала очередь его свитера.

– У меня все время скверные карты, – пожаловался он.

– Бывает, – высказался Феликс, раздавая карты.

И снова он оказался проигравшим. Ему пришлось снять рубашку. Майки на нем не было. Девчонки насмешливо улыбались и хихикали.

– Дурацкая игра, – проворчал Ойген.

Феликс назидательно взглянул на него, и он кивнул в знак того, что помнит правило, согласно которому нельзя уходить до конца игры.

Кроме того, *должна* же была когда-то закончиться эта полоса его неудач! Прямо напротив него сидела пышнотелая девушка с буйными кудрями и внушительным размером груди: ему бы хотелось увидеть ее одетой так же легко, как и он сейчас.

Следующий кон. Снова провал. Теперь это были уже брюки, отправившиеся в стопку прочих предметов одежды.

– Чертова невезуха, да? – ухмыляясь, заметил Короб.

– Действительно, – согласился с ним Биток.

– Сдавай уже, – язвительно произнес Ойген. К счастью, здесь, наверху, было тепло от солнца, палящего над крышей.

Карты были розданы. Ойген еще раз глубоко вдохнул, прежде чем взять свои карты. Выглядит не так уж и плохо –

но почему-то он никогда не доходил до взятки и снова остался последним.

– Трусы, если позволите, – сказал Феликс. Остальные взревели от смеха.

Ойген почувствовал, как его лицо заливалось яркой краской, пока он, сидя, неловко пытался снять свои трусы и бросил их в стопку с одеждой.

– Что теперь? – спросил он, плотно сжав бедра и положив между ними руки, чтобы не чувствовать себя таким голым.

– Теперь, – объяснил Феликс, – мы сыграем еще один заключительный кон, и победитель сможет потребовать от тебя что-то сделать, чтобы ты смог вернуть свои пожитки. – Он ухмыльнулся. – Ты, разумеется, больше не играешь. Да и не сможешь, судя по твоему виду.

Этого еще не хватало! Ойген сидел неподвижно, наблюдал и спрашивал себя, что же от него потребуют. Наверняка что-то еще более унижительное. Об этом правиле Феликс ему ничего не рассказывал.

Странно, теперь в игре были другие карты? Только что это были карты с синей рубашкой, а теперь с красной. Когда определился победитель – им оказался Короб, – Ойген задал вопрос, после которого все окончательно покатились со смеху.

– Мы всегда так делаем, когда приходит кто-то новенький, – сказал Феликс, когда смог снова свободно вздохнуть, взял в руки другие карты и признался: – Эти крапленые.

– Крапленые? – повторил Ойген и почувствовал себя словно в дурном сне. Сидеть голым на ковре под крышей и проигрывать в карточной игре: такое *могло* произойти только в дурном сне!

– Да. Мы тебя обхитрили. погоди, я тебе сейчас покажу.

Он продемонстрировал Ойгену пометки с обратной стороны карт, по которым можно было определить, у кого какие на руках карты, и объяснил ему, как с их помощью можно направлять игру так, как хочется. Это было удивительно просто, если знать, на что следует обратить внимание, и самым постыдным во всей ситуации Ойгену показалось вот что: он не заметил этого раньше.

– Но, – заключил Феликс, – проигрыш есть проигрыш, и теперь Короб может определить, что тебе нужно сделать, чтобы получить обратно свои вещи.

– Он должен нам станцевать! – хихикая, выкрикнула одна из девчонок, толстуха.

– Нет, он должен показать нам, как он... ну вы поняли... – воскликнула другая, со стрижкой под мальчика, сделав к тому же рукой движение вверх-вниз. Ойген понятия не имел, что она имела в виду.

Рыжеволосая взвизгнула, размахивая старой щеткой:

– Он должен воткнуть себе в зад черенок, бегать туда-сюда и лаять как собака!

Она прокричала это так решительно, что Ойген действительно испугался. Ведь не могли они требовать от него этого

всерьез, не так ли? О *таком* и речи не может идти!

А четвертая девчонка, самая маленькая и скучная из всех, крикнула:

– Мы выбросим его вещи из окна на улицу, а он должен будет голышом спуститься по лестнице, если захочет их вернуть!

Ойген сидел как парализованный, крепко сжав бедра и прикрывая рукой свой пенис, и был уверен, что сейчас умрет от стыда.

Короб решительным движением руки призвал девушек замолчать.

– Я победил, – произнес он. – И потому я решаю, что ему сделать.

Ойген заметил, как его начало трясти. Точнее говоря, это его тело стало дрожать само по себе, и он ничего не мог с этим поделать.

– Я требую, – продолжал Короб с задумчивым видом, – от тебя адрес. Я не верю, что ты больше не знаешь адресов. Я думаю, ты трусил, когда мы попали в газету.

В этом он, конечно, был прав, но Ойген в этом бы не признался. Положив руки на детородный орган, который, как он чувствовал, только что сжался до микроскопических размеров, чтобы вскоре скрыться в нижней части живота, он пристально посмотрел на Короба и задумался.

– У меня есть еще один адрес, – произнес он наконец. – Песталоцциштрассе, 86, четвертый этаж направо. Профес-

сор Альтгассен. Он на пенсии и много времени проводит дома, но каждую среду он уходит к двум часам на встречу с друзьями и никогда не возвращается раньше пяти.

– Превосходно, – сказал Короб и перебросил ему одежду. – Значит, в следующую среду в два часа. Мне срочно нужны деньги.

Ойген ничего не ответил, а оделся так быстро, как только смог. Кто-то предложил сыграть по второму кругу, на этот раз нормальными картами, но Дятел сказал, что ему нужно домой, и две девчонки заметили, что им тоже пора.

После этого клика собралась в среду чуть раньше двух часов недалеко от дома, в котором проживал профессор, – только Ойген не появился.

– Думаю, он заболел, – сказал Феликс, – ему уже сегодня утром было плохо в школе.

– Нам больше достанется, – пренебрежительно бросил Короб.

Через некоторое время открылась входная дверь и вышел профессор, старик с цилиндром, моноклем и тростью, он лишь раз мимолетно оглянулся, а затем стремительно зашагал прочь, не подозревая, что четыре пары юношеских глаз следили за каждым его шагом, пока он не скрылся за углом. Четверо подождали еще некоторое время, затем пересекли улицу и проскользнули в дом.

На самом деле Ойген не болел, он только с утра делал вид, что ему плохо. И он тоже пришел, притом прилично опере-

див остальных, и наблюдал за всем, спрятавшись за углом дома на некотором расстоянии. Когда клика, поставившая его в дурацкое положение, скрылась в доме, он еще немного подождал, мысленно был с ними, следил, как они крадутся по лестнице, как Короб взламывает замок и как они входят в квартиру. Он видел все это достаточно часто, чтобы оценить, сколько времени это займет.

Затем он быстро подошел к ближайшей телефонной будке, вызвал полицию и как можно более низким голосом сообщил, что на четвертом этаже по адресу Песталоцциштрассе, 86, район Шарлоттенбург, судя по всему, только что была совершена кража со взломом.

Полиция приехала удивительно быстро: очевидно, серия краж со взломом еще не была забыта. Ойген едва успел вернуться на свой наблюдательный пост, как перед домом остановился воронок и из него выскочили полицейские с поднятыми дубинками. Вскоре оттуда вывели четверых мальчишек со связанными за спиной руками.

Ойген хладнокровно наблюдал, пока полиция не уехала и все не закончилось.

Он был сыном героя войны. Он не должен был мириться со всем.

* * *

На следующее утро в класс пришел ректор и, чрезвычайно

уязвленный, сообщил, что, к огромному сожалению, ученик Феликс Дальман угодил в плохую компанию, даже в очень плохую компанию, из-за чего теперь находится под арестом, и, судя по тому, как обстоят дела, он, вероятно, проведет там долгие годы вместе с той плохой компанией, в которую он попал. В любом случае на его гимназической карьере можно поставить крест, заключил ректор и добавил: «Пусть для вас это станет предупреждением».

Поскольку было известно, что Ойген дружил с Феликсом, его допрашивала полиция, но он отрицал, что ему хоть что-то было известно или доводилось участвовать в каких-то нечистых делах; вместе с Феликсом они всего лишь готовились к контрольным работам. Это было занесено в протокол, после чего для Ойгена все было улажено; больше он ничего не слышал о деле и даже не был вызван в суд. О том, что «четверо берлинских домушников» были приговорены к длительному тюремному заключению для малолетних правонарушителей, он узнал позднее из газеты.

Затем он отправился на поиски девчонок. Это было не так просто, потому что он не знал ни одного имени. Он часто подолгу бродил по участку в надежде встретить кого-нибудь из них, но безрезультатно. Наконец ему пришла в голову идея вести наблюдения рядом со школами, которые посещают девчонки их возраста: в конце концов, *должны* же они ходить в какую-то школу.

Это оказалось нелегко, потому что ему требовалось вес-

кое оправдание, почему он по утрам так часто опаздывает в свою собственную школу, но уже в пятой школе – Луизенштадтской гимназии в районе Пренцлауэр-Берг – он нашел, что искал: туда ходила пышнотелая, которая сидела прямо напротив него и требовала, чтобы он станцевал голышом.

Он подкарауливал ее в обеденное время, незаметно следовал за ней и мало-помалу узнавал о ней всякое разное, например то, что ее звали Дерте. И что одним из ее излюбленных развлечений было ездить на трамвае в город и бродить по тамошним универмагам, особенно по КаДеВе³.

Когда он разузнал достаточно всего и разработал свой план, то однажды днем застиг ее врасплох, когда она вышла из дома и как раз направлялась к трамвайной остановке. Он преградил ей путь и сказал:

– Привет, Дерте.

Это ее шокировало, потому что она его, конечно, узнала.

– О, – пробормотала она. – Привет, эм... Ойген, так ведь?

Он кивнул и пронзил ее сверлящим взглядом глаза в глаза, отчего ей явно стало не по себе.

– Вот мы и встретились снова, – произнес он, и, вероятно, это прозвучало довольно угрожающе. Вот и хорошо.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут? – нервно спросила

³ *«Kaufhaus des Westens»* (нем. *Kaufhaus des Westens* – «Торговый дом Запада»), в сокращении Ка-Де-Ве (KaDeWe) – универсальный магазин в берлинском районе Шёнеберг на улице Тауэнцинштрассе у площади Виттенбергплац. Некогда считался крупнейшим в континентальной Европе и входил в пятерку самых крупных универмагов мира.

она.

– О, – промолвил Ойген, – я многое знаю о тебе. Не только, как тебя зовут. Еще я знаю, в какую школу ты ходишь. И чем обычно занимаешься днем.

– И чем же? – дерзко возразила она. – Чем же я занимаюсь?

– Ты едешь в район Шенеберг шляться по КаДеВе, – сказал Ойген. – Позавчера ты стащила оттуда губную помаду, а вчера – платье. Ты надела его в раздевалке под то, которое было на тебе.

– Ну и что? – возразила она и надула губы.

– Твой отец состоит в церковном совете, – продолжал Ойген. – Он бы явно не пришел в восторг, если бы узнал о таком. А это было дорогое платье. *Действительно* дорогое.

От него не скрылось, как она вздрогнула, когда он это произнес, как и то, что ее голос сразу зазвучал очень жалобно, когда она возразила:

– Ты не сможешь это доказать.

– Смогу, – сказал Ойген и вытащил миниатюрную камеру «Минокс», которую украл, вскрыв чью-то квартиру. – Я сделал фотографии. Мне нужно всего лишь проявить пленку.

Это была ложь. Он понятия не имел, что было на пленке. Но она этого не знала. А благодаря рекламе каждому было известно, что такое «Минокс»: самая маленькая в мире камера и излюбленный шпионский аксессуар.

– Чего ты хочешь? – прошептала она.

– У меня есть вполне справедливое предложение, – сказал Ойген. – Мы сыграем в покер на раздевание. Только ты и я. Если победишь, сможешь загадать желание. Например, чтобы я вытащил из камеры непроявленную пленку и тем самым уничтожил снимки.

– А если победишь ты?

– Тогда я смогу загадать желание, – ответил Ойген. – Ты же знаешь правила.

Она беспомощно огляделась по сторонам, разумеется напрасно, потому что не было никого, кто мог бы поспешить ей на помощь или выручить, если она обратится в бегство.

– Послушай, – наконец сказала она, нервно покусывая нижнюю губу между фразами. – Тогда с покером на раздевание все затеял Короб. Он пообещал денег мне и остальным, если мы присоединимся. Потому что, ну, я обычно не вожусь с такими парнями, понимаешь?

– М-м-м, – протянул Ойген, но и только.

Когда кто-то нервничает и говорит, то лучше всего молчать, ведь для большинства в таком случае не останется другого выхода, кроме как продолжить говорить. Дерте так и поступила.

– Он пообещал, что никому из нас не придется по-настоящему раздеваться, может быть, только снять одну вещь, чтобы все выглядело более реалистично. Он объяснил нам, как раздаст карты и как нам следует играть, чтобы ты проиграл. Честно говоря, я не хотела, чтобы все зашло так далеко.

Ойген поднял брови.

– Ах, так ты не хотела!..

– Сначала нет. – Она отвернулась от смущения. – Но когда все так далеко зашло, я позволила себе увлечься и присоединиться...

– Точно, – сказал Ойген и взмахнул камерой «Минокс». – А теперь ты просто присоединишься еще раз.

Она сдалась.

– Ну хорошо, – со вздохом сказала она. – Где и когда?

– Можем прямо сейчас, – предложил Ойген. – У нас еще полдня впереди. И я знаю местечко, где нам никто не мешает.

Она пошла с ним, что же ей еще оставалось делать? Он привел ее на чердак, напоминавший тот, где они обвели его вокруг пальца и смеялись над ним, а она – громче всех. Крыша была немного ниже, комната меньше, но он точно так же раздобыл и расстелил старые ковры, а ключ от навесного замка, который он приделал, постоянно носил с собой.

Они молча сели, и он начал раздавать карты.

Конечно же, он использовал крапленые карты, только крапление отличалось от того, о котором она знала. Он сделал так, чтобы все выглядело как настоящая игра, позволяя ей побеждать снова и снова, притворялся рассерженным, когда казалось, что у него наступила полоса неудач, но, конечно, в конце концов именно она проиграла и сидела голая, пока на нем еще оставались трусы. Что не имело никакого

значения – скорее, даже наоборот.

– Ну хорошо, – произнесла она, полная дурных предчувствий, – что я должна делать?

Он объяснил ей.

Она посмотрела на него с нескрываемым ужасом.

– Этого... этого я не сделаю! Я не из таких!

Ойген поднял «Минокс».

– Есть только два варианта. Один из них – ты это сделаешь, а затем получишь пленку. Другой – ты этого не сделаешь, я проявлю пленку, и твой отец получит снимки. И в КаДеВе тоже. Вместе с твоим адресом.

Ее нижняя челюсть задрожала.

– Ты жульничал. Карты были каким-то образом помечены.

– Проигрыш есть проигрыш, – невозмутимо произнес Ойген.

Все закончилось тем, что он откинулся спиной к перекладине, а она встала перед ним на колени и делала с его членом именно то, что он от нее требовал, и все это было настолько волнующе и ощущалось неизмеримо лучше, чем он представлял в самых смелых мечтах, и даже не имело значения то, что она при этом ревела. Наоборот, это делало все только еще более волнующим.

Остальных трех девушек, поклялся он себе, он тоже получит.

Хелена долго ждала весточки от Рут. Не могла же подруга исчезнуть, даже не написав ей прощального письма? Не оставив хотя бы адреса, по которому с ней можно было бы связаться? Но ничего подобного не происходило. Рут исчезла из ее жизни и осталась в прошлом.

В школе теперь в начале каждого урока они кричали «Хайль Гитлер!», а классы становились все меньше и меньше, потому что другие еврейские ученицы тоже постепенно перестали приходить в школу. Всеобщее воодушевление вызвал министерский приказ нового правительства о продлении пасхальных каникул до 30 апреля. А то, что 20 апреля день рождения нового канцлера отмечался факельным шествием, на котором обязательно должны были присутствовать все школьники города, было воспринято как незначительная плата за каникулы, тем более это стало настоящим праздником, в котором также приняли участие пожарные части, спортивные клубы и Союз бывших фронтовиков.

Когда в мае начался новый учебный год, прежние три четвертых класса были объединены в два, и у Хелены появилась новая соседка по парте, по имени Вероника, прямо-таки неземной красоты и с уже впечатляющей грудью, которую она гордо демонстрировала во время переодевания перед уроками физкультуры. Хелене она казалась принцессой,

которая выпрыгнула прямо из сказки братьев Гримм, и она не знала, о чем с ней заговорить, как бы ни старалась придумать.

24 июня был еще один крупный праздник, на этот раз отмечали прошедшее в предыдущую среду солнцестояние. Снова нужно было участвовать в длинном торжественном шествии, заканчивавшемся на большой площади, где разожгли громадный костер. Пока пылал огонь до небес, Хелена с остальными пела песню «Пламя вверх». Потом ректор гимназии для мальчиков рассказывал о значении праздника солнцестояния в стародавние времена и в новое время, которое теперь началось, но Хелена слушала вполуха. Так или иначе, он закончил словами «Ура! Ура! Ура нашему рейхсканцлеру Адольфу Гитлеру! Ура нашему рейхспрезиденту фон Гинденбургу!», затем пели «Песнь немцев» и песню Хорста Весселя, и уже потом им разрешили пойти домой.

Большой переполох в то время вызвала предстоящая отмена наличных денег. Ни о чем не спорили так много, как об этом, и большинству людей казалась довольно жуткой мысль, что скоро у них не будет никаких денежных купюр и монет, а только нечто вроде удостоверения. По телевизору, казалось, уже несколько недель шли одни только передачи на эту тему. «Это чересчур ранние и опрометчивые меры, система еще не проработана и на практике приведет к большим проблемам», – предупреждали критики. Были даже представители правительства, которые признавали: да,

следует ожидать первоначальные проблемы, будет сделано все, чтобы их устранить, но это необходимо сделать, потому что только таким образом коррупцию и организованную преступность можно действительно искоренить и, самое главное, это единственный способ для Германии освободиться от опасных хитросплетений международного крупного капитала и еврейского процентного рабства.

– Крупные еврейские банкиры, втайне контролирующие мировую политику, разумеется, стараются сделать все возможное, чтобы помешать нам избавиться от их жадных когтей, – сказал помощник министра финансов во время дискуссии на высшем уровне. – Большая часть пропаганды, направленной против отмены наличных денег, исходит из этих кругов, и честный немец не должен доверять таким аргументам, нужно не дать сбить себя с толку и активно способствовать тому, чтобы новая система достигла успеха. В долгосрочной перспективе это окажется верным шагом, который к тому же сделает жизнь значительно более удобной. Больше никакой мелочи в кошельке, никаких хлопот со сдачей – впредь все ваши деньги всегда будут при вас и никто не сможет их украсть!

Так и случилось. К первому июля нужно было отдать все наличные деньги в банк, где затем их зачисляли на личный счет, а для тех, у кого еще не было счета, теперь его открывали, даже детям. Когда Хелена разбила свою копилку в виде свиньи, которую она уже много лет кормила монетами, а

временами и купюрами, внутри оказалось ни много ни мало 217 рейхсмарок! Ей очень хотелось сохранить хотя бы одну монету на память, но отец предостерег, что это строго запрещено: с июля начнутся проверки, и если у кого-то обнаружат монеты или купюры, то им придется ожидать суровых наказаний, возможно, даже тюрьмы.

В тюрьму Хелена, разумеется, не собиралась, поэтому послушно понесла свои сокровища в банк. Там всё еще раз пересчитали, затем она получила карточку из лакированного картона, на которой были напечатаны ее паспортная фотография и имя: «ФРОЙЛЯЙН ХЕЛЕНА БОДЕНКАМП». «Родилась 2 февраля 1921 года» было написано ниже, и, наконец, еще ниже – очень длинный номер: ее собственный, абсолютно личный счет! Теперь она внезапно почувствовала себя почти взрослой. А свои карманные деньги она теперь будет получать переводом, точно так же, как выплачивают зарплаты!

Между тем во всех магазинах установили оборудование для оплаты этой картой; там также можно было в любое время проверить баланс своего счета. Первого июля Хелена сразу же отправилась в булочную и купила себе улитку из теста, чтобы увидеть, как это работает. Выпечка стоила пять пфеннигов, и действительно, Хелене нужно было только вставить карту в щель считывающего устройства, ввести секретный пароль и нажать «Подтвердить», и вот она уже заплатила! Это действительно было очень удобно. Другие люди тоже так

считали, только у одной старой сторбленной старушки возникли трудности: снова и снова она вводила неверный пароль, пока после третьей попытки карта не была заблокирована, и жене пекаря пришлось позвонить в банк, чтобы ее разблокировали.

– Глупости все это, – бранилась старуха. – А если захочешь сделать подаяние нищему, то как же его сделать? Разве у него есть с собой такой же аппарат?

– В новой Германии, – наставлял ее мужчина из выстроившейся за ней очереди, – больше нет нищих.

А одна женщина, услышала Хелена, шепнула своей спутнице:

– Словно она *когда-нибудь* подавала нищему!

Родители Хелены приобрели себе по одному из тех портативных телефонов, которые становились все дешевле и дешевле; поговаривали, что в ближайшее время на рынке появится доступный каждому телефон, так называемый «Фолькстелефон». С помощью такого телефона можно будет и расплачиваться, причем даже проще, чем картой, и отец в какой-то момент согласился:

– Это действительно довольно удобно. Теперь я удивляюсь, как я вообще раньше обходился без этих вещей.

На самом деле у отца теперь было больше дел, чем раньше, потому что, согласно новому закону, врачам-евреям разрешалось лечить только евреев, а поскольку в Веймаре было довольно много врачей-евреев, то остальным врачам при-

ходилось выполнять больше работы. Кроме того, по той же причине отца продвинули по службе в клинику: его начальник, доктор Ландау, был евреем, и потому его уволили из клиники, как и доктора Фройденбергера, главного врача.

Однажды Вероника без всякой видимой причины повернулась к Хелене и сказала:

– Между прочим, ты не выйдешь замуж.

– Что? – сказала Хелена, смущенная не только этим утверждением, но главным образом тем, что соседка по парте вообще с ней заговорила. – Почему нет?

– Потому что ты недостаточно красива.

С этими словами Хелене словно воткнули нож в спину, но она не подала виду и возразила:

– Это не единственное, что имеет значение.

– Наоборот, – коротко возразила Вероника. – Мой отец говорит, что скоро начнется война. Другого пути нет, нам нужно жизненное пространство. Но на войне многие мужчины погибнут, и потом женщин будет больше, чем мужчин. Так что у мужчин будет выбор. А когда у мужчин есть выбор, они выбирают красивых женщин.

* * *

Потом это случилось с дядей Зигмундом.

Был сияющий прекрасный летний день в начале августа. В окрестностях стоял раскаленный воздух, небо сияло без-

упречной синевой, и Хелена решила отправиться после обеда в открытый бассейн. Она не бывала там с тех пор, как перед кассами повесили вывеску с надписью: «Евреям вход запрещен», от вида которой ее охватывал ужас. Но такие вывески теперь можно было увидеть все чаще: в кино, на скамейках в парке, перед магазинами; видимо, ей придется к этому привыкнуть.

Они как раз обедали – отварной говяжьей грудинкой в подливке с хреном, отварным картофелем и красной свеклой, – когда зазвонил мамин телефон.

Отец, пришедший из клиники исключительно потому, что было слишком жарко для проведения операции, недовольно поднял глаза.

– Кто же звонит в такое время?

– Пускай звонит, – сказал Армин. – Если что-то важное, позвонят снова.

Он выглядел равнодушным, но Хелена знала, что он ничего так сильно не хотел, как собственный телефон.

Мама все-таки встала и вышла в коридор, где ее телефон был подсоединен к зарядному устройству.

– Зигмунд? Что?.. – услышали они ее возглас, затем настала пауза. Все еще держа телефон у уха, мама появилась в дверях столовой и сказала: – Но это же невозможно!

Теперь уже никто не ел. Хелена, Армин и отец сидели со столовыми приборами в руках и смотрели, как лицо матери все больше мрачнеет.

– Что случилось? – наконец резко спросил отец.

Мама отняла от уха телефон и сказала:

– На Зигмунда завели дело о разжигании ненависти.

– Разжигание ненависти? – повторил отец. – Что еще за разжигание ненависти?

– Какие-то критические высказывания о фюрере, которые он когда-то писал на Немецком форуме. Но много лет тому назад, говорит он. – Мама покачала головой. – Я этого не понимаю.

Отец опустил нож с вилкой и вздохнул.

– Что тут непонятного? Все, что когда-либо было написано на форуме, находится все еще там. Это где-то сохраняется. И теперь они роют ему яму.

– А что об этом говорит твой адвокат? – крикнула мама в трубку. Всякий раз, когда она была взволнованна, она говорила по телефону громче, словно хотела помочь технике преодолеть расстояние. Она внимательно слушала. – Вот как. Понимаю. Да, конечно, приезжай, когда захочешь. В пять часов нормально. Я не знаю, вернется ли к тому времени Йоханн, но я в любом случае...

– Я тоже, – крикнул отец. – Сегодня после обеда я могу закончить пораньше.

– Значит, Йоханн тоже будет. Да. До встречи. – Она прервала соединение и сказала: – Его прежний адвокат был евреем, и у него больше нет лицензии.

– Доктор Вагнер? – удивился отец. – Это же не еврейская

фамилия.

— Его мать еврейка, говорит Зигмунд. Этого уже достаточно. Он полуеврей. — Мама отложила телефон в сторону. — В любом случае, Зигмунд придет в пять.

Отец сморщил лоб.

— Полуеврей? Я не знаю. Разве это не преувеличение?

— Может, ты попросишь доктора Крегера взяться за дело Зигмунда?

Доктор Крегер был адвокатом семьи, знала Хелена.

— Да, посмотрим. Я позвоню ему позже. — Отец снова взял в руки нож с вилкой. — Теперь давайте поедим. Я должен вернуться в клинику к двум часам.

Все это звучало довольно тревожно. Хелена все равно отправилась купаться, потому что иначе жару было не вынести. Она попыталась оказаться дома в пять часов, но была очень измотана, и ей пришлось ехать на велосипеде в гору, поэтому дорога заняла намного больше времени и она приехала, только когда дядя Зигмунд уже собирался попрощаться.

— ...чтобы кто-то позаботился о моем доме, — говорил он маме в тот момент, когда Хелена слезала с велосипеда. — В худшем случае. Как обычно, когда я нахожусь в поездках. Просто на сей раз это такая поездка, которую я предпочел бы не совершать.

Мама встревоженно окинула взглядом старшего брата.

— Ой, наверняка ты чересчур сильно переживаешь. Все хорошо разрешится.

– Будем на это надеяться, – подавленно сказал дядя Зигмунд. – Когда я думаю о том, что этот закон был принят канцлером СДПГ для борьбы именно с такими экстремистами, которые теперь...

Он остановился, когда заметил Хелену, тяжело вздохнул и снова сказал: «Будем на это надеяться». Потом он ласково потрепал Хелену по щеке, с рассеянной улыбкой сел в свою машину и уехал.

Разрешилось все нехорошо. Зигмунд Греф был приговорен судом за многократное разжигание ненависти и антигосударственные взгляды к пребыванию в исправительном лагере, и долгое время Хелена его не видела.

Коричневорубашечники становились все многочисленнее, и все чаще Ойген вступал в диалог с кем-то из них. Они рассказывали ему о национал-социализме, своем фюрере Адольфе Гитлере и о том, что хотят вернуть Германии былое величие, снова сделать ее такой, какой она была до Мировой войны, а именно – мировой державой.

Величие Германии Ойгену Леттке было в высшей степени безразлично, и против евреев он тоже ничего не имел. Конечно, некоторые из них были безумно богаты, но ведь были и люди безумно богатые и *не* евреи. Антисемитизм, которого придерживались коричневорубашечники, казался ему завистью малообеспеченных, ведь, по его наблюдениям, евреи были попросту в среднем смышленнее других, что, по его мнению, являлось истинной причиной, почему их не любили так же, как ботаников в школе. Идея мирового еврейского заговора казалась ему смехотворной: если он существует, почему же тогда большинству евреев живется так плохо? Вероятно, говорил он себе, партия использовала широко распространенный антисемитизм только для того, чтобы таким образом набрать голоса. Все остальное, что они делали – эти факельные шествия, маршевые песни и то, как разговаривал их фюрер, – было в конечном счете не менее примитивно.

Тем не менее коричневорубашечники как-то очаровали

его, потому что это движение в своей совокупности излучало нечто подобное тому, что он ощутил, когда заставлял девушку покориться его воле. Мысль, что самым важным является воля, нравилась ему. Единственным законом, которому можно было подчиниться, был закон природы, а она – жестокая богиня, ибо она считает, что право на жизнь имеет сильный, а не слабый. Сила была его собственным аргументом и собственным оправданием, ибо силен тот, кто смог взять, что пожелал, и сумел навязать миру свою волю: это происходило от великой жестокости и в то же время было так просто, что, в сущности, даже не нуждалось в обсуждении. Обсуждения были лишь отвлекающими маневрами слабых, которые не хотели, чтобы сильные узнали правду, а именно то, что природе было угодно, чтобы сильный выжил, а слабый умер, – другими словами, чтобы мир принадлежал сильным.

Так в феврале 1930 года Ойген Леттке вопреки всем предостережениям вступил в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию.

Он не был особо покладистым членом партии. Он не любил привычных товарищеских пьянок, равно как и петь на них в состоянии полного опьянения дурацкие боевые песни. Он носил такую же коричневую рубашку, как и остальные, такой же ремень, брюки чуть ниже колен и такую же красную боевую повязку со свастикой, но все равно он излучал нечто такое, что не позволяло большинству товарищей даже ожидать, что он станет участвовать в чем-то, к чему он не

испытывал ни малейшего желания.

Маршировать вместе – в этом, вероятно, что-то было. Видеть, как прохожие втягивают головы в плечи или вздрагивают, потому что чувствуют силу, о которой им сообщал строевой шаг. Идти ночью с факелом в руке и ощущать архаичный страх, который они вызывают.

Но, в конечном счете, это тоже не было истинной причиной его поступка, он делал то же, что и всегда: снова шел своим путем.

* * *

Затем произошел захват власти. Теперь пришло время навести порядок, другими словами, изгнать всех коммунистов и социалистов, которые все еще стояли на пути его партии. В этом отношении у них в большей или меньшей степени была свобода действий. Инициатива была востребована и особенно приветствовалась.

Тогда Ойген Леттке однажды решил: «У меня есть план». Он сказал это четверем товарищам, которые, как он знал, считали его тем, у кого может быть план.

– Это пустая трата времени – просто избивать парней, – продолжал Леттке. – После такого они снова встают и продолжают действовать дальше.

– Что это значит? – спросил один из них, Людвиг, парень с бычьей шеей и кривым лицом. – Неужели мы должны их

сразу убивать?

– У меня есть идея получше, – заявил Леттке. – Идемте со мной.

Они отправились в путь. Уже начало темнеть, и к тому времени, когда они достигли своей цели – запущенного переулка на востоке Берлина, была уже ночь. Они заняли позицию напротив пивнушки, известной как место сбора красных. Сегодня там проходила лекция о какой-то чепухе, которую Фридрих Энгельс когда-то сказанул об угнетенных массах и об их освобождении.

Они надели куртки поверх коричневых рубашек и хорошо укрылись, поскольку последнее, что им было нужно, так это быть узнанными, а затем преследуемыми ордой коммунистических головорезов.

Наконец лекция закончилась, и собравшиеся вышли, все достаточно молодые люди, они громко переговаривались и наполняли ночной переулок своим воодушевлением, похлопывали друг друга по плечам, иной раз целовали друг друга в щеки, потом поднимали сжатые кулаки в знак коммунистического приветствия и расходились в разных направлениях.

– Этот, – прошептал Леттке, указывая на тощего парня с всклокоченными курчавыми волосами. На нем было поношенное пальто, воротник поднят от холода.

Они тихо и незаметно следовали за ним до самого дома. Он жил в большом, старом, ветхом многоквартирном жилом доме, и, когда он отпер входную дверь, вошел и хотел запе-

реть ее за собой, они нанесли удар. Просунули ногу в дверь и уже через мгновение взяли верх над ним.

– Где ты живешь? – прикрикнул Людвиг на парня.

– Кто вы? – завизжал тот. – Что вы хоти... о. – Он, должно быть, заметил свастику на воротнике рубашки Людвига. – Вы от меня ничего не узнаете.

Леттке мигом отнял у него связку ключей.

– Мы просто переберем все двери, – произнес он, затем обратился к своим товарищам: – Начнем с самого верха. Это безопаснее всего.

Никто не высказал возражений, хотя можно было высказать одно: почему он так уверен, что нужно начать сверху? На самом деле Леттке сказал так, поскольку точно знал, что парень живет наверху слева. К слову, его звали Юстус Геррман, он работал кладовщиком на трикотажной фабрике, был членом Коммунистической партии Германии и крайне активен на Немецком форуме. Только из его сообщений на политические темы можно составить толстую книгу.

Леттке попробовал открыть дверь наверху справа, к которой ключи не подошли, затем слева, и с удивлением отметил:

– Ну, кто-то сомневался? Это не заняло много времени.

За дверью находилась каморка: своего рода жилая рабочая кухня с древней мебелью, замызганной посудой и помятыми кастрюлями – всё под наклонной крышей, полной водяных пятен. Но... в углу стоял компьютер, укомплектованный принтером, одно из самых современных существую-

щих устройств, который стоил никак не меньше восьми тысяч рейхсмарок. На стене висели эскизы листовок, на которых крупно и жирно красовались типичные лозунги: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «Долой Гитлера и его коричневое отребье!». А рядом стоял стеллаж, битком набитый книгами Маркса, Энгельса, Ленина и других.

– Превосходно, – сказал Леттке. – Это же настоящая машина для разжигания межнациональной розни.

Сначала они опрокинули стеллаж и разорвали книги в клочья, собрали их в кучу, чтобы на нее помочиться. Затем они начали громить компьютер, что уже требовало настоящих усилий. А двоим из них приходилось удерживать парня.

Они только-только раскололи толстый деревянный корпус, и перед ними оказались внутренности машины, когда раздвинулся занавес в проходе, на который они вообще не обратили внимания. Вошла девушка, заспанная, с распухшим лицом, и спросила:

– Что тут происходит? Юстус? Что?..

Но тут она, вероятно, поняла, что здесь проходит не разбор лекции, и испуганно плотнее закуталась в заношенный зеленый халат, в который была одета.

Приятели были напуганы ее появлением по меньшей мере так же, как и она сама, и на мгновение все застыли. Тогда Леттке сказал:

– Людвиг, держи ее!

Людвиг повиновался, отступил от компьютера и схватил

ее за руку.

Леттке был единственным, кто не испугался, наоборот. Он знал, что Юстус Геррман живет с подругой, а также то, что у нее всегда утренние смены в большой мясной лавке, и ей приходится упаковывать свежее мясо. Он рассчитывал застать ее здесь спящей. На что он не рассчитывал, так это на то, что его глупым товарищам даже не придет в голову посмотреть, что находится за занавеской: спальня.

Что ж, тем лучше. Его восхищало то, насколько хорошо сработал его план.

– Взгляни на него еще разок, на своего симпатичного дружка, – язвительно сказал Леттке. – Когда мы закончим с компьютером, мы и с ним разберемся, после чего он наверняка уже не будет таким симпатичным.

Приятели грязно рассмеялись.

– Нет! – вскрикнула она. У нее были длинные каштановые волосы и темные глаза с длинными ресницами. – Пожалуйста, не надо.

– Твой Юстус отравляет немецкий народ своими коммунистическими лозунгами. Назови мне вескую причину, почему мы не должны его наказывать.

– Пожалуйста, – умоляла она. – Я сделаю все, что вы хотите, но пощадите его...

Леттке подошел к ней, жестом попросил Людвигу отпустить ее, сам схватил ее за руку и спросил:

– Так? Значит, ты всё сделаешь?

Ее глаза расширились от ужаса, когда до нее дошло, что может заключать в себе это «всё».

– Юстус... не совсем здоров, – прошептала она, пока ее взгляд испытующе изучал лицо Леттке. – А я... я люблю его. Я не хочу, чтобы с ним что-нибудь случилось. Я боюсь, вдруг он умрет.

– Жеральдина! – закричал Юстус. – Нет!..

– Должно быть, это настоящая любовь, – произнес Леттке и усмехнулся, потому что надеялся именно на такой поворот. – Ну ладно. По рукам. – Своим товарищам он приказал: – Держите парня крепче!

Затем свободной рукой он смел все с кухонного стола – посуду, столовые приборы – все, что там было, полетело на пол. Вслед за этим он схватил девушку, поднял ее на стол, распахнул халат, раздвинул ее бедра и придвинулся к ним.

В тот момент, когда он расстегнул свои штаны, она его узнала:

– Ойген?

Она была той девочкой, которая хотела посмотреть, как он мастурбирует перед ними, чтобы вернуть обратно свою одежду. Тогда, когда он был еще слишком молод, чтобы вообще понять, о чем идет речь.

– Вот мы и встретились снова, – ответил Леттке и взял ее.

Юстус взвыл как загнанный бык, зарычал, извивался так, что четверым приятелям пришлось приложить усилия, чтобы удержать его. Они сунули ему в рот кухонное полотенце,

настолько плотно, что у него чуть глаза на лоб не полезли, пока Леттке занимался его подругой. Он взял ее резко, заставил кричать, и ему было все равно, кричала она от боли или от удовольствия. В любом случае это звучало одинаково.

Когда с ней было покончено, он выпустил ее, оставил лежать на кухонном столе, ревуший, дрожащий комок, застегнул брюки и спросил:

– Итак, кто следующий?

Но никто из них не осмеливался, только смущенно смотрели на него.

– Ну, значит никто, – небрежно бросил Леттке. – Тогда уходим.

– Но...

– Никаких «но». Мы пообещали даме, что пощадим ее любовника, если она сделает все, что мы хотим. И немец держит свое слово, не так ли? – Он кивнул в сторону коммуниста с кухонным полотенцем во рту, который неподвижно глядел перед собой. – Отпустите его. А потом уходим.

* * *

Когда они вышли из многоквартирного дома, Ойгену Леттке показалось, что мир преобразился, словно за всеми этими камнями и сталью, асфальтом и пустым черным ночным небом стала видна вторая реальность, лихорадочная, пульсирующая, пьянящая действительность, истинная при-

рода бытия. Он шел пружинящим шагом, неся, почти парил, а остальные изо всех сил пытались не отставать от него.

– Ах ты, сукин сын, – выдохнул Людвиг с восхищением. – Что ты сделал с этой... как ты ее удовлетворил!..

– Ты тоже мог бы, – отозвался Ойген и засмеялся, звук его смеха взлетел к жаркому черному небу над ними и прикончил звезду.

Людвиг что-то пробормотал о том, что кто-то должен был это сделать, но не каждый так устроен и так далее. Слова как пузыри, как пена, скапливающиеся в грязном желобе.

– Ты знаешь, что случилось? – спросил Ойген.

– Нет. И что же?

– Теперь я совершенно испорчен для брака.

С момента исчезновения Рут Хелена чувствовала себя одинокой, и иногда она предпочитала проводить школьные перемены в туалете, а не во дворе, чтобы избежать себя от необходимости торчать там в одиночестве. Но теперь этому настал конец, потому что она вступила в *Союз немецких девушек* (СНД), под давлением родителей, которые считали, что там она завяжет знакомства и все в таком духе. Не говоря уже о том, что рано или поздно это все равно станет обязательным для всех подростков; этого хотел фюрер.

В поисках униформы, которую нужно было надевать на все мероприятия СНД, она обегала весь город, потому что для ее матери все было недостаточно хорошо. Рекомендованной белой блузке следовало не только хорошо выглядеть и быть выполненной из хорошей ткани, но и иметь пуговицы на талии, к которым можно было пристегнуть также предписанную темно-синюю юбку, чтобы та не сползала, например, во время маршировки. Потому что маршировать она будет много, предполагала мама, маршировать и петь веселые песни. И то и другое пойдет ей на пользу – никаких сомнений.

Худо-бедно один только черный треугольный шарф, который следовало носить на шее, нашли быстро; была только одна модель с кожаным узлом в комплекте, через который протягивались передние концы. Для всего остального тоже

были предписания, целый информационный листок: никаких туфель на высоком каблуке, никаких шелковых чулок, из украшений допускались только кольца и наручные часы, но никаких ожерелий, сережек, никаких брошей и так далее. Как бы то ни было, гольфы и туфли можно было выбирать самостоятельно. Но Хелена выбрала белые гольфы, которые носило большинство, просто потому, что они выглядели лучше всего.

Они на самом деле много маршировали. Нога в ногу по городу, следуя за древком с флагом, нести который было особой честью. Эту честь Хелена еще не заслужила, маршировали с рюкзаком на природе, что больше напоминало поход, который часто заканчивался костром и совместным приготовлением пищи. Умение готовить было крайне важно; немецкой женщине полагалось быть способной создать для своего мужа уют в доме, придающий ему сил быть героем для своего отечества. Примерно так написали в журнале «Немецкая девушка», Хелена теперь регулярно его получала.

И пели они тоже действительно много. Хелене пришлось выучить много песен, таких, как «Мы маршируем по германской земле», «Верная любовь до гроба» или «Дикие гуси шумят ночью». Была целая книжка, полная песен, которую из-за переплета можно было перепутать со сборником церковных песнопений. Они занимались ритмической гимнастикой на открытом воздухе под руководством неуклю-

жей учительницы по фамилии Леммле, которая постоянно кричала: «Гармония! Грация! Покой в ваших телах!» Зимой устраивались вечера поделок и рукоделия, к неудовольствию Хелены, она быстро теряла терпение ко всему, где требовались умелые пальцы. «И это дочь хирурга?» – не раз слышала она.

Настолько идиллически, как это звучало вначале, в любом случае не было. Да, теперь она много времени проводила с другими девушками, и да, бывала на свежем воздухе чаще, чем раньше, но многие групповые встречи все же были бесполезной тратой времени, особенно когда на улице шел дождь. Тогда все сидели в каком-нибудь пустом помещении, бесконечно занимались сбором членских взносов или заполнением каких-либо списков, а затем читали вслух одну из книг фюрера, и при обсуждении, следовавшем за чтением, никто не знал, что сказать. Но посещение собраний было обязательным; отсутствующие должны были приносить письменные извинения, и слишком часто болеть тоже было нельзя, потому что фюреру нужны здоровые, энергичные, грациозные женщины!

Да, теперь она много времени проводила с другими – так много, что Хелена уже давно затосковала по часам одиночества!

Ее тело начало меняться. «Теперь ты становишься женщиной», – сказала ее мать, а отец с медицинской точностью объяснил ей, что происходит в ее теле и для чего все это нуж-

но.

– Твое тело, – подытожил он, – готовится к тому, чтобы ты стала матерью.

Матерью? Она? Хелена теперь часто критически рассматривала себя в зеркале после душа. Хотя она и пыталась судить беспристрастно, но все же каждый раз приходила к выводу, что ее глупая соседка по парте Вероника была права: она не была красивой, и она никогда ею не станет. Она была серой мышкой со скучным, невыразительным лицом, тонкими волосами и худощавым, удивительно неженственным телом.

Подтверждения этому она находила и в школе. У большинства других девушек уже были какие-то ухажеры, поджидавшие их у школьных ворот, или же они могли похвастаться, как дорожные рабочие или торговцы на рынках свистели им вслед. Ей, Хелене, никто не свистел вслед, и она была уверена, что это никогда не произойдет.

И вот, на ее четырнадцатый день рождения – сюрприз: у нее появился свой собственный телефон! Всего лишь обычный «Фолькстелефон», «Фотель», как его называли, у Армина уже давно был такой, но этот – ее собственный! Как он поблескивал, когда она бережно развернула его из папиросной бумаги! Передняя панель и кнопки были из алюминия, и, насколько она знала по телефону брата, они скоро поцарапаются, но сейчас все еще безупречно блестели. Задняя панель была выполнена из белого бакелита из-за встро-

енной внутри антенны, как ей объяснил Армин; посередине изображена свастика. Она провела счастливые часы над руководством по эксплуатации, пытаясь разобраться, что означают все эти кнопки и эти символы на маленьком черно-белом экране, как писать текст, использовать календарь, устанавливать будильники и так далее. Теперь она могла в любое время запросить баланс своего счета! И, конечно же, расплачиваться своим «Фотелем».

Сделать это она попробовала на следующий же день. Отправилась в лавку колониальных товаров у автобусной остановки, над входом в которую гигантская вывеска предупреждала: *«Входят немцы в магазин – говорить: „Хайль Гитлер“ им»*, купила плитку шоколада «Милка», и действительно, когда она гордо протянула свой «Фотель» к кассовому аппарату и подтвердила указанную сумму, все уже было оплачено.

Вскоре после этого с почты ей принесли письмо, адресованное *фройляйн Хелене Боденкамп, Веймар, Свен-Хедин-штрассе, 19*, с ее персональным гражданским номером и запечатанным паролем для доступа к Немецкому форуму. Пароль представлял собой бессмысленную последовательность букв и цифр, начинавшуюся с 3F2D-45C0 и так далее, которую вы *никогда* не сможете запомнить! Но когда она впервые кропотливо набрала их, ей так или иначе надлежало изменить пароль на любой по своему усмотрению. Она попробовала ввести *«однажды-большая-любовь»*, и тут же по-

явилось сообщение: «Пароль принят». В некотором смысле ей это понравилось.

Впрочем, пароль ей в любом случае понадобился бы только в том случае, если бы она однажды вышла в глобальную сеть с компьютера; со своего телефона она в любой момент имела доступ к Немецкому форуму. Там, насколько она знала, у ее школы свой собственный раздел, и у ее класса тоже, а также у СНД и его местного подразделения, и таким образом можно поддерживать со всеми связь и всегда узнавать, что происходит.

Не то же самое, что иметь лучшую подругу, но все же лучше, чем быть совсем одной.

Тем не менее она уже не чувствовала себя так неуютно в СНД, не считая невыносимо частых проявлений преданности фюреру, которую полагалось выражать при каждом удобном случае. Теперь они часто посещали театральные постановки или театр марионеток, разучивали старинные народные танцы, играли на флейтах и многом другом, а летом они ходили в походы под полной луной и ночевали в стогах сена. И вместе они пошли на показ фильма «Золото» с Хансом Альберсом в главной роли, когда кинотеатр устроил специальный показ только для СНД. Вот это было событие! У Хелены мурашки пробежали по спине, когда профессору Ахенбаху и его коллеге, сыгранному Хансом Альберсом инженеру Хольку, удалось с помощью расщепления атома превратить свинец в золото. Как все грохотало и сверкало! Но, конеч-

но, сразу же появились негодяи, которые присвоили себе это сенсационное изобретение, чтобы использовать его в своих гнусных целях. И все же белокурому инженеру после многих весьма драматических событий удалось положить конец их проискам, и, мало того, он даже сопротивлялся соблазнам очаровательной Флоренс и преданно вернулся в объятия своей невесты Маргит, которая была не так красива и не так элегантна, но имела доброе сердце и искренне любила его. Хелена была счастлива, когда вышла из кинотеатра.

В это время ее родители отправились в путешествие на Мадейру от объединения «Сила через радость», на корабле «Немец», а позже отец превозносил национальное единство, царившее на борту.

– Такой круизный лайнер – в самом деле почти плавучий город, – говорил он. – Город, объединивший людей из всех регионов и всех слоев, Бавария рядом с Вестфалией, берлинцы рядом с вюртембергцами, рабочие рядом с академиками – но на борту все были просто немцами!

По телевизору даже появился репортаж об этой поездке. Показывали, как корабль вспенивает и рассекает волны, людей, играющих на борту или сходящих на берег, раз за разом множество флагов со свастикой, и дважды Хелена разглядела лица своих родителей на заднем плане, смеющиеся и необычайно расслабленные.

– То, что другие обещали и не выполнили, национал-социализм осуществил, – пояснил на камеру д-р Лей, рейхс-

лейтер Германского трудового фронта, который основал организацию «Сила через радость» по поручению фюрера. – Не так называемые «верхние десять тысяч», а немецкие рабочие сегодня являются представителями нации. Лицо новой Германии – это сияющее, счастливое лицо немецкого рабочего!

После чего отец кашлянул и сказал:

– Вообще-то, между нами говоря, на борту было не так много рабочих. К тому же поездка даже со всеми льготами была слишком дорогой.

На следующий год в Берлине проходили Олимпийские игры, и отцу удалось раздобыть билеты, так что они могли поехать хотя бы на день. Это было восхитительно! Большой город! Множество людей со всего мира прогуливались по широким улицам и разговаривали на всевозможных языках! Огромный стадион, все эти флаги, гордо веющие на ветру! Соревнования... церемонии награждения победителей... громкая музыка и драматично звучащие объявления... – и все это под восхитительным голубым небом, словно сам фюрер заставил погоду представить величайшие Олимпийские игры, которые когда-либо видел мир. Ее брат Армин, конечно, тоже был в восторге, хотя уже с некоторых пор он хотел стать не спортсменом, а солдатом.

– Это было удивительное событие, – сказала мама по дороге домой. – Этими играми фюрер показал, какова Германия на самом деле – миролюбивая и открытая миру.

Все они согласились с ней, но Хелена вдруг вспомнила,

что ее дядя Зигмунд все еще находится в Дахау. Время от времени мама получала от него электронные письма, но те становились все короче, все бессодержательнее и приходили все реже. Ей было стыдно себе в этом признаться, но, в сущности, она о нем почти забыла. За все время, что они провели в Берлине, она ни разу не подумала о нем.

Для Ойгена Леттке тоже, наконец, началась военная подготовка. Он маршировал на многокилометровые расстояния с тяжелым снаряжением по гнетущей жаре, и это ему не нравилось. Он часами стоял по стойке смирно, и это ему не нравилось. Он ползал по-пластунски по грязи и слякоти, и это ему не нравилось. Он вскакивал с постели посреди ночи по сигналу тревоги, и это ему не нравилось.

Война, сделал он вывод, была не для него.

И тем не менее: он научился водить танк и он научился стрелять. В целом последнее казалось ему даже полезным. Только что делать с этой способностью, не вступая в конфликт с законом и чтобы впоследствии не попасть в тюрьму? Ничего. Умение стрелять было полезно только в том случае, если человек шел на войну и убивал от имени государства, а война была не для него.

В отличие от остальных, которые спасались на экзаменах при помощи полученных от предшественников шпаргалок, Ойген Леттке действительно прочитал «Мою борьбу» Гитлера от первой до последней страницы. Учитывая ужасную тоску и скуку, исходящую от этого текста, он считал это значительным достижением, едва ли менее изнурительным, чем тридцатикилометровый марш-бросок с последующим ночным дежурством, но гораздо более выгодным.

После этого он знал, что хоть война и не для него, но она все равно наступит. Все те, кто верил, что Гитлер стремится к миру, просто-напросто не читали его книгу.

Его последующие усилия были сосредоточены на чтении различных военных предписаний, коих было немало. После всего того, что ему удалось для себя уяснить, его положение стало очевидным: как сын героя Мировой войны и как единственный сын его вдовы, которая к тому же нуждалась в помощи или, по крайней мере, легко могла выдать себя за нуждающуюся в помощи, он имел право на бронь, означающую освобождение от военной службы. Другими словами, если наступит война, она будет проходить без него.

Однако вопрос заключался в том, насколько надежной была эта бронь. В первые же месяцы существования новой Германии он усвоил, что новым правителям не составляло труда изменять, аннулировать или просто-напросто нарушать правила, которые раньше считались священными и неприкасаемыми, чтобы впоследствии их можно было привести в соответствие со своими собственными действиями. Тому, кто собирался вести войну против остального мира, в какой-то момент понадобится каждый солдат, которого можно достать, и в случае сомнения черт с ними, с правилами, свидетельствами и законными правами.

Другими словами, его бронь не защитит его навсегда.

Поэтому он начал искать альтернативы. Он должен, сказал он себе, найти способ стать в военном отношении зна-

чимым для Рейха в месте, отличном от окопов или танка, а значит, стать более значимым, чем обычный солдат.

И деятельность в таком месте в идеале должна вестись за удобным письменным столом.

Когда в рамках этого поиска он наткнулся на спецслужбы, то сразу понял, что нашел решение, по крайней мере теоретически. Во-первых, деятельность, связанная со шпионажем за другими людьми, была в целом ему по вкусу, и даже очень. Во-вторых, учитывая его личную историю, он, вероятно, мог бы привнести в нее определенный природный талант.

И, в-третьих, подобная деятельность могла предоставить ему возможность успешно завершить его доселе безуспешные поиски последних двух девушек.

Существовали две секретные службы: тайная государственная полиция, гестапо, и СД, Служба безопасности рейхсфюрера СС. У обеих организаций был один и тот же недостаток: они подчинялись Рейнхарду Гейдриху, и нужно было быть членом СС, чтобы иметь возможность кем-то там стать.

Пока он соображал, стоит ли того это членство или грозило попасть из огня да в полымя, он каким-то образом наткнулся на секретную службу старой республики и на тот удивительный факт, что она все еще существовала. Управление национальной безопасности по-прежнему оставалось гражданской организацией и, казалось, мастерски держалось в стороне от дел: идеально. Даже если Гейдрих приберет

НСА к рукам, то он, Ойген Леттке, если ему к тому моменту удастся занять более или менее важную должность, сможет сохранить ее или получит равноценную.

Так он в свою очередь начал разузнавать о шпионах НСА. Когда вскоре появилось объявление о приеме на работу, требовался человек с хорошим знанием английского языка, а он этому требованию соответствовал, то Ойген ни минуты не колебался. Он подал заявление, получил работу и сразу же переехал в Веймар. Мать, которой совсем не понравился такой поворот событий, он забрал с собой.

Требования в школе становились прямо на глазах все более строгими, потому что по воле фюрера отныне получать высшее образование должны были уже не все женщины. Только лучшим девушкам надлежало сдавать экзамен на аттестат зрелости, остальные были обязаны следовать своему природному предназначению женщины и воспитывать здоровых немецких детей.

Это означало стараться изо всех сил, если не видишь шансов на замужество.

Это также означало внимательно следить, что говоришь. Однажды совершенно внезапно в классной комнате появились люди из государственной полиции и забрали с урока одну ученицу, Ирмгард Ребайн, которая вообще не знала, что случилось. На следующий день классная руководительница сказала им, что Ирмгард шутила над фюрером на Немецком форуме и потому была исключена из школы. Больше они никогда ее не видели.

И, наконец, это также означало то, что закрывалось все больше и больше школ для девочек. Когда Хелена перешла в шестой класс гимназии, в Луизеншуле пришли ученицы сформированной католической женской гимназии. В результате у Хелены появилась новая соседка по парте, коренастая девочка с постоянно немного растрепанными темно-русыми

кудрями. Ее звали Мари Шольц, она была дочерью фермера, у которого было свое подворье за пределами Веймара. Они с Хеленой сразу подружились.

Мари приходилось каждое утро очень рано вставать и садиться на автобус до Веймара, без конца объезжающий все деревни, но она не имела ничего против, потому что считала, что ей как крестьянке нужно привыкать к ранним подъемам. К тому же в автобусе всегда были свободные места и возможность вздремнуть. К удивлению Хелены, Мари *не* состояла в Союзе немецких девушек – она была католичкой, а католические девушки, считала она, не могут петь песни, обязательные в СНД.

На самом деле она была *слишком* католичкой: она носила цепочку с бросающимся в глаза крестиком, молилась перед едой и каждое воскресенье ходила в церковь.

А по утрам, спустя некоторое время заметила Хелена, Мари говорила что-то иное, чем «Хайль Гитлер», когда учитель или учительница входили в класс.

– Я просто говорю «дай литр», – тихо призналась Мари.

– А почему? – удивилась Хелена.

– Потому что «хайль» можно произносить только в молитвах, – серьезно ответила Мари, – а именно в отношении Спасителя.

Она казалась Хелене чересчур набожной, но сама фраза ей понравилась, и с тех пор она тоже говорила каждое утро «Дай литр!» и тихонечко ухмылялась. Если произнести до-

статочно невнятно, то никто не заметит разницы.

Отец был в восторге от Мари, когда Хелена впервые привела ее домой.

– Настоящая немецкая девушка, – сказал он позднее с блеском в глазах. – Действительно чувствуется, как тесно она связана с немецкой родной землей.

Мать кивнула в ответ, но Хелена отчетливо заметила, насколько ей не понравилось, что ее дочь общается с обычной сельской девочкой. Почему «такие» вообще ходят в гимназию, спрашивала она позже, она же ведь не собирается продолжать обучение?

Мари действительно не собиралась. У нее было два старших брата, старший из которых как раз изучал сельское хозяйство в техникуме и собирался принять хозяйство на отцовской ферме. Другой учился на слесаря. А еще у нее был младший брат по имени Фриц, настоящий озорник десяти лет от роду, который постоянно замыслил шалости.

– Я просто хочу как можно больше научиться всему, – ответила Мари, когда однажды Хелена спросила ее о дальнейших планах. – А когда мне исполнится 18, мы с Отто поженимся, и тогда я перееду на его ферму и нарожаю детей.

Отто был ее другом, причем другом детства. Вскоре Хелена с ним тоже познакомилась. Отто Ашенбрэннер был высоким, у него были широкие плечи и угловатый подбородок, и выглядел он довольно бесстрашным. Он был на два года старше Мари и бросил рано школу, потому что нужно было

вести хозяйство на ферме отца, который больше не мог после инсульта. Мари и Отто на первый взгляд были своеобразной парой, но через некоторое время становилось очевидно, что они хорошо друг друга понимают, почти без слов. Часто Отто начинал фразу, а Мари ее заканчивала, или наоборот.

В такие моменты Хелена завидовала своей подруге, и очень сильно. По крайней мере, у Мари кто-то был. И было четкое представление, как должна выглядеть ее жизнь.

У Хелены ничего из этого не было. Конечно, она собиралась сдавать экзамен на аттестат зрелости, но что потом? Она не знала. Во всяком случае, не медицина, хоть для ее отца это было бы приятнее всего.

Ну, до экзамена на аттестат зрелости еще оставалось какое-то время. А к тому моменту она наверняка поймет, чего хочет.

А прежде всего надо было вообще сдать экзамен.

* * *

С некоторых пор ввели правило, что все городские девушки из СНД, которые еще учились в школе, должны были хотя бы раз пройти на летних каникулах так называемую сельскую службу. Это означало в течение шести недель оказывать помощь на ферме и познакомиться с сельской жизнью.

– Просто приезжай к нам, – предложила Мари. – Это было бы чудесно! Ты проведешь у нас шесть недель. А много ра-

боты на этот период для тебя все равно не найдется. На самом деле для большинства фермеров сельская служба обременительна, просто они об этом не говорят.

Шесть недель вдали от дома! Идея была одновременно пугающей и заманчивой. И, разумеется, Хелена предпочла бы провести это время у своей подруги, чем на *какой-то* ферме у людей, которых она никогда раньше не видела. Она уже слышала довольно омерзительные истории, и на Немецком форуме тоже ходили байки.

Отец предложил помочь ей с этим, но Хелена хотела сначала попробовать справиться самостоятельно, и вот все оказалось не так сложно. Она позвонила в компетентную инстанцию, и через день у нее в телефоне было согласие на прохождение службы на ферме Шольцев.

Следовало упаковывать вещи, как только начались каникулы. Отец предложил отвезти ее, но Хелена настояла на том, чтобы поехать на автобусе: если уж и быть самостоятельной, то полностью.

– Моя дочь стала взрослой, – прокомментировал отец. – Это значит, что я старею.

В больнице ее отец принадлежал к высшему руководству и работал вместе со знаменитым исследователем рас, доктором Астелем. Это очень интересно, говорил отец, правда, есть еще много открытых вопросов и требуются дальнейшие исследования. Это все не так просто, как представляют себе высокопоставленные политики, но все привыкли к тому, что

политики стараются все излишне упрощать.

Когда Хелена приехала в дом Шольцев, на кухне за столом сидел полный мужчина с эспаньолкой и говорил в тот момент:

– ...ну, говорю, раз ты такой криворукий, чтоб заборы строить, то и овец держать не сможешь. Тогда заведи коров, те от тебя не сбегут. Или коз. Козы умные. Они таки пролезут под забором, но и назад вернуться, куда ж им еще идти?

Все засмеялись. Хелена не знала, над чем; она стояла как вкопанная, уставившись на мужчину, у которого на голове была небольшая шапочка, как у евреев, и вообще он выглядел почти как карикатуры в журнале «Штурмовик», и поняла, что перед ней действительно и в самом деле был настоящий еврей! Непроизвольно ей стало не по себе: разве не были они напастью для немцев? Как родители ее подруги могут сидеть с ним за одним столом? Так ведь не поступают. *«Немцы, сопротивляйтесь! Не покупайте у евреев!»* Сколько раз она видела подобные плакаты?

– Здравствуй, Хелена, – сказал другой мужчина за столом, отец Мари, крепкого, угловатого телосложения, с водянистыми глазами. Он встал, протянул ей руку. – Мари сейчас с коровами; у нас есть одна беременная, и за ней нужно регулярно следить. – Он указал на гостя за столом: – А это герр Штерн, наш прежний скототорговец.

– Авраам Штерн, – произнес полный мужчина и улыбнулся. Вообще-то он не был похож на карикатуры в «Штурмо-

вике». – Мы с Германом знаем друг друга целую вечность. И в горе, и в радости, как говорится.

– Добрый день, – смущенно сказала Хелена.

Герр Штерн не собирался протягивать ей руку, а вытащил из кармана свой телефон и посмотрел на индикатор времени.

– Мне пора, – произнес он. Он сделал последний глоток из стоящей перед ним кофейной чашки и начал поднимать свою могучую фигуру со скамейки.

– Приходите к нам снова, – сказала мама Мари, у нее были почти такие же волосы, как и у дочери. – Если получится.

– Ну, – произнес мужчина, – в том-то и дело. Поглядим.

– Ты, во всяком случае, осведомлен, – сказал герр Шольц.

– Да-да, – резко ответил тот.

Хелена не понимала, о чем шла речь, но у нее было отчетливое ощущение, что она вообще-то и не должна ничего понимать. И разве ее это касалось? В конце концов, Шольцы вольны принимать у себя кого угодно.

Герр Шольц проводил гостя до двери, и, как только они вышли из кухни, со внутреннего двора вошла Мари. Она была пропитана потом, одета в старую грязную одежду и, тяжело дыша, сказала:

– Привет, Хелена! – Затем она сразу обратилась к матери: – Кажется, началось. Думаю, тебе следует немедленно позвонить ветеринару.

Мать наморщила лоб и, вытаскивая телефон из синего передника, произнесла:

– Ну вот, опять. Это животное в конце концов обойдется нам дороже, чем мы от него получаем.

Герр Штерн, как позднее Мари объяснила Хелене, раньше был скототорговцем в окрестностях, и у фермеров он пользовался большей популярностью, чем государственный кооператив Имперского земельного сословия, которому теперь они должны были продавать все, что производили, по твердо установленным ценам – другими словами, за меньшие деньги.

Сельская служба Хелены сразу началась с приключения. Это были тяжелые роды, затянувшиеся до раннего утра, но в конце концов все закончилось благополучно: теленок, милый малютка, уже через час после рождения попробовал совершить первые неловкие шаги.

За эти недели Хелена научилась доить корову, собирать куриные яйца без повреждений, различным работам на огороде и многому другому. Но, в общем и целом, это все равно был больше отдых, чем работа. Они с Мари часто бродили по окрестностям, лежали на лугу, глядели на облака и говорили, говорили, говорили, о своих мечтах, своих желаниях, своих надеждах. Они купались в озере, смеялись над дурацкими шутками, защищались от проделок младшего брата Мари, Фрица.

Это было замечательное время, которое пролетело слишком быстро. У Хелены было тяжело на сердце, когда ей пришлось попрощаться с фермой Шольцев и ехать назад к сво-

им родителям, но ничего не поделаешь, скоро снова возобновлялись занятия в школе.

Как раз в тот день, когда она вернулась домой, вернулся и дядя Зигмунд! Не было ни сообщения, ни телефонного звонка, ни электронного письма – он просто сидел в столовой, когда она пришла, в том же сером костюме с жилетом, который был на нем, когда она видела его в последний раз.

Только вот пуговицы на его жилете больше не были натянуты. Наоборот, ткань прямо-таки болталась вокруг его тощей фигуры. Он был очень бледный, как человек, долгое время не бывавший на солнце и свежем воздухе, а на его лице были глубокие морщины.

Когда его спросили о том, что же произошло, он лишь утомленно ответил:

– Тут нечего рассказывать. Они заперли меня и в какой-то момент снова освободили. Вот и все.

От дальнейших вопросов он уклонился.

– Давай поговорим о чем-нибудь другом, – попросил он.

Но его очень интересовало, что случилось за это время, и они рассказали ему все, что он пропустил за прошедшие годы.

– Большая ты стала, Хелена, – отметил он; это, пожалуй, было неминуемое замечание.

– А тебя, Гертруда, – прощаясь, сказал он, сгорбленный, больной на вид человек, тень самого себя, – благодарю за письма и фотографии, которые ты мне отправляла. Ты и не

подозреваешь, насколько светлыми были эти моменты.

После того как он ушел, весь вечер царила гнетущая атмосфера.

– Они плохо с ним обращались, – раз за разом повторяла мама. – Я не могу поверить, что это соответствует замыслу фюрера. Фюрер желает нам только блага!

В НСА он сразу же получил работу своей мечты.

Первый день его изрядно озадачил. Хотя об Управлении национальной безопасности никому не было известно, оно было достаточно большим. Оно располагалось в огромном здании в духе классицизма, с бесконечными пустыми коридорами, в которых можно было заблудиться ввиду отсутствия указателей: казалось, даже названия отделов и указатели в коридоре надлежало хранить в тайне. Возможно, подумал Ойген Леттке в какой-то момент в этот день, это было даже своего рода показателем качества, если секретной службе удастся быть настолько большой и все равно в некотором роде несуществующей.

Главным начальником управления был худощавый мужчина в инвалидном кресле, чье имя также было засекречено: его называли просто «А.». Он не упустил возможности самостоятельно взглянуть на новичка и проверить его, задав несколько вопросов, смысл которых раскрыть Леттке не удалось. Часть этой почти двадцатиминутной беседы они провели на английском языке, которым А. владел по меньшей мере так же хорошо, как и Леттке. Тем не менее, казалось, он выдержал испытание, потому что в заключение А. пожелал ему успехов на новом рабочем месте и отпустил его.

Когда же Леттке наконец нашел упомянутое новое ра-

бочее место после одиссеи по безымянным коридорам, то неуклюжий старый сотрудник по фамилии Мюллер объяснил ему, что к чему: много лет назад, еще во времена Республики, НСА через фиктивную компанию в Англии распространила программу, которая была доступна на всех основных языках и потому теперь пользовалась огромной популярностью во всем цивилизованном мире. Эта программа называлась коротко и просто «Дневник», работала на всех распространенных типах компьютеров, а также на большинстве портативных телефонов и выполняла единственную незамысловатую задачу: собственно говоря, вести дневник. Необходимо было ввести пароль, прежде чем читать или добавлять в него записи, чтобы обеспечить пользователю ощущение защищенности, а на деле пароль мог помешать прочесть дневник любопытным родителям или другим членам семьи. Но в остальном эта защита была чистым очковтирательством: сами тексты хранились в незашифрованном виде, да к тому же в хранилище данных, которое находилось здесь, в Веймаре, в подвале здания.

Тем временем сей факт был хорошо известен соответствующим специалистам в других странах, и они неоднократно предостерегали пользователей программы, но эти предупреждения до сих пор не оказали заметного эффекта. К тому же программа была чересчур популярна, с ее приятным оформлением, возможностью добавлять забавные символы в текст дневника и так далее. И кроме того, отказаться от програм-

мы означало бы попрощаться со своим дневником, который вел все это время, потому что возможность извлечь тексты из программы намеренно не была предусмотрена.

Задача Ойгена Леттке состояла в поиске в дневниковых записях сыновей, дочерей, жен и любовниц известных и влиятельных английских и американских политиков или военных (соответствующие списки лиц, разумеется, имелись в наличии) информации, которая могла оказаться значимой для Германии в военном, экономическом или политическом отношении.

Самым потрясающим в этой задаче было то, что он имел доступ не только к англоязычным дневникам, но ко *всем* дневникам.

Настолько прекрасно, что в это было почти трудно поверить.

По его спине пробежали настоящие мурашки восхищения, но все же он не забывал о предосторожности. Это могла быть чья-то оплошность. Он сначала подождет и посмотрит, не изменится ли что-то в настройках доступа.

Но ничего не происходило. В последующие дни он не мог дожидаться утра, чтобы прийти на работу, но все оставалось по-прежнему.

Следующий вопрос, требовавший уточнения, заключался в том, могло ли вестись наблюдение за его работой. Следил ли кто-то за тем, что он читает.

Выяснить это можно было лишь прочитав что-то, к чему

он на самом деле не имел отношения, и дожидаться реакции. И он решил сразу так сделать, пока при необходимости он еще мог сослаться на неопытность новичка.

И Ойген Леттке прочитал несколько немецкоязычных дневников. Он читал описания мечтаний, гневные высказывания о начальстве, соседях и супругах, грезы влюбленных девочек-подростков. Последние особенно привели его в изумление: что за бесконечные тексты писали некоторые девушки, и все это с помощью крошечных телефонных кнопок? У девчонок явно было чересчур много времени.

Он читал о сексуальных проблемах. Он читал рассказы о недугах и душевных состояниях, о дефекации, задержке мочи, приступах кашля и боли в колене. И вдруг – он наткнулся на несколько, скажем так, более чем неподобающих высказываний о фюрере и рейхсканцлере всех немцев, Адольфе Гитлере.

И это пришлось весьма кстати. Он составил небольшой отчет и передал его вместе с убедительным замечанием, что ему известно, что это не входит в его должностные обязанности, но он еще только входит в курс дела, и поскольку он натолкнулся на три прилагаемых замечания, то счел своим долгом сообщить о них.

Их было больше трех, но трех было достаточно для его цели. Теперь кто-то *должен* был разъяснить положение вещей.

Разъяснение пришло в форме вызова на беседу с А. Беседа проходила с глазу на глаз, А. объяснил ему, что они изу-

чают убеждения только по прямому указанию государственной полиции. Так как подобных указаний не поступало, значит, время и энергию сотрудников следовало использовать в других, более важных видах деятельности.

С этими словами А. отправил отчет Леттке в уничтожитель бумаг и отправил его обратно за работу.

Ойген Леттке был очень доволен таким исходом. Никто не сказал, что ему запрещено *читать* немецкоязычные дневники, а только это ему и требовалось узнать.

С этого момента он решил, что будет работать сверхурочно. Много-много сверхурочных часов, которые он использует для поисков двух последних девушек из своего списка.

В седьмом классе гимназии у них появилась новая учительница по домоводству, которая, в отличие от предыдущей, больше не закрывала глаза на неуклюжесть Хелены. Ее оценки становились все хуже, и спасения не предвиделось, поскольку требования росли и росли! Если так и дальше пойдет, то из-за домоводства она останется на второй год, а это означало бы, что ей уже не придется тревожиться о своих планах после сдачи экзамена на аттестат зрелости, потому как в таком случае она его уже не сдаст.

Единственной возможностью, которой она могла воспользоваться, оставалось выбрать во втором семестре вместо домоводства другой предмет для девочек, например сестринское дело или программирование.

Ничто из этого Хелену не прельщало.

– Тебе бы подошло сестринское дело, – сказала ей классная руководительница, не хотевшая так легко потерять Хелену, ведь в остальном у той были хорошие оценки. – В конце концов, ты же из семьи медиков.

Это было непросто. Мысль о смене окровавленных повязок и опорожнении подкладных суден была Хелене неприятна, по крайней мере, так же, как и мысль о том, чтобы резать людей.

А программирование?.. Время от времени ей разреша-

лось пользоваться компьютером, который отец в конце концов все-таки приобрел, потому что по-другому теперь было нельзя, и с компьютером она более или менее справлялась. Еще она неплохо печатала.

Но *самой* создавать такие программы, которые она использовала на компьютере? У нее не было ни малейшего представления, как это делается. Что, если она запишется на программирование, а потом с позором потерпит неудачу? В сестринском деле она хотя бы не провалится. Она будет испытывать отвращение, да, но она справится со всем, что потребуется.

Самое главное, от нее не ускользнуло, что программирование хоть и считалось женской работой, но в первую очередь для женщин, которые не могли заполучить мужчину. Ей казалось, что тем самым она окончательно распрощается со всеми надеждами на лучшую судьбу.

Наконец, когда между ней и окончательным решением оставались последние выходные, она отправилась к дяде Зигмунду за советом.

Он был безмерно рад ее визиту и, когда она поведала ему, какой повод привел ее сюда, казалось, был очень польщен.

– Подожди, – сказал он. – Я сварю нам кофе, а потом мы сядем в гостиной и всё обсудим. Или ты предпочитаешь чай? Ты вообще пьешь кофе?

– Да, – с некоторым смущением призналась Хелена. – То есть просто злаковый кофе.

– Ну а другого все равно нет.

Кофе уже много лет было трудно раздобыть из-за каких-то политических конфликтов, и он стал очень дорогим.

Она наблюдала, как дядя суетился на кухне, поставил кипятиться воду, поставил на поднос кофе, чашки и блюда, достал сахар и молоко. Он принялся к молоку и вылил его.

– К сожалению, прокисло. Я его почти не пью.

– Ничего страшного.

Через четверть часа они сидели в гостиной за круглым столом у окна, которое она помнила с детства. Казалось, все стало меньше. Меньше и запыленнее. Дядя Зигмунд разлил им кофе, затем уселся в свое плетеное кресло, сувенир из какого-то путешествия, добавил в кофе два кусочка сахара, сделал первый глоток, поморщился и сказал:

– Так что же тебя беспокоит?

Хелена объяснила ему. И о своем выборе. Что она была слишком неловкой для высшего домоводства. Что она испытывает отвращение к сестринскому делу. И что программирование наводит на нее ужас.

– Так что я просто не знаю, что мне теперь делать!

Дядя Зигмунд улыбнулся.

– Рад, что ты пришла с этим ко мне. Полагаю, ты знаешь, что тебе посоветуют твои родители?

Хелена пригубила кофе. Он был ужасно крепким, крепким и горьким, горьким, как и ее положение дел.

– Папа скажет: «Конечно же сестринское дело, ты же, в

конце концов, моя дочь!» Мама скажет: «Конечно же ты продолжишь изучать домоводство, это самое важное для молодой девушки. Просто прикладывай побольше усилий».

Дядя рассмеялся, вероятно, потому, что она невольно копировала тон своих родителей.

– И потому, что оба ответа тебе не нравятся, ты пришла ко мне. Другими словами, ты хочешь, чтобы я тебе посоветовал древнее искусство набора программ, не правда ли?

– Но я *не умею* ни набирать, ни выбирать! – воскликнула Хелена. – В этом-то и проблема.

– Это же скорее иносказательное выражение. О том, что для программирования не нужны умелые ручки, тебе известно, я полагаю. Достаточно просто попадать по клавишам, ведь ты же добралась до четвертого класса женской гимназии. Сообразительность – *вот* то, что тебе нужно. Но ты хорошо разбираешься в математике, так что не стоит беспокоиться. Кроме того, требуется тщательность, самоотдача и ясный язык... исключительно женские качества, не правда ли? Итак, почему ты думаешь, что у тебя с этим могут возникнуть проблемы?

«Потому что я не чувствую себя достаточно женственной, – хотелось воскликнуть Хелене. – Потому что я недостаточно женственна даже для того, чтобы привлечь внимание прыщавых мальчишек!»

Но она оставила это при себе. Она только пожала плечами и ответила:

– Просто у меня недоброе предчувствие.

– Недоброе предчувствие. Хм, хм. – Ее дядя взял в руки чашку, откинулся назад, посмотрел на нее и задумался. Затем он спросил: – Что тебе известно об истории компьютера?

Хелена снова пожала плечами.

– Ну, обычные вещи. Его изобрел англичанин, лет сто назад или около того. Первые устройства работали на пару.

– А знаешь, как его звали?

Она задумалась, уже собиралась покачать головой, но вспомнила:

– Бэббидж. Сэр Чарльз Бэббидж.

– Точно. Но он создал не тот компьютер, которым мы пользуемся сегодня, – это сделать ему бы не удалось, потому что в то время еще недостаточно хорошо овладели электричеством, – а механическое устройство, которое он называл *аналитической машиной*. Устройство было невероятно сложным, настоящим чудом техники. Машина, которая умела считать! Тогда это было сенсацией. А именно то, что можно было *запрограммировать* такую машину. Управление осуществлялось при помощи перфорированных карт, таких же, как и в случае управления автоматическими ткацкими станками того времени. Сама машина была универсальной, она могла выполнять любые вычисления, могла сохранять полученные результаты и использовать в дальнейших расчетах. Именно перфорированные карты определяли то, что *фактически* делала машина.

Его взгляд устремился в окно, затерялся в отдалении, не имеющем ничего общего с видом города по ту сторону стекол.

— Я однажды видел оригинальную аналитическую машину. Она выставлена в Британском музее в Лондоне и до сих пор исправна. По крайней мере, была в то время. Два раза в день подавали пар, вставляли перфорированные карты, а потом она совершала расчеты. Грифели начинали ходить туда и сюда, они сделаны из латуни, но блестят как золото! А как жужжали и щелкали бесчисленные шестеренки, настоящая симфония машинных звуков! Бесподобное устройство. Вершина механического искусства. Беббидж строил его на протяжении двадцати лет, нанимал лучших в мире специалистов по точной механике и часовщиков, а его инвесторы и меценаты едва не обанкротились из-за проекта. Но в один прекрасный день машина была готова. И она осталась не единственной. Она требовалась ученым, прежде всего астрономам. Затем банкам и страховым компаниям. Британская империя не стала бы тем, чем стала, если бы не аналитическая машина.

Хелена рассматривала чучело головы антилопы, висевшее на стене над дядей, пыльное и с паутиной между ушами, и тихо сказала:

— Теперь у меня еще больше опасений, чем прежде.

Дядя Зигмунд улыбнулся. Это была не абсолютно веселая улыбка, которую она помнила, а почти веселая. Он постарел

в тюрьме, постарел, похудел и поседел.

– Значит, мне пора рассказать тебе о том, что называется классическим разделением рабочего процесса при обработке информации. Ведь Чарльз Бэббидж не в одиночку принял этот грандиозный проект, а у него была партнерша.

– Леди Ада. – Хелена кивнула. Это она тоже знала.

– Точно. Леди Ада Августа, графиня Лавлейс. Она была дочерью знаменитого поэта лорда Байрона и уже прославилась как математик, когда вступила в контакт с Бэббиджем. И пока он возился с механикой аналитической машины, леди Ада раздумывала, как же управлять машиной, если она когда-нибудь будет закончена, чтобы получить приемлемые результаты. Именно она придумала для этого слово *«программировать»*, опираясь на программы концертов, которые управляют ходом концерта, устанавливая порядок исполняемых музыкальных произведений. – Дядя Зигмунд сделал еще один глоток кофе и снова поморщился. – Так само собой сложилось то, что с тех пор воспринимается как оптимальное разделение рабочего процесса: мужчина строит машину, то есть создает технические основы, а женщина определяет, как лучше всего управлять этой машиной, то есть создает непосредственную пользу. Ни одна из двух областей не будет иметь смысла без другой, ни одна из них не важнее другой. – Он поставил чашку на место. – Леди Ада так никогда и не увидела готовую аналитическую машину, она умерла в молодом возрасте, задолго до того, как аппарат

был завершен. Но программы, которые она создала, все заработали с первой попытки. Она разработала все основные методы программирования, в одиночку и без возможности протестировать свои программы. Это огромное достижение. Неудивительно, что сегодня она является чем-то вроде покровительницы всех наборщиц программ.

— А мужчины действительно не умеют программировать? — удивилась Хелена.

Дядя Зигмунд покачал головой.

— Ну... не совсем. Есть некоторые, кто этим занимается. Но говорят... в общем, люди, которые что-то в этом понимают, говорят, что по программе видно, когда ее написал мужчина. Что в ней чувствуется своего рода демонстративная поза, потому что мужчины не могут держаться в стороне достаточно далеко. Так что выполнение такой задачи дается им с трудом.

— Но ведь мужчины становятся солдатами, — возразила Хелена. — Разве солдаты не должны тоже подчиняться?

— Хм. — Дядя некоторое время размышлял над этим аргументом, затем всплеснул руками. — Ах, видишь ли, вероятно, это просто вопрос предубеждений. В принципе, мужчины также могут и мыть посуду, и готовить, и пеленать детей, но они этого не делают. Почему? Потому что они боятся утратить свою мужественность, когда делают что-то, что считается типично женским. Наверное, в этом и кроется настоящая причина. Подожди, я тут кое о чем вспомнил...

Он поднялся с заметным усилием, зашаркал в соседнюю комнату и вскоре вернулся оттуда с толстой книгой и вручил ее Хелене. «*Введение в программирование*» – гласило название, ниже было написано: «*С особым вниманием к языку структурированных запросов*». Обложка выдержана в розовых тонах и украшена цветочным орнаментом в стиле немецкого модерна, составила книгу *проф. д-р Элена Кроль*.

– Книга немного староватая, но, полагаю, она по-прежнему считается фундаментальным трудом, – пояснил дядя Зигмунд. – Я купил ее давно, вскоре после того, как обзавелся компьютером, но так и не прочел ее основательно. Сначала у меня было слишком много дел, а потом... Ну, ты и так знаешь. Кажется, я вообще открывал ее один-единственный раз. Возьми с собой, почитай. Надеюсь, это поможет тебе принять решение, а может быть, и потом.

– Спасибо, – застенчиво сказала Хелена, прижимая книгу к себе.

– Это направление, в котором развивается мир, – задумчиво произнес дядя Зигмунд. – Те, кто умеет обращаться с компьютерами, в конечном итоге определяют то, что происходит, к ним стекается вся информация. Это придает им влияния, даже силы. А сила – то, что необходимо. Или, скажем так, куда лучше, если сила есть у тебя, чем у другого. – Он вздохнул. – Я это недооценивал.

Хелена посмотрела на него и внезапно почувствовала себя такой эгоистичной.

– Что же ты собираешься теперь делать? Путешествовать тебе ведь больше не разрешат, верно?

Дядя Зигмунд покачал головой, устремив взгляд в окно.

– Я пока не знаю. Путешествовать? Нет, конечно, нет. Мне все еще запрещено публиковаться. Посмотрим, возможно, смогу заниматься переводами. Все-таки я знаю несколько языков, которыми мало кто владеет. Или буду вычитывать корректуру, тоже было бы неплохо. Посмотрим.

Тут он повернулся к ней и тихо сказал:

– Раньше у взрослых был свободный доступ к форумам других стран, ты об этом знала? Американский форум, французский, русский... Все кончено. Во всех местах, где кабель пересекает границу, они расставили компьютеры, которые контролируют и отфильтровывают все, что не одобряет правительство, и таким образом до мельчайших подробностей регулируют зарубежный доступ. – Он заговорил еще тише, почти шепотом: – Я не единственный, кого держали взаперти. Нас всех держат взаперти. Даже тебя.

Кабинет, в котором работал Ойген Леттке, был запоздало разделен перегородкой и потому казался больше тесным, чем высоким. Только изображение фюрера украшало голые стены, мебель определенно осталась со времен кайзеровской империи, а достаточно современными были одни только компьютеры. Но даже это были неуклюжие послевоенные модели, с клавиатурами, издающими адский шум.

Этот кабинет он делил с ворчливым уроженцем Вильгельмсхафена по имени Пит Ханзен, который был не очень разговорчив и, кроме того, иногда переходил на нижненемецкий диалект, что мешало Леттке понять, чего тот хочет. Впрочем, чаще всего он ничего не хотел, а только отрешенно сидел перед своим экраном, уставившись на какие-то списки, и задумчиво поглаживал свой партийный значок, который носил на свитере.

Ежедневная рутина предусматривала, что по утрам в десять часов они проводили совещание с программистками, находящимися у них в подчинении. Их было тоже две: одна старая уроженка Берлина, которая при каждом удобном случае сообщала, что это *она* самолично училась у фрау профессора Кроль. Ее звали фрау Штайн, она не была замужем и старше того возраста, когда что-то еще можно было бы изменить. У нее были седые волосы, собранные в пучок, и ча-

ще всего она носила подходящие к цвету волос серые бриджи, которые ее тоже вполне устраивали. Ее вальсирующий шаг был слышен уже издалека.

Другую звали фройляйн Брунхильда, это была робкая девушка из Франконии, с женской стрижкой под мальчика и очками в толстой черной оправе. Ее уши были словно из папиросной бумаги, и она имела роковую склонность к темным платьям свободного кроя.

Утром они объясняли этим двум женщинам, какие им требуются расчеты, и, как правило, получали их в течение дня по внутренней защищенной электронной почте. Чаще всего это были относительно длинные списки, которые им приходилось читать на экране. Их, конечно, можно было распечатать, но это не приветствовалось. «Бумага выдается согласно норме выдачи» – гласило одно из распоряжений, отданных А.; но даже если пока это было не так, все равно неизбежно в ближайшем будущем.

Но эти меры были ему только на руку, когда он, после того как весь день читал дневники американских и английских подростков и жен, по вечерам преследовал собственные цели.

О двух девушках, которых еще предстояло наказать, он знал только, что их звали Цецилия и Вера – это выдала ему Дерте в обмен на совершенно бесполезную пленку «Минокс». Больше она ничего не знала, и, глядя на то, как она тряслась и уверяла его, совершенно голая и полная страха,

что он потребует от нее еще чего-то большего, он все-таки решил, что она говорит правду.

Но как искать девушку, если знаешь только ее имя?

Даже если бы он знал фамилию, это было бы сложно. К тому же обе девушки также выросли, возможно, вышли замуж, сменили фамилии и считай, что исчезли.

Сколько бы он ни размышлял, он не представлял, с чего ему начать.

Однажды, когда Пит заболел и кабинет оказался полностью в его распоряжении, он решил кое-что попробовать. Он позвонил в отдел программирования и сказал, что, поскольку сегодня он один, ему понадобится только фройляйн Брунхильда. Та послушно пришла семенящими шажками одна, и, когда она села с блокнотом за стол переговоров, он объяснил ей, что ему нужен список всех женщин, родившихся в Берлине между 1913 и 1917 годами с именем Цецилия.

– Это всё? – спросила фройляйн Брунхильда.

– Да, – ответил он. – А что?

– Я могу сделать это прямо здесь, если хотите. Это простая команда запроса.

– Раз так, – сказал Леттке, – то делайте.

С любопытством он освободил стул и предоставил ей свой компьютер. Но он остался стоять позади нее, потому что хотел увидеть сам, как она это делает.

Она открыла программу под названием СЯЗ. Затем набрала команды:

ВЫБОР ИЗ Жители
ВСЕ (Имя, Фамилия, Улица, Город, ДатРожд)
ДЛЯ (
ДатРожд: год \geq 1913
ДатРожд: год \leq 1917
И
МестРожд = «Берлин»
И
имя = «Цецилия»)

Потом она нажала на кнопку, и текст исчез. На экране появилось сообщение: «СЯЗ – выполняется».

– Что означает СЯЗ? – спросил Леттке, чувствуя себя неловко, затрагивая вещи, которые его не касаются.

– Это аббревиатура от «Структурированный язык запросов», – ответила она, глядя на него так, словно он должен был это знать. – Так быстрее получить результат для запросов, необходимых на один раз.

– Понимаю, – произнес Леттке, хотя ничего не понял. Как связана скорость компьютера с тем, как часто требуется результат? В любом случае, от одного вида ее командных строк у него мозги плавятся. Он понял только, что речь идет о запросе из таблицы жителей, но все, что после, было для него слишком сложно. Женские штучки, вот именно. Для мужчины это такая же загадка, как содержимое женской сумочки.

Он уставился на экран, на котором по-прежнему оставалось одно только сообщение.

– Сколько времени это займет? – спросил он.

Фройляйн Брунхильда робко поднялась и сказала:

– Трудно сказать. Таблица жителей очень большая... может быть, час. Но затем результат будет сразу на вашем компьютере.

– Спасибо, – озадаченно произнес Леттке. А потом, когда она собралась снова сесть за свой блокнот, он добавил: – Это всё на сегодня.

– Хорошо. – Она быстро схватила свои вещи, прошептала «Хайль Гитлер» и выскользнула из его кабинета.

После этого он сидел перед компьютером и не мог ничего сделать, потому что это сообщение все заблокировало. Или он может параллельно пользоваться другой программой, пока не будет получен результат? Ему казалось, что такая возможность должна быть, он просто не знал, как это сделать. Он вытащил книгу с инструкциями, истрепанную, пожелтевшую и напечатанную готическим шрифтом времен Вильгельма II, которая пролежала на полке, вероятно, уже лет десять. Не мешало бы воспользоваться вынужденной паузой, чтобы немного подучиться пользоваться компьютером.

Когда он пролистал вводные главы и попытался выяснить, что означает клавиша «СИСТЕМА», сообщение исчезло и на экране появился список. Одни только Цецилии, их было 27, с фамилиями, адресами и датами рождения.

Его руки стали влажными от волнения. Одна из них должна быть той, которую он ищет!

Стоит ли ему рискнуть и распечатать список? Лучше не надо. Кто-нибудь мог случайно взять его в комнате для печати, прежде чем он туда придет. Сохранять их он не хотел и подавно.

Наконец он взял в руки лист бумаги и ручку и просто переписал список. Он быстро справился. И все-таки двадцать семь Цецилий за пять лет – это было больше, чем он ожидал.

Когда он закончил, он удалил список результатов и посмотрел на свою запись. Кто же из них та, кого он искал? Одна из тех, кто еще живет в Берлине? Это не было сказано, а даже если бы и было, то кто из *них* – она?

Была ли вообще Цецилия, которую он ищет, в этом списке? Что, если он неправильно определил ее возраст? Что, если Дерте неверно поняла имя? Она заверяла, что не была знакома с девочками. Или что, если имя писалось по-другому, например, по-французски – Сесиль?

Он вызвал программу ИД – «Инспекция Дневника» – и сравнил свой список со списком участников. По крайней мере, шестеро Цецилий из его списка использовали программу «Дневник». Может быть, он найдет там.

Несмотря на то, что у него могли бы возникнуть огромные неприятности, если кто-то обнаружит, что он не уделяет внимания задачам, ради которых его наняли, Ойген Леттке не мог не провести остаток дня за чтением дневниковых записей этих шести женщин, в поисках хоть какой-то зацепки.

Конечно, безрезультатно. Одна записывала только свои

эротические фантазии, где каждая третья была связана с Адольфом Гитлером. Другая писала в основном о своем младенце, отслеживала его вес, сколько он пил и как долго спал. У третьей были любовные интрижки с женщинами, и она фиксировала все свои мысли в ожидании телефонных звонков: мысли, снова и снова вращавшиеся по кругу.

Собственно говоря, он понял это сразу. Девушки, которые тогда там были и принимали участие в том, чтобы его подставить и обнажить в прямом смысле этого слова, наверняка давно уже не думали об этом. Не говоря уже о том, чтобы изображать это в своих фантазиях.

В течение нескольких дней ему уже не так хотелось идти на работу. Несколько дней он действительно делал только то, что было его непосредственной задачей: он копался в дневниках иностранцев. В обстановке предстоящих Олимпийских игр актуальным вопросом было то, как Германский рейх воспринимается за рубежом, особенно в Америке, и прежде всего принимая во внимание их политику в отношении евреев. Поэтому он ввел ключевые слова *germany*⁴ и *jews*⁵ в функцию поиска, которую, к счастью, можно было использовать без ввода сложных команд, а дальше читал найденное в источниках. Время от времени ему приходилось искать английские термины в словаре, потому что его английский был не так хорош, как хотелось бы, но он справлялся.

⁴ Германия (англ.).

⁵ Евреи (англ.).

А потом он наткнулся на запись, в ней говорилось: *«Сегодня снова пришло хорошее старомодное письмо от моей старой подруги Алисы Фришмут из Веймара. Как всегда, она сильно ругает Гитлера»*.

Алиса Фришмут из Веймара? Что-то интересное. Леттке переключился на хранилище данных с немецкоязычными дневниками и стал искать по этому имени. И нашел. Одна Алиса Фришмут пользовалась программой на компьютере почтового отделения, где, по ее собственному утверждению, она тогда работала. Однако вскоре после прихода национал-социалистов к власти она перестала пользоваться программой. Последняя запись была сделана 1 февраля 1933 года и звучала так: *«Это случилось»*.

Интересно, интересно.

Он просмотрел записи в обратном порядке. Большая часть ее дневника была о том, сделает ли наконец некий Винфрид долгожданное предложение руки и сердца, но потом он наткнулся на запись от октября 1930 года: *«Гитлер снова в Веймаре. Вокруг отеля „Элефант“ люди ведут себя как полчища пьяных обезьян, радуясь этому человеку, чья голова похожа на мешок, наполненный экскрементами. Мне бы хотелось, чтобы кто-нибудь застрелил его, лучше сегодня, чем завтра»*.

С этим, сказал себе Ойген Леттке, уже можно что-то сделать.

Сотрудникам Управления национальной безопасности категорически запрещалось использовать данные, к которым они имели доступ, для частных изысканий и расследований – так было написано не только в его трудовом договоре, ему потребовалось подписать еще и отдельную соответствующую инструкцию.

Другими словами, ему ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы его уличили в том, что он собирался предпринять.

И, конечно же, ему нельзя было обратиться за помощью к фройляйн Брунхильде.

Вопрос заключался в том, как далеко он сумеет продвинуться своими силами.

С нарастающим волнением Ойген Леттке взялся за работу. Тот факт, что речь шла о конкретном человеке, существенно облегчало дело. У него был доступ почти ко всем хранилищам данных, у него была функция поиска – так что найти Алису Фришмут было делом нескольких минут. Она родилась в августе 1912 года, то есть на два года старше него. Звучало многообещающе.

Он переключился на другое хранилище данных. Согласно данным бюро прописки, она все еще жила в Веймаре, но в октябре 1933 года вышла замуж за некоего Винфрида Кемп-

фа. Тот работал водителем грузовика для дальних перевозок, а именно в экспедиционной конторе Хефлингера. Супружеская пара снимала жилье на юге Веймара, детей у них не было, а Алиса Кемпф по-прежнему работала на центральном почтамте.

Леттке довольно долго сидел перед этими сведениями, дул сквозь сложенные у рта руки и размышлял. Затем он продолжил поиски и узнал, что экспедиционная контора Хефлингера, как и большинство компаний, доверила информацию службе хранилища данных предположительно потому, что это было самым простым решением для доступа к ней из нескольких офисов.

НСА, разумеется, также имело доступ к этим данным. И среди прочего там находилось личное дело Винфрида Кемпфа: документы об образовании, медицинские справки, данные водительского удостоверения, производственный план на данный момент и окладной лист.

Великолепно. Леттке показалось, словно по всему его телу пробежал электрический ток, когда он записал нужные ему сведения. Затем он очистил экран и журнал.

Тем временем был уже поздний вечер. В здании стало тихо, не было слышно ни стука в дверь, ни скрипа подошв ботинок по линолеумному полу коридора. Ойген Леттке еще раз открыл уже известную дневниковую запись и запустил команду печати.

Потом он тут же вскочил и помчался по коридору в ком-

нату для печати, хотя это было и не нужно, — там в это время действительно никого не было. Машина работала, стучала, гремела и распространяла едкий химический запах, который заполнял всю комнату, вызывая головную боль, и наконец выплюнула напечатанный листок.

* * *

На следующий день он вышел днем пораньше и отправился в центральный почтамт. Почти все окошки были заняты, в основном там сидели женщины, среди них было много молодых, но он нигде не видел табличек с фамилиями. Что теперь?

Он делал вид, что заполняет регистрационную форму, размышляя и наблюдая за деловым оборотом в почтовом зале. Ему помог случай: служащий в окошке, который уже довольно долго обсуждал что-то с толстяком, собиравшимся отправить большую посылку, прокричал: «Фрау Кемпф? Не могли бы вы подойти?»

Тут же из кабинета появилась молодая, поразительно элегантно одетая женщина, она двигалась с энергичной самоуверенностью и ее дикие, с золотистым отливом роскошные локоны были легко собраны заколкой для волос. Леттке следил за тем, как она выслушала проблему, возникшую у мужчин, быстро и четко приняла решение, заставившее мужчину перед окошком удовлетворенно кивнуть, а служащего по-

корно развести руками, затем она снова скрылась.

Такая молодая и уже начальница отдела? Всё лучше и лучше.

Он вышел из почты и ждал в кафе напротив, пока не увидит, как она выходит. Затем он последовал за ней на приличной дистанции, сел в тот же автобус, что и она, вышел на той же остановке. Он не беспокоился о том, что потеряет ее из виду; в конце концов, ему было известно, где она живет.

Когда она подошла к входной двери – Кемпфы жили на верхнем этаже четырехэтажного серого многоквартирного дома, – он заговорил с ней:

– Фрау Кемпф?

Она удивленно обернулась.

– Да?

– Можете уделить мне минутку?

Она сделала шаг назад, оглядела его сверху донизу.

– По какому вопросу?

– По такому, – ответил Ойген Леттке и протянул ей распечатку.

Она прочитала текст. Ее глаза нервно засверкали.

– Откуда у вас это?

– У меня это есть, – просто сказал он. – Этого достаточно. – Он указал на дверь. – Я бы предпочел обсудить остальное в вашей квартире.

– Вы из полиции? – поинтересовалась она.

– Нет, – ответил он. – Я хочу вам помочь.

В ее взгляде отражались недоверие и нарастающая паника. Наконец она пришла к единственно возможному заключению, а именно, что у нее нет другого выхода, и сказала:

– Ну хорошо. Проходите.

Она отперла дверь,пустила его и начала подниматься по лестнице впереди него. Леттке наблюдал за ее задницей, которая отчетливо выделялась под тонким пальто, и позволил себе некоторое предвкушение. До сих пор все шло по плану.

Она снова замешкалась, прежде чем отпереть дверь квартиры. Она открыла ее и крикнула:

– Винфрид? Ты уже здесь? – а поскольку по-прежнему было тихо, сказала: – Мой муж вернется домой с минуты на минуту.

– Угу, – ответил Леттке, подождал, пока она освободит путь, и вошел.

Это была небольшая квартира: кухня, спальня, приличная гостиная и туалет. Ванная комната, заметил он, находилась на промежуточном этаже, и они делили ее с жильцами трех других квартир.

– Тогда говорилось, что все записи в дневнике будут защищены моим паролем и никто другой не сможет их прочитать, – сказала она, снимая пальто. Она все еще тяжело дышала после подъема по лестнице.

– Никто, кроме органов государственной безопасности, – ответил Леттке.

Она издала стонущий звук.

– Это... *подло*. – Она еще раз пробежала глазами текст. – Кроме того, прошло много лет с тех пор, как я это написала!

– Тогда это не было проблемой, – неторопливо сказал он. Ему нравилось постепенно загонять ее в угол. – Но не теперь. Теперь человек, чья голова похожа на мешок, наполненный экскрементами, стал рейхсканцлером и фюрером немецкого народа, и чрезвычайно ранимым по отношению к подобным высказываниям.

– Выискивают нечто подобное? – В ее глазах читался неприкрытый страх.

– Действительно, выискивают нечто подобное. И людей уже отправляли в лагеря из-за более безобидных оскорблений.

Она прислонилась к обрамлению дверного проема, ведущего в гостиную.

– Но что же мне теперь делать? Я думала, что если удалю программу, то все будет стерто автоматически. И если я сейчас снова зарегистрируюсь, это тоже не поможет, не так ли? Я больше не смогу получить доступ к своим старым записям. Во всяком случае, так было, когда я удаляла регистрацию.

– Даже если бы вы это не сделали, вы не смогли бы удалить или изменить запись, – объяснил он. – Записи в дневнике могут быть изменены только в тот день, когда они сделаны, – в этом вся соль программы. Впоследствии их можно только читать. – Он положил руку на грудь и сделал реверанс. – Это означает, что я могу их изменить. Или даже удалить.

В ее лице загорелась надежда.

– О! – воскликнула она. – Вы могли бы это сделать?

– Вот почему я здесь. Чтобы предложить вам это.

– О, это же... это очень мило с вашей стороны, – пробормотала она. Затем подскочила и встряхнулась. – Ну что я за хозяйка! Проходите, садитесь. Могу я вам что-нибудь предложить?

– Да, с удовольствием, – сказал Леттке и проследовал за ее приглашающим жестом в гостиную.

– Кофе? Чай?

– Нет, спасибо. Я предпочел бы... встречную услугу.

Она приостановилась.

– Как вы сказали?

– Я должен что-то для вас сделать, не так ли? – пояснил Леттке. – Что-то, чего я, в сущности, *не имею права* делать. Не кажется ли вам, что это стоит встречной услуги?

– Ну что вы, конечно, я имею в виду... Но если вы хотите денег, боюсь, мы не сможем предложить вам много...

– Деньги меня не интересуют, – сказал Леттке, выдвинул из-за стола один из стульев и сел. – Но вы – женщина. А я – мужчина. Я предпочел взять это за отправную точку.

Следить за изменениями на ее лице уже стоило всей этой затеи. Как вся надежда и благодарность исчезли, уступив место бурлящей ярости! Как она нахохлилась, словно была готова наброситься на него и разорвать в клочья!

– Так вы один из них! – фыркнула она. – Ну, тогда подо-

ждите, пока мой муж вернется домой!..

— Ваш муж, — невозмутимо возразил Леттке, — сегодня находится на пути в Вену. Скорее всего, сейчас он на подъезде к Зальцбургу и вернется не раньше чем послезавтра. — Он сладострастно улыбнулся. — Так что у нас много времени.

Ее гнев испарился, сменившись полным отчаянием. Она вся осела.

— Нет, — прошептала она. — Вы не можете меня принуждать.

— Кто говорит о принуждении? Я делаю вам одолжение, а вы делаете одолжение мне, не более того. Это мое предложение. Вы можете его принять или можете его отклонить. — Леттке расслабил узел своего галстука. Время устроиться поудобнее. — Но дело в том, что если я сталкиваюсь с чем-то подобным — с оскорблением фюрера, — то должен сообщать об этом. Того требует закон против разжигания ненависти. Поэтому, если вы меня прогоните, все пойдет своим чередом. Чтобы это предотвратить, я должен нарушить закон. Подвергнуться риску. Поставить на кон свою должность...

— У меня действительно нет выбора, не так ли? — с горечью констатировала она.

Леттке кивнул:

— Я так это вижу.

Ее наполнила ненависть. Бесподобно. Ненависть заполняла ее, но ей все равно придется ему повиноваться.

Алиса Кемпф ничего не говорила. Просто стояла, глядя

на него, тяжело дышала.

– Предлагаю, – сказал Леттке, – начать с того, что вы разденетесь. И очень медленно, если позволите. Не то я потеряю интерес и сделаю по-своему.

Хелена забрала домой книгу, которую отдал ей дядя Зигмунд, и провела остаток выходных за чтением.

Что такое программирование, автор объясняла на примере простого рецепта:

Просейте в миску 250 г муки.

В серединке сделайте небольшую ямку.

Добавьте в ямку 1 щепотку соли.

Отмерьте 500 мл холодного молока.

Налейте в ямку немного молока и смешайте с мукой.

В миску разбейте 2–3 яйца и смешайте с содержимым.

Медленно добавьте оставшееся молоко, постоянно помешивая.

Размешивайте, пока не образуется однородное достаточно жидкое тесто, которое стекает с ложки.

Поставьте на плиту сковороду и прогрейте на большом огне.

Поставьте тарелку в теплую духовку.

Повторяйте следующие шаги, пока все жидкое тесто не будет израсходовано:

– Разогрейте в сковороде 10 г топленого масла.

– Налейте половником тесто в сковороду.

– Наклоняйте сковороду в разные стороны, чтобы тесто равномерно распределилось по дну.

– Как только тесто подрумянилось, переверните его на другую сторону.

– Дайте блинчику немного подрумяниться с другой стороны.

– Выложите готовый блинчик на разогретую тарелку.

Рецепт, писала она, представляет собой перечисление простых инструкций, которые, если выполнять их именно в таком порядке, дадут точно прогнозируемый результат: в данном случае 10–12 блинчиков. То же самое представляет собой компьютерная программа.

«В этом мы также можем увидеть причину, почему программирование является исключительно женским занятием, – писала она далее. – Женщина, чьей естественной задачей является забота о семье, должна выполнять множество повторяющихся задач, и чем лучше ей удастся организовать их должным образом, тем больше она облегчает себе повседневную жизнь. Поэтому каждая домохозяйка и мать семейства по своей природе является программисткой, только зачастую она этого не осознает, потому что программирует не компьютер, а, скорее, саму себя.

В отличие от мужчины, который по природе своей является охотником или создателем: такую деятельность невозможно организовать в виде постоянно повторяющихся процессов, она, скорее, сводится к постоянной бдительности, умению предвосхищать опасности и возможности, умело избегать опасности и столь же умело использовать

возможности. Мышление программами было бы при этом скорее препятствием, могло бы даже быть опасным, и потому не удивительно, что такой тип мышления тяжело дается мужчинам и, в сущности, всегда остается им чуждым».

Это убедило Хелену. Она подчеркнула предложения красным карандашом и в понедельник записалась на программирование.

В результате выяснилось, что все ее опасения оказались напрасными. Этот предмет давался ей легче, чем все остальные. Она схватывала все на лету, задавала вопросы, приводившие учительницу в замешательство, и очень скоро стала лучшей ученицей.

В это время состоялось включение Австрии в состав Германии, первая кампания, в которой ее брат Армин принимал участие в качестве новоиспеченного солдата и из которой он вернулся сияющим героем, вне себя от восторга, потому что он видел фюрера с близкого расстояния.

– *Настолько* близко ко мне, – повторял он снова и снова, показывая расстояние около двух метров. – И он посмотрел на меня, посмотрел мне прямо в глаза!

Хелена приняла участие в конкурсе по программированию для всех немецких гимназий и заняла второе место. Вместе с одиннадцатью другими победительницами она отправилась в Берлин, где, среди прочего, им разрешили осмотреть главные компьютеры глобальной сети, которые

по-прежнему находились в безопасных подвалах университета, охраняемые сотрудниками СС. Кроме того, они встретились с самой Эленой Кроль, она рассказала им, над чем сейчас работает, – новый метод обработки данных, ориентирующийся на то, как соединяются нервные клетки мозга, – но у Хелены сложилось впечатление, что остальным от этого рассказа стало довольно скучно. Сама она понимала не более половины сказанного, но признала идею в высшей степени увлекательной.

Теперь, когда она была чем-то вроде звезды Луизеншуле, ей было разрешено проходить углубленные курсы для учениц выпускного класса во второй половине дня. Однажды – было начало декабря, а ранняя зима уже в течение нескольких недель прочно сковывала страну снегом и льдом – она ломала голову над сложной программой сортировки, когда ее телефон негромким звуковым сигналом оповестил о входящем сообщении. На самом деле, конечно, нужно было отключать телефоны, но никто этого не делал.

Хелена отложила карандаш в сторону и вытащила телефон. В тот вечер, к счастью, ей не нужно было в группу СНД, и они договорились встретиться с Мари, которая еще должна была сообщить ей, на каком автобусе она приедет в Веймар, чтобы Хелена могла ее встретить.

Сообщение действительно было от Мари, но оно гласило:

(Мари) Не могу приехать. Объясню позже.

Хелена нахмурила брови. Это звучало совсем не хорошо.

Она торопливо набрала текст:

(Хелена) Что-то случилось?

Она ждала. Может, Мари уже выключила телефон? Хелена положила телефон рядом с блокнотом, попыталась сконцентрироваться на программе.

Затем новый звуковой сигнал.

(Мари) Фриц катался на коньках и провалился, чуть не утонул. Везем его в больницу.

* * *

Дорога в больницу была Хелене известна; она часто там бывала, когда что-то приносила отцу или заходила за ним по дороге домой. Но сегодня дорога туда показалась ей мрачной и гнетущей. Не потому ли, что все было погребено под снегом и льдом, а местность исчезала в бледно-желтых сумерках? Даже когда она наконец миновала ворота и вошла в тепло, в огромный вестибюль с двумя статуями Йозефа Торака справа и слева, огромными и обнаженными, изображающими во всех анатомических подробностях здорового мужчину и здоровую женщину, то прохладное величие и химический запах дезинфицирующего средства легли тяжестью ей на сердце. Всегда ли каждый ее шаг отдавался эхом в этих помещениях? А когда говоришь, то будто реверберирующая комната поглощает каждое слово?

Женщина в приемном отделении знала Хелену и подсказала ей, где найти семью Шольцев: в реанимационном отделении, как она и предполагала.

Мари была там, вышла к ней навстречу заплаканная. Хелена обняла ее, при этом чувствуя себя неловко, непривычно, потому что в ее семье физические контакты были не приняты. У Фрица, узнала она, была высокая температура, очень высокая, и следовало опасаться воспаления легких.

Хелена испугалась. Воспаление легких почти всегда было смертным приговором, насколько она знала. Это знали все, даже Шольцы, которые показались Хелене необычайно спокойными.

– Его жизнь в руках Божьих, – сказал герр Шольц. – Как и жизнь каждого, но в его случае это особенно очевидно.

Мать Мари явно воспринимала это куда менее фаталистически.

– Что бы ни случилось, мы должны засыпать это озеро, – считала она. – Это должны были сделать еще твои родители, когда в нем утонула твоя сестра.

– Озеро было им нужно, – сказал отец Мари. – Они разводили там карпов.

– Да, но мы их уже давно не разводим.

Так они и ждали вместе, и всякий раз, когда тяжелая дверь из матового стекла отворялась и выходил кто-то в белом халате, они поднимали головы, в основном в ожидании известия о смерти Фрица.

К удивлению Хелены, в какой-то момент из-за этой двери вышел ее отец. Но почему? Он ведь был хирургом, какое отношение он имел к этому случаю?

Отец сочувственно пожал всем руки, затем сказал герру Шольцу:

– Я не могу сильно вас обнадеживать. По нашему опыту, было бы чудом, если бы ваш сын пережил эту ночь за счет собственных сил. Но есть кое-что, что мы могли бы попробовать и, на мой взгляд, должны попробовать, если вы согласитесь. Это новейший препарат, способный убивать бактерии с беспрецедентной эффективностью. Он называется пенициллин. Его открыл один британский ученый по имени Флеминг. В самой Англии препарат все еще находится на стадии испытаний, а также держится в строжайшем секрете, но одна из наших секретных служб узнала рецепт, и компании «И. Г. Фарбен» удалось изготовить пенициллин. Если мы дадим его Фрицу, то, конечно, есть определенные риски, вы должны это понимать. Тем не менее я убежден, что в этом случае нам нечего терять, но у нас есть все шансы на победу.

В какой-то ужасный момент, пока Хелена наблюдала, как герр и фрау Шольц обмениваются долгими взглядами, она испугалась, что они могут отказаться, потому что они были так набожны и убеждены, что всё в любом случае в руках Божьих. Но тут герр Шольц сказал:

– Попробуйте. Если на то Божья воля, то этот пенициллин, возможно, появился как раз в нужный момент.

Итак, через несколько минут Фриц получил первую инъекцию препарата, а через несколько часов – вторую.

Это был долгий вечер. Хелена, конечно, тоже осталась с ними и задремала на жесткой, неудобной деревянной скамье. Глубокой ночью пришел врач, которого она никогда не видела раньше, и тихо сказал:

– Лихорадка спадает. Насколько можно судить, ваш сын вне опасности. Вы можете пойти домой, мы будем держать вас в курсе по телефону.

Когда на следующий день они приехали в больницу, Фриц уже был в сознании, хотя еще очень усталым и сонным. Через день он был уже почти таким же озорным, как и всегда. Он много кашлял, у него было много мокроты, которую ему приходилось выплевывать, и ему казалось:

– Я постепенно выплевываю свой мозг. Вот и всё со школой.

Через две недели, как раз к Рождеству, он снова вернулся домой, и его надежда на то, что со школой покончено, не оправдалась. *Естественно*, он может вернуться на занятия, как только они начнутся, сказал доктор.

В преддверии Рождества отец протянул Хелене тонкую папку.

– Я подумал, что это может тебя заинтересовать, – сказал он. – Речь идет о препарате, который спас брата твоей подруги.

Хелена раскрыла папку. В нее был вложен густо напеча-

танный сброшюрованный отчет объемом около десяти страниц. «Случай приема пенициллина (бактерицидное вещество)» было написано на первой странице.

– Вы получаете много подобных отчетов? – спросила она, продолжая листать.

– Время от времени, – ответил он. – Они, конечно, строго конфиденциальные. Никому о них не рассказывай. Даже своей подруге.

Хелена кивнула. То, что отчет строго конфиденциальный, было написано на каждой странице, в верхней строке и еще раз в нижней. Кроме того, на каждой странице стояло: *«Управление национальной безопасности, отдел экономического просвещения/медицины»*. Хелена смутно вспомнила, что уже когда-то слышала об этом учреждении, но не знала, где и когда, но это не показалось ей столь важным.

Начиная с его первой авантюры, с этой Алисой... какая там у нее была фамилия? Он никак не мог вспомнить. Неважно, в любом случае, с тех пор Ойген Леттке привык отсыпаться на следующее утро. Выключать будильник, просыпаться самостоятельно, оставаться в постели и в этом восхитительном полусне между пробуждением и сном еще раз вспоминать приключения предыдущего вечера, переживать все еще раз, не спеша, не беспокоясь, все ли пойдет по плану. Еще раз вызывать в памяти возбуждение, которое он испытывал, восхитительное чувство власти – власти, которой его наделяло знание, точно так, как и было написано над входным порталом управления! Потому что он знал, что может принуждать женщин, может потребовать от них всего, а они должны ему повиноваться, даже если не хотели этого!

Ха, вчера! Он перевернулся с отрадной улыбкой. Когда все было в самом разгаре, у нее зазвонил телефон. Ее муж, коммивояжер, в тот момент был в Аахене. Леттке приказал ей ответить на звонок и поговорить с мужем, пока он брал ее сзади. Горе, если она выдаст тайну, настойчиво внушил он ей. Тогда она попадет в лагерь раньше, чем ее муж успеет вернуться! Она изо всех сил старалась не выдать, что происходит, не дышать тяжело и тому подобное, и, чтобы сделать действие еще более захватывающим, он как следует

шлепал ее, да так громко, что ее муж услышал и спросил, что происходит. И ей действительно пришла в голову отговорка, а именно, что ей необходимо выстирать скатерть, причем срочно, прежде чем пятно, которое она посадила, успеет впитаться.

Вот это забава!

Он потянулся, наслаждаясь тяжестью, переполнявшей его тело. Эта которая по счету? Он не знал. Он мог бы пересчитать, потому что хранил каждую распечатку с соответствующим изобличающим текстом в папке, спрятанной в глубине платяного шкафа. Просто на память. Некоторые женщины беспокоились, что он может вернуться и потребовать большего, но, конечно, он этого не делал. Он ведь был человеком чести, правда, по-своему. Он действительно удалял фрагменты текста, которые могли быть опасными для женщин, как обещал и договаривался.

Ну а благодаря тому, что он хранил их в печатном виде, теоретически он в любой момент мог бы снова их вставить. Если бы он не был человеком чести.

Ах, в сущности, не имело значения, сколько их было. Женщины нескоро закончатся. У каждого человека есть свои скелеты в шкафу, каждому есть что скрывать.

Гораздо сложнее было выбрать соответствующих женщин. Найти пригодных для удовлетворения его страсти. Например, три недели назад у него была одна, похожая на монашку, вся серая и одетая в серое, наглухо застегнутая, без

макияжа... но она практически не оказывала ему сопротивления, за исключением незначительного колебания вначале. Затем она начала принимать участие чуть ли не с воодушевлением, даже между делом спросила его, не могут ли они встречаться чаще! От этого ему стало так противно, что он остановился посередине и ушел. Ее дневниковую запись он, конечно же, оставил без изменений.

Пора вставать. Он отбросил перину, в пижаме зашаркал на кухню. Его мать стояла, как всегда, у плиты, маленькая, высохшая женщина, вся в черном. Вечно в черном, похожая на большого жука. Он еще никогда не видел ее другой, ни разу за всю свою жизнь, если бы она надела что-то другое, возможно, он бы ее даже и не узнал.

– Ты встал, – сказала она с нескрываемым неодобрением. Она не сказала *«наконец»*, но было отчетливо слышно, что она это *имела в виду*. Когда он долго спал, она была убеждена, что ее сын пренебрегает своим долгом, и это было почти невыносимо для нее. Так сыновья героев войны не поступают!

– Вчера поздно вернулся, – спокойно ответил Ойген Леттке, и тут у него перед глазами снова возникла картина того, как он оставил женщину. Как она лежала обнаженная на приведенном в беспорядок супружеском ложе, отвернув лицо, ее дыхание было изнуренным рыданием, и как она, когда он сказал, что теперь уходит, пробормотала: «Надеюсь, ты сломаешь себе шею».

И теперь он, невредимый, стоял здесь, почесывая волосатую грудь под пижамой. Великолепно.

– Я приготовлю тебе завтрак, – сказала мать. Он приучил ее в такие утра оставлять его в покое, а не будить в панике, как раньше, в школьные годы. Это было не так уж и сложно, ему нужно было просто пригрозить, что в противном случае он переедет. Чего он, конечно, не собирался делать – это было бы довольно глупо. Неужели он должен тратить свое время на обременительные домашние дела, если быть такого не должно?

Он пошел в ванную комнату, залез в ванну, задернул занавеску и начал принимать душ. Вода была чуть теплой, а потом быстро остыла, но немецкий мужчина не должен был этого замечать.

Когда он вернулся на кухню, вымытый, выбритый и одетый во все свежее, завтрак уже стоял на столе: злаковый кофе, хлеб, повидло и даже масло. Очень хорошо. Какое-то время был дефицит снабжения. Совсем недавно он принимал участие в совещании, на нем Алоис Франкенбергер, руководитель отдела экономической статистики, изложил нынешнюю ситуацию: Германия стала теперь второй сильнейшей индустриальной страной в мире, немного отставая от Соединенных Штатов, но имея лишь одну треть их населения и небольшую часть их ресурсов – в сущности, это почти чудо и объяснимо только хорошо продуманным использованием компьютеров, которое позволило более плотное, раци-

ональное производство и более детальное планирование. Без компьютеров, коротко и ясно сказал Франкенбергер, ситуация со снабжением была бы гораздо более напряженной, и, вероятно, давным-давно следовало бы прибегнуть к нормированию продуктов.

Пока Леттке толстым слоем намазывал масло на хлеб, он не мог не усмехнуться. Без компьютеров, подумал он, плохо было бы со снабжением и для него, и для его пристрастия!

Пока он завтракал, подошла мать со своим телефоном. Она все еще держала его в руках как инородное тело, нажимала на кнопки так нерешительно, словно боялась, что устройство в ее руке взорвется, если она нажмет не на ту кнопку.

– Ойген, ты должен еще раз показать, как мне записаться на прием к врачу.

В общем, он показал ей еще раз. Вернее, он просто давал ей инструкции и велел сделать определенные действия – так она, возможно, когда-нибудь поймет и запомнит. Это был «Фотель», который он купил ей больше года назад, но она долго отказывалась им пользоваться. Тем временем она периодически брала его с собой, когда уходила из дома, но чаще всего все равно оплачивала покупки карточкой.

– А теперь я записана на прием? – поинтересовалась она, когда пришло соответствующее уведомление. Она смотрела на экран сверху вниз как на врага.

– Да, – ответил он. – В понедельник после обеда, в три

часа.

Она презрительно поморщилась, не сводя глаз с экрана. — Я не понимаю, почему я не могу просто позвонить туда. Как раньше.

— Потому что у твоего доктора Моля, — объяснил Ойген Леттке, — больше нет помощницы. И сам он не может ответить на звонок, если в данный момент лечит пациента. А это он делает практически все время.

— Но почему у него больше нет помощницы?

— Потому что Рейху куда больше нужна ее работоспособность в каком-то другом месте, полагаю.

Его мать вздохнула.

— Там была такая хорошенькая, Роза. И такая усердная. Всегда обо всем помнила.

Он пожал плечами.

— Вот видишь? Такие люди везде нужны.

— Ну ладно, — со вздохом произнесла мать. — Это же новое время.

Она отвернулась и выдвинула большой кухонный ящик, который скрипел с незапамятных времен и где она хранила всякие безделушки, положила туда телефон и достала что-то еще, чего он не смог разглядеть.

— Объясни мне, а что с этим делать, — сказала она, положив что-то на стол перед ним.

Когда он увидел, что это такое, Ойген Леттке поперхнулся, закашлял и быстро налил себе кофе, чтобы не подавиться

хлебными крошками.

– Мама! – выкрикнул он. – Ты с ума сошла?

То, что лежало перед ним, было стопкой наличных денег, определенно более тысячи рейхсмарок!

* * *

– Как ты разговариваешь со своей матерью? – возмутилась она.

Леттке отодвинул в сторону кофейную чашку и тарелку, взял деньги, пересчитал.

– Тысяча триста семьдесят рейхсмарок. Мама, это больше любой суммы, на которую власти могут закрыть глаза! Если бы сейчас в дверь вошел полицейский, он бы немедленно забрал тебя и ты бы попала в тюрьму как минимум на два года.

– Но я одному тебе показала, – невозмутимо произнесла она.

– Почему ты не отнесла тогда деньги в банк, как было предписано?

Она вскинула тощие руки.

– Боже милостивый! Я просто забыла! Это деньги, отложенные на черный день, я спрятала их в вещах твоего отца. Вчера я снова нашла их.

В старом хламе, который она хранила, словно это была святыня.

– Черт! – сказал Леттке, потянувшись за кофейной чаш-

кой, но снова поставил ее на место. У него пропал аппетит. – Вот же дерьмо!

– Там же теперь везде эта реклама, что нужно пожертвовать одежду, для зимней помощи, для общественного благосостояния... – начала рассказывать мать, словно он ничего не ответил.

– Да кому нужно это допотопное тряпье? – прорычал он.

Наличные деньги были настоящей проблемой. Вообще отмена наличных денег. Тогда это так хорошо звучало – борьба с организованной преступностью, нелегальной трудовой деятельностью, коррупцией и так далее. Но ничего из этого не сработало. Преступники просто переключились на другие способы оплаты, на доллары, фунты или сразу на золото, а что касается коррупции и нелегальной трудовой деятельности, то теперь тому, кто принимал наличные деньги, не оставалось практически ничего другого, кроме как подкупить кого-то или заплатить за нелегальную работу. Таким образом, государственные меры создали только особенно хорошо функционирующий черный рынок, на котором, согласно документам Рейхсбанка, в обращении по-прежнему находилось более миллиарда рейхсмарок.

Только то, что за денежные вклады в банке никто больше не получал еврейских процентов, а должен был еще и оплачивать комиссию за хранение денежных средств, – *вот это* сработало.

– Будет лучше, если ты сожжешь все деньги в духовке, –

сказал он, но, когда его мать начала ловить ртом воздух, будто задыхаясь, он поспешно собрал купюры, взял с собой и сказал: – Ладно. Я посмотрю, что можно придумать.

* * *

Несмотря на все преимущества, которые давала ему должность в НСА, у нее также были свои недостатки, и это ему стало ясно только сейчас, когда он обратился в банк и потребовал позвать директора: *никто не слышал о таком ведомстве!* Если бы он пришел из тайной государственной полиции, все двери для него были бы открыты; когда он предъявлял свое удостоверение НСА, в ответ его одаривали только скептическими взглядами. По какому вопросу он желает поговорить с герром директором? Он не может этого сказать, речь идет о конфиденциальном вопросе. Хм, ну, в таком случае ему лучше всего обратиться в секретариат герра директора по электронной почте или по телефону и договориться о встрече, по-другому ничего не выйдет, он должен это понять. Герр директор *очень* занят.

В конце концов он оказался в кабинете какого-то начальника отдела, пытавшегося заставить его почувствовать, какая это необычайная милость с его стороны, что он готов посвятить ему несколько минут своего драгоценного времени.

– Меня зовут Ойген Леттке, НСА, – начал беседу Леттке, вытащил банкноты и положил их на стол перед мужчиной. –

И я нахожусь здесь по причине забытых наличных денег, которые были неожиданно обнаружены.

Мужчина по другую сторону стола немного отодвинулся в кресле, словно хотел как можно больше дистанцироваться от старых купюр рейхсмарок. Трудно было поверить, что когда-то его карьера вне сомнения начиналась с обработки таких же купюр.

– Это проблема, – произнес он.

– Именно поэтому я здесь, – сказал Леттке. – Чтобы ее решить.

Мужчина, довольно худосочный и с осунувшимся лицом, зачитал правила, применимые в таком случае и, по существу, сводившиеся к тому, что после установленной даты все предоставленные наличные средства должны быть изъяты, а о предъявителе надлежало сообщить в полицию.

– Но у человека с вашей должностью, безусловно, есть определенная свобода действий, – сказал Леттке, когда тот отбубнил свою лекцию. – Если вы решите зачислить деньги, которые вдова героя войны обнаружила в его вещах, на ее счет, то кто вас остановит?

Мужчина уставился на него широко раскрытыми глазами.

– Что ж, послушайте, это не так просто, как вы себе представляете...

– Вы, несомненно, правы, – возразил Леттке, вытаскивая блокнот и карандаш. – Но разве все мы, занимающие высокие должности, не имеем свободы принятия решения по

собственному усмотрению? Управление национальной безопасности, например, в котором я работаю, контролирует все массивы данных рейха – в том числе, разумеется, платежные данные. Например, я на свое усмотрение могу распорядиться, чтобы все платежи, совершенные или полученные любым лицом, были проверены на наличие нарушений. Это сделает компьютер, то есть сделает очень быстро, и если есть движения денежных средств, о которых, скажем, не должна ничего знать жена, или компания упомянутого лица, или органы власти, то эти данные гарантированно всплывут... – Он наклонился, осмотрел латунную табличку с именем, которая стояла перед ним на столе, и записал выгравированное имя в блокнот. – Э. Шнайдер, что означает Э., если не секрет?

– Эрнст, – ответил его собеседник и сглотнул.

– Эрнст Шнайдер, – повторил Леттке, продолжая записывать: – Кредитный отдел.

Они пришли к соглашению. Потребовалось несколько бланков, которые Ойген Леттке должен был подписать, и десяток форм ввода данных, их следовало заполнить, затем найденные деньги были зачислены на счет фрау Евсевии Леттке, а банкноты подлежали утилизации надлежащим образом.

Когда Леттке покидал банк, одновременно с ним вышла чрезвычайно элегантная и изысканно одетая дама, она не удостоила его ни единым взглядом, даже когда он придержал для нее дверь. С телефоном у уха она самоуверенно прошла

мимо него, спустилась по лестнице и замахала рукой, подзывая такси. У нее были ярко-рыжие волосы и аристократическая бледная кожа, на ней были дорогие украшения, и то, что она не скрывала свои длинные ноги, заслуживало особого внимания. Вся ее снисходительная манера разговаривать с таксистом и ждать, пока он откроет ей дверь, делала ее похожей на аристократку.

Леттке остановился на обочине и смотрел вслед уезжающему автомобилю. Вот бы с такой бабенкой переспать! Таковую бы видеть стонущим, вспотевшим свертком перед собой, под собой! Сама идея возбуждала его. Он посмотрел на себя сверху вниз. Хорошо, что на нем было пальто.

— А, в сущности, почему бы и нет? — пробормотал он. Идея оживила его. Хорошо было ставить себе более высокие цели!

Он обдумал возможные варианты. Первым делом, конечно же, нужно было незаметно узнать, кто эта женщина. Это, опять-таки, сказал он себе, легко: она вышла из банка в определенное время — он быстро посмотрел на часы: они показывали 11 часов 26 минут — и разговаривала по телефону. Это означало, что ее телефон активен и зарегистрирован ближайшей к банку радиовышкой, кроме того, в это время должно было состояться телефонное соединение с кем-то еще. Затем она села в такси: это повлекло движение денежных средств, а это также зафиксировано.

Другими словами, женщину однозначно можно было найти.

Он сразу поспешил на работу.

Как только он вошел, его охватило странное беспокойство.

– Что случилось? – спросил он у Ханзена. – Кто-то умер?

Пит Ханзен покачал головой.

– Не. Но тебе надо пойти к начальнику.

– К начальнику? Леттке почувствовал легкий испуг, но не показал это. – К А.?

– Не. Не к главному начальнику. К *нашему* начальнику.

– К Кенитцеру?

– Ага.

Леттке повесил свое пальто на крючок.

– Так бы сразу и сказал.

Вилли Кенитцер был руководителем его отдела, жилистый мужчина возрастом около сорока, которого все считали резким, напористым парнем, пока он в первый раз не открывал рот и своим шепчущим голосом не разрушал энергичное впечатление. До сих пор Леттке с ним практически не пересекался; большую часть времени Кенитцер коротал в своем кабинете, позволяя своим людям хозяйничать по своему усмотрению.

Что Леттке вполне устраивало.

– Вы очень часто просыпаете в последнее время, – вкрадчиво произнес Кенитцер, когда тот усаживался напротив него.

Отрицать это было невозможно. У Кенитцера на экране

было его, Леттке, время прихода и ухода.

– Да, мне очень неловко, – согласился Леттке, стараясь выглядеть подавленным. – Мне, должно быть, срочно нужно купить новый будильник. К тому же сегодня у моей мамы возникла серьезная проблема, из-за чего мне пришлось отправиться в банк.

– Что за проблема, позвольте поинтересоваться?

– Она нашла крупную сумму наличными в вещах моего покойного отца. – Время от времени приходилось говорить правду, на тот случай, если за ним тоже кто-то следил. Зачисление крупной суммы на счет его матери могло обратить на себя внимание и вызвать вопросы, которых лучше избегать. Поэтому он вкратце рассказал, в чем дело.

– Ах, – сказал Кенитцер, знающе кивая головой. – Хлопотливое дело. Хорошо, что вам удалось с ним разобраться. – Он сложил руки, собрался с мыслями. – Есть еще одно непростое дело. Поэтому я и вызвал вас сюда. Чтобы вы смогли и с ним разобраться.

– Я внимательно слушаю, – произнес Леттке, с облегчением осознав, что ему, судя по всему, не собираются устраивать нагоняй.

– Как известно, у главного управления СД есть агенты в США, – начал Кенитцер. – Этим агентам сегодня ночью посчастливилось подключиться к важному хранилищу данных в Вашингтоне, через которое, по-видимому, проходит большая часть электронных писем на Восточном побережье.

Мы вовлечены в эту кампанию, поскольку у нас есть приказ из Берлина как можно скорее и как можно незаметнее копировать данные и документы, которые становятся доступными. Кроме того, мы должны получать появляющиеся данные, пока сохраняется доступ, а также отслеживать и анализировать электронные письма.

– Ух! – сказал Леттке. Это было непростое дело!

– Тайхман и Фелькерс уже сидят и вместе обдумывают, как действовать дальше. Поскольку вы лучше говорите по-английски, я хочу, чтобы вы приняли участие в работе над этим делом. – Кенитцер откашлялся. – Надеюсь, мне не нужно отдельно подчеркивать, что все это имеет первостепенную важность.

– Нет, это понятно, – ответил Леттке.

Стояла поздняя ночь, когда они наконец были готовы приступить к копированию данных, и, пока они замерев смотрели на экраны, надеясь, что обмен данными по трансатлантическим линиям действительно останется незамеченным, Леттке задался вопросом: съел ли он хоть что-нибудь за день. Он не мог вспомнить. С другой стороны, кругом стояли пустые тарелки, выглядевшие точно так же, как те, на которых в столовой подавали бутерброды.

Но это не имело значения.

– Работает, – хриплым голосом констатировала Розмари Фелькерс.

– Да, – подтвердил Пауль Тайхман, специалист по технике

связи. — Теперь нам остается только ждать и скрестить пальцы, чтоб так и оставалось.

— Нам? — Начальница отдела программирования встала. — Это ваша задача. Моя сделана, программы работают. Спокойной ночи. — Сказала это и засеменила прочь.

Леттке написал свой номер телефона на листе бумаги и пододвинул его к Тайхману.

— Позвоните мне, если что-нибудь случится. Я оставлю свой телефон включенным на ночь.

Но он не ушел сразу, а вернулся в свой кабинет, снова включил компьютер. Рыжая аристократка никак не шла у него из головы, да и ему нравилось упражняться. Он запросил телефонные данные, затем банковские данные, листал их взад-вперед, изменял опции поиска...

Но в конце концов ему пришлось сдаться. Независимо от того, как бы сильно он ни ограничивал данные, их всегда оставалось слишком много, чтобы можно было идентифицировать женщину вручную. Чтобы выяснить, с кем он сегодня столкнулся, требовался запрос, сопоставивший бы владельцев всех телефонов, которые сегодня в 11:26 совершали вызовы в районе банка, со всеми платежами, поступившими на счет веймарской службы такси в течение определенного периода времени после этого. А создать подобный запрос могла только наборщица программ.

Та, которая не задавала бы лишних вопросов. Такая, как фройляйн Брунхильда. Только ее больше не было в ведом-

стве. Некоторое время назад она вышла замуж в Кельне и теперь работала в находящейся там страховой компании.

Любой другой программистке ему бы пришлось рассказывать правдоподобную историю о том, почему ему нужно найти именно эту женщину. А ему не хотелось придумывать такую историю.

Вздохнув, он выключил компьютер, закрыл лицо руками и оставался сидеть так некоторое время. Позволил событиям еще раз промчаться перед своим внутренним взором: как женщина проплыла мимо него, огненно-рыжие волосы ярко вспыхнули в лучах солнца, проникавших в зал через одно из окон над главным входом... ее элегантные ноги в сверкающих чулках и туфлях на высоком каблуке...

А если бы он этому *научился*? Он выпрямился, посмотрел на темный экран перед собой и внезапно преисполнился дикой решимости. Почему, упрямо подумал он, считается, что только женщины могут программировать как следует? Это же наверняка какой-то дурацкий предрассудок!

По-другому ведь тоже бывало: есть же женщины, которые зарекомендовали себя в областях, считавшихся исключительно мужскими. Совсем недавно он прочитал статью о летчицах, о Ханне Райч, первой в мире женщине – командире экипажа, и Мелитте Шенк, графине фон Штауффенберг, работавшей бортинженером. Или Лени Рифеншталь, которая не только закрепилась в мире кино, где было особенно много мужчин, но и считалась самым важным телевизион-

ным продюсером. Итак, почему же искусство программирования должно было, наоборот, остаться для него закрытым только из-за того, что он был мужчиной?

Ему оставалось придумать, как все устроить, чтобы никто об этом не узнал.

Во-первых, потому, что тогда возник бы вопрос, для чего ему это нужно.

А во-вторых... в общем, не нужно, чтобы коллеги начали сомневаться в его мужественности.

Хелена и Мари никогда не пропускали Майский праздник, причем инициатива совместных начинаний всегда исходила от Мари, которая время от времени с удовольствием бродила по окрестностям. Хелена, напротив, чувствовала, что становится все более нелюдимой. Почему она никогда не замечала, что где-то устраивалась вечеринка? Впоследствии она всегда вспоминала, что читала об этом в своем новостном потоке, но каким-то образом, казалось, она была склонна упускать такие вещи из виду.

При этом она любила, когда Мари предлагала куда-нибудь сходить, потому что это почти всегда было интересно.

Так было и в то майское воскресенье. Духовая музыка разносилась над поляной, где проходило народное гулянье, небо было безоблачно-голубым и сотни гордых флагов развевались на теплом устойчивом ветру. Пахло жареными колбасками, гороховой похлебкой, жареным миндалем и, конечно же, пивом. Чтобы отпраздновать то, как фюрер вернул Богемию и Моравию в империю, а Пльзень, родина пивоварения, теперь был немецким, на пиво сегодня была назначена специальная цена.

И так много людей! Суматоха, толкотня, давка между длинными столами, половина из которых стояла под легкими палатками. Пиво чудесно сверкало в стеклянных кувши-

нах, и настроение было исполнено энтузиазма: наконец-то дела Германии идут в гору! Фюрер доказал, что способен творить настоящие чудеса. Разве не водил он за нос мнимые великие державы как танцующего медведя на манеже?

В отличие от Хелены, Мари было легко начинать беседы с незнакомцами, и поэтому Хелене тоже иногда приходилось заговаривать с кем-то, кого она еще не знала. Правда, не так, как Мари, которая иногда казалась кокетливой – обманчивое впечатление, конечно, она ни на секунду не задумывалась о том, чтобы стать неверной своему Отто. Между тем они были помолвлены, и свадебные планы тоже были определены: через неделю после восемнадцатилетия Мари они пойдут к алтарю.

Кстати, Отто собирался присоединиться к ним позже, самое позднее к началу танцев. У него еще были кое-какие дела на ферме, и, когда он позвонил сообщить об этом, Мари сказала ему, что все в порядке, значит, у них будет еще один девичий день.

День начался с того, что они раздобыли себе по бокальчику пива – здесь никто не спрашивал их о возрасте, да и своих родителей Хелена тут не встретит, – а потом стали искать свободное местечко.

Хелена заметила один совершенно свободный столик, из-за которого только что встала группа людей.

– Глупости, – высказала свое мнение Мари. – Там мы будем сидеть совсем одни.

Сказала это и направилась к столу, где сидела группа веселых молодых людей в студенческой одежде. Она спросила, найдется ли местечко для двух девушек, на что мужчины охотно подвинулись, чтобы они смогли протиснуться. Студенты смеялись, но при этом смотрели только на Мари, она сегодня была лучезарно красива и выглядела в глазах Хелены как сама Мать-Земля.

Что же они изучают, поинтересовалась Мари. Историю, ответили студенты, в Йене. Они не были однокурсниками, но все они были призваны на военную службу и праздновали свои «последние дни как мирные жители», как выразился один из них.

Светловолосый парень с эспаньолкой возразил:

– Последние дни перед нашим переходом в героическое бытие!

– Могли бы спокойно дать мне еще три месяца, – произнес третий, долговязый молодой человек с яркими лавандово-голубыми глазами, у которого были блестящие черные волосы, завязанные резинкой в крошечный хвостик: он был не длиннее чем мизинец, но придавал незаурядности его внешнему виду.

– Почему? – переспросила Мари. – Что бы ты сделал за эти три месяца?

– Завершил свою выпускную работу, – ответил он, поднял свой бокал с пивом и, обращаясь к ним, произнес: – За жемчужину познания, которая теперь остается наполовину

законченной на моем компьютере и, если я, Артур Фрай, погибну героической смертью, останется незавершенной и, таким образом, скрытой от человечества.

Его товарищи тоже подняли бокалы, хором издали печально-зловещий вопль и выпили – очевидно, некий ритуал, о котором Хелена никогда не слышала. Они с Мари тоже подняли свои бокалы, выпили по глоточку, потом Мари спросила:

– А о чем твоя работа?

Хелена всегда удивлялась, как ей это удастся. Просто брала и спрашивала, без какой-либо стеснительности, но никто не чувствовал себя как на допросе. Напротив, казалось, большинству нравилось рассказывать о себе и открывать Мари свои самые личные вещи.

Это всегда были такие простые, такие очевидные вопросы. И все же они ни за что на свете не пришли бы в голову Хелене.

– Моя работа, – объяснил Артур с франтовским конским хвостиком, – это то, что называется «спекулятивной историей». Основная идея такого рода работ заключается в том, что единственный способ по-настоящему оценить значение того или иного исторического события – это выяснить, что произошло бы, если бы оно никогда не случилось. Метод, не лишенный споров среди ученых, но, если вы меня спросите, большинство ученых в любом случае являются закорюченными чиновниками без единой искры воображения.

Мари нахмурилась, как делала всегда, когда задумывалась.

– Это значит, ты размышляешь, что было бы, если бы, например, Колумб не открыл Америку?

Артур кивнул.

– Да, только сейчас об этой теме, во-первых, уже много написано, а во-вторых, она бесполезная. Я имею в виду, что Америка уже была там, если бы Колумб остался в порту, ее обнаружил бы кто-нибудь другой. Это мало что дает. Интересны только такие события, значение которых большинство людей недооценивает.

– И ты такое нашел?

– Конечно, – ответил он и сделал глубокий глоток.

Мари взглянула на Хелену и спросила с притворной серьезностью:

– А, собственно, хотим ли мы узнать, что это за событие?

Они играли в такую игру не в первый раз. Хелена надула щеки, пожала плечами и ответила:

– Я даже и не знаю...

– Действительно? – Она наклонилась к нему и заявила: – Вам не нужно рассказывать нам, что это такое. По-моему, нас это нисколько не интересует.

Артур усмехнулся. Его товарищи тоже.

– Я еще не пощадил никого, кто об этом спрашивал, так что теперь вам придется встать и убежать, чтобы я вам не рассказывал.

– Ах, – со вздохом промолвила Мари. – Если бы не было так сложно найти другое место... Ну, ладно. Расскажи нам. Мы отважно выдержим.

– Ну что ж, – начал Артур, отодвигая пивной бокал, чтобы освободить место и по-профессорски сложить руки. – Я задал себе следующий вопрос: что было бы, если бы сэр Чарльз Бэббидж *не* построил свою аналитическую машину? Каким был бы мир сегодня?

Мари подняла брови.

– И?.. Каким?

Хелена была удивлена. Мари всегда быстро отвлекалась, когда Хелена рассказывала о программировании или компьютерах.

– Да, каким бы он был? – начал Артур. – Большинство людей не осознает, что наличие аналитической машины повлекло множество других разработок, не только научных, но и технических и даже политических. Смогла бы Британская империя превратиться в мировую державу без всех вычислительных машин в британских банках и страховых компаниях? Трудно сказать. В конце концов, у них было превосходство в Мировом океане. Вероятно, империя все равно бы возникла, но у нее был бы гораздо более выраженный военный отпечаток. Были бы у нас сегодня компьютеры? Конечно же нет. Вероятно, у нас не было бы даже телевизоров.

– Но почему бы ему было ее не построить? – вставила свое замечание Хелена.

Артур посмотрел на нее, словно только теперь заметил ее присутствие.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, Бэббидж был выдающимся ученым своего времени, – перечисляла Хелена. – И у него возникла такая идея. Почему он не должен был ее осуществить?

– О, он мог бы потерпеть крах из-за денег, – отметил Артур. – Я наткнулся на информацию, что проект был на грани в 1842 году. Предшественника аналитической машины, разностную машину, Бэббидж построил за свой счет между 1820 и 1822 годами, но только для того, чтобы добиться от правительства одобрения на финансирование более крупной разностной машины.

– И ему это удалось.

– Да. Но в 1837 году у него возникла идея гораздо более универсальной машины, аналитической машины, и он забросил проект разностной машины. Возник конфликт с правительством, которое уже вложило немало денег – миллионы марок по сегодняшним меркам – и не получило никакого результата. И вот в 1842 году состоялось голосование по поводу прекращения финансирования. Решение было вынесено в пользу Бэббиджа, но с небольшим отрывом. Что было бы, спрашиваю я, если бы все вышло иначе?

– Тогда ее построил бы кто-то другой. Так же, как кто-то другой открыл бы Америку, если бы это не сделал Колумб.

– Машину, состоявшую из пятидесяти пяти тысяч вы-

сокоточных деталей, высотой три метра, а длиной девятнадцать?

– Были же и другие люди, которые строили разностные машины, основываясь на концепциях Бэббиджа. – Какая-то часть Хелены была поражена тем, насколько быстро она может выйти из себя, но эта часть была недостаточно сильна, чтобы остановить ее. – Это витало в воздухе, я уверена. Об этом свидетельствует одно то, что леди Ада разработала основные принципы программирования, как только вступила в контакт с Бэббиджем и он объяснил ей принцип построения. Ей даже не понадобилась работающая машина, а ее программа вычисления чисел Бернулли все равно заработала сразу. – Она энергично покачала головой. – Это было неизбежно. Эпоха компьютера *должна* была начаться именно тогда.

– А я это оспариваю, – возразил ей Артур.

– И все остальное должно было произойти, – добавила Хелена. – Как уже писал Бэббидж в автобиографии: «Как только появилась аналитическая машина, она обязательно должна была указать науке будущее направление». Потому что существовала концепция. Этого уже было достаточно, чтобы, например, каждый, кто каким-то образом занимался проблемами электричества, сразу же задался вопросом, как это позволит усовершенствовать аналитическую машину. Другими словами, компьютер.

Она забыла обо всем вокруг – о празднике, о Мари, о других студентах, о солнечном свете – обо всем. Остались толь-

ко она и этот Артур с его утверждениями, которые она просто не могла оставить без внимания.

– Ты права, – согласился он. – Но именно поэтому важен вопрос, что было бы, если. Если бы Бэббидж потерпел неудачу, не важно, по какой причине. Я думаю, что сейчас все было бы забыто...

– Научные работы не предают просто так забвению!

– Но не в то время. И, как я уже сказал, ученые быстро костенеют. Они могли бы счесть идею об аналитической машине неосуществимой, прямо как вечный двигатель, и больше не возвращаться к ней.

Кто-то потряс Хелену за плечо. Это была Мари, и Отто внезапно тоже оказался рядом, и играла музыка. Мари произнесла:

– Мы пойдем потанцуем?

– Да, конечно, – рассеянно ответила Хелена. – Идите.

– Всего один пример, – сказал Артур, когда они ушли. – Наибольший импульс развития компьютер, как известно, получил во время Мировой войны. Раньше большинство устройств были просто забавой, они безнадежно уступали механическим аналитическим машинам, а глобальная сеть была всего лишь лабораторным экспериментом некоторых особенно помешанных университетов. Потом началась война, мать всех вещей, компьютеры приспособили для управления оружием, для шифрованной связи, для оптимизации производства оружия и так далее, а когда война закончилась,

компьютеры, по сути, были уже теми высокопроизводительными устройствами, какими мы их знаем сегодня. Им можно было поручить выполнение той работы, которую до войны могли выполнять только люди. Результат? Чудовищная безработица, приводящая к обнищанию, недовольству и так далее и тому подобное. – Он склонился над столом и прошептал ей на ухо: – Если бы не компьютеры, возможно, Гитлер бы никогда не пришел к власти. Что ты на это скажешь?

Хелена посмотрела на него, совершенно застигнутая врасплох мужским ароматом, исходившим от него.

– Что? – спросила она.

Он снова сел, пожал плечами. Его голубые глаза таинственно сияли.

– Довольно смелое утверждение, я это понимаю. И не из тех, которые следует записывать. Но в этом что-то есть, как мне кажется. Чарльз Бэббидж как основоположник.

– У безработицы в Республике были и другие причины, – сказала Хелена. – Она была следствием Великой депрессии.

– Конечно, компьютеры на биржах были *совершенно* невинны.

Хелена была озадачена. Над этим она еще никогда не задумывалась. И она недостаточно подробно знала недавнюю историю, чтобы приводить доводы.

В этот момент товарищи Артура вернулись с танцплощадки, смеясь и подняв суматоху за столом, и рассказали о мужчине, который был настолько пьян, что не мог поднять свою

денежную карту, упавшую на землю. Затем они напомнили, что им пора отправиться на какую-то встречу, о которой они договаривались, на что Артур ответил: «Ах да», опустошил свою кружку пива и встал.

Все кончено. Хелена осела, снова стала невидимой, той незначительной второстепенной фигурой, какой она чувствовала себя с незапамятных времен.

Но вдруг – студенты уже выходили из палатки – Артур еще раз обернулся, вернулся к ней и сказал, опираясь на столешницу перед ней:

– Я ведь даже не спросил – хотелось бы знать, с кем я имел удовольствие вести столь увлекательную беседу?

– Хелена, – ответила она совершенно растерянно. – Хелена Боденкамп.

– Боденкамп? Ты родственница знаменитого хирурга?

– Он мой отец.

– Ах, – он улыбнулся, выпрямился, изобразил своего рода жеманный реверанс и сказал: – Фрай. Артур Фрай. Было очень приятно.

«Мне тоже», – хотела сказать Хелена, но он уже отвернулся и поспешил за своими сокурсниками.

Она не сводила глаз с места, где он исчез, не в силах пошевелиться. Как будто случится что-то плохое, если она отвердет взгляд. Как будто все окажется сном. Или исчезнет воспоминание об этом.

Наконец вернулись Мари и Отто, и она больше не могла

смотреть в одно и то же место. Отто коротко поздоровался с ней, затем сразу пошел дальше, пожать руку другим знакомым. Мари села напротив, посмотрела на нее и спросила:

– Что с тобой?

– Я не понимаю, как устроена жизнь, – призналась Хелена. – Сейчас я так долго и так яростно спорила с этим студентом... при этом я больше никогда его не увижу. Тогда какой смысл был в этой нашей встрече?

Мари нахмурилась, слегка наклонилась вперед и пристально посмотрела на Хелену.

– Может быть, ты просто влюбилась?

– Ах, ерунда! – резко возразила Хелена, но в глубине души она точно знала, что Мари была права.

Так вот как это было.

Ужасно.

Их проникновение в американское хранилище данных фактически осталось незамеченным, и они скопировали такое количество материалов, что их оценка стала настоящей проблемой. Им потребовались бы сотни людей с хорошим знанием английского языка, чтобы получить хотя бы первоначальные сведения и худо-бедно отделить зерна от плевел – но, к сожалению, в их распоряжении, наоборот, оставалось все меньше и меньше людей, потому как по мере обострения политического кризиса с Польшей личный состав ведомства продолжал сокращаться из-за призывов в вермахт.

Леттке был встревожен, наблюдая за тем, как постепенно пустеют коридоры управления, исчезают таблички на дверях, а столовая становится все более пустой во время обеденного перерыва. Он представлял себе это совершенно иначе. Фактически работа в НСА не считалась автоматически важной для войны по той простой причине, что она была классифицирована как работа в гражданском ведомстве, а не в военном.

Поэтому ему нужно доказать, что здесь он полезнее для рейха и фюрера, чем на фронте.

И это будет нелегко.

В последующие недели он неумоимо читал тысячи электронных писем и других документов, составлял списки, со-

ставлял докладные записки и как можно больше протокольных записей, приходил утром пораньше и дольше оставался по вечерам и даже пренебрег своей страстью. Ну, как минимум большей частью. Только однажды, не выдержав, он вытащил из своей секретной папки неиспользованную распечатку и отправился в Эрфурт, где проживала указанная в ней женщина. Но на следующее утро он снова сидел за письменным столом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.